

Ефим Затуловский

**СУЖДЕНЫ НАМ
БЛАГИЕ ПОРЫВЫ,
НО СВЕРШИТЬ ОЧЕНЬ
МАЛО ПРИШЛОСЬ**

(Воспоминания...)

Афула,
2007

Ефим Вениаминович Затуловский

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Зачем все это? (<i>Вместо предисловия</i>)
2. Семья
3. Детство
4. Война
4.1. Эвакуация
4.2. Куйбышев
4.3. 1943—1946 гг.
5. Школа № 13 (1946—1949 гг.)
5.1. Рассказы Д. Кернера
6. МВТУ им. Н.Э. Баумана
6.1. Первые годы
6.2. Похороны Сталина
6.3. Общественная работа
6.4. Четвертый курс
6.5. Дела учебные
6.6. Производственные практики
6.7. Диплом, Сталинград
7. Свердловск
7.1. Год первый
7.1.1. Рассказ Ф.Ф.Петрова
7.1.2. Создатель пушки Д-44 (рассказ М.М. Марягиной)
7.1.3. Стабилизация и продувка танковых пушек	..
7.2. Работа
8. Ракетная техника
8.1. Начало
8.2. Первые в СССР
8.3. МР-12, Д-220 — «Байкал», сын
8.3.1. «Каппа» Победоносцева
8.3.2. Прощай, Свердловск
8.4. Избирательная комиссия
9. Куйбышев
9.1. Моторный завод — КМЗ
9.2. Работа на новом месте
9.2.1. Окружение
9.2.2. Первые шаги
9.3. Семья, быт, дети
9.4. Трудовые будни
9.4.1. Производство, военная приемка
9.4.2. Клапаны, ДК и РРы
9.5. Партия
9.6. Семья, окружение

10. Отдел № 6
 - 10.1. Помощники, кадры
 - 10.2. Взаимоотношения
 - 10.3. Байконур, ЛКИ
11. «Многоразовые» двигатели
 - 11.1. Наш вклад
 - 11.2. Доводка «новых» и ЛКИ «старых» двигателей
 - 11.3. Крах или «волевое решение»
12. Авиация
 - 12.1. Первые шаги
 - 12.1.1 Немного истории
 - 12.2. Семья, жизнь, общество
 - 12.3. Доводка СТ, шаги в авиацию
 - 12.3.1. Киев
 - 12.4. Рабочие будни
 - 12.5. Незабываемые эпизоды
 - 12.6. Дела житейские
 - 12.6.1. Поездка в Прибалтику
 - 12.6.2. Уход отца
 - 12.6.3. Орлята учатся летать
 - 12.6.4. Жизнь продолжается
 - 12.6.5. Гибель мамы
 - 12.7. «Катастрофа»
13. Металлист
 - 13.1. Первый внук
 - 13.2. Ирина, второй внук
14. Перестройка
 - 14.1. Страна, семья
 - 14.2. Макароны
 - 14.2.1. Опять сначала
 - 14.2.2. Рабочие будни
 - 14.2.3. Новочебоксарск
 - 14.2.4. Монтаж и текущая работа
 - 14.3. Распад страны, конец работы в СКБМ
 - 14.4. Семья, быт
15. Лихие 90-е годы
 - 15.1. Самарская макаронная фабрика
 - 15.2. Андреевка, начало
 - 15.3. «Ташкентцы»
 - 15.4. Андреевка нас кормит
 - 15.5. Дети, внуки, Москва, В. Богачка
 - 15.6. Я — опекун Павлика
 - 15.7. Снова завод им. Фрунзе, решение принято

1. ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО?

(Вместо предисловия)

Необходимость рассказать о пережитом, о себе, о семье, о тех, кого уже нет с нами, связана с тоскливым сожалением о собственной глупости, и нежеланием поставить в такое же положение своих потомков.

Как мизерно мало знаю я и мои близкие о прошлом своих дедушек и бабушек, о своих предках! Воистину, мы — Иваны, не помнящие родства! А что мешало мне расспросить подробно старших при их жизни о наших корнях?! Хватился лишь в 1989 году; тетя Рива рассказала кое-что, но очень многое уже забыла. Вскоре и ее не стало. Я стараюсь писать только то, что врезалось в память и отчетливо представляется. В некоторых случаях специально оговариваюсь. Ведь мой брат, Леня, был убежден, что во время войны стоял ночью в очереди за хлебом. Было такое, но не во время войны, а вначале 1948 года после отмены карточной системы.

Великая Отечественная войны против гитлеровской Германии и ее союзников (1941—1945 гг.) разделила жизнь всего народа (и мою тоже) на две части: «до» и «после» войны, — буквально врезалась в память большинства из нас. Очень обидно и больно, когда сталкиваешься с откровенной ложью, попытками «переписать историю», исказить и оболгать в мелких политических целях. Наша семья, как и другие, большими потерями оплатила ПОБЕДУ. Все ТЕ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ, достойны того, чтобы хоть раз в году о них вспомнили, а заодно и нас, поэтому я начинаю с рассказа о нашей большой семье.

2. СЕМЬЯ

Мой дед, Шая Затуловский, был из бедной еврейской семьи, проживавшей на правобережной Украине, застланной еврейскими местечками (штетл). Он пытался торговать, но в основном работал на сахарных и лесопильных заводах. Влюбился в младшую дочь раввина местечка Набутово, Хаву, и посватался. Ему отказали: «Гольтба! Куда жену приведешь?..» Он поставил себе задачу — построить собственный дом. Все, что зарабатывал, шло на покупку стройматериалов. Строил сам. Через 1—1,5 года приличный домик был готов.

Внезапно скончался раввин, оставив шесть дочек и очень мало денег. Как-то вечером к Шае пришла Хава и сказала, что со-

гласна выйти за него замуж, но только при условии, что свадьбы не будет. Дед согласился. Как делалась хупа — не знаю. 22.12.1902г родился мальчик Борух-Беномен, будущий мой отец, за ним Сарра, Ривка, Лейба и Моше. По документам: Вениамин, Сарра, Ривека, Лев и Моисей (Миша). Имя Вениамин как-то не прижилось в семье, его звали Боря.

Он учился в хедере и после бармицвы пошел учеником к часовщику-ювелиру и довольно быстро освоил профессию часового мастера. В разгаре Гражданской войны вступил в отряд борьбы с бандитизмом. В 1919 году, когда он навестил родителей, в дом ворвались бандиты. Отца повел на расстрел немолодой бородастый мужик, хотя дед буквально валялся у него в ногах, предлагая за сына все, что есть в доме. Бандит вывел отца на крыльцо, сунул ствол револьвера ему в рот и нажал спусковой крючок... Осечка. «Бог тебя спас, жидок», — воскликнул он и выдернул револьвер, повредив голосовые связки. С той поры и до конца жизни, волнуясь, отец слегка заикался. Далее была служба в Красной Армии, ранение и демобилизация, правда перед ней пытался попасть в летное училище; не пропустил невропатолог: когда он за спиной внезапно разбил стекло, отец непроизвольно вздрогнул, подвела глубоко вошедшая в сознание память о погромах. От часовщика проявилась тяга к технике, он работал в Киеве механиком. Экстерном окончил школу и поступил в Киевский Индустриальный институт, который окончил в 1934 г., будучи Главным Механиком кондитерской фабрики им К. Маркса.

В 1930г отец женился на Марии Ароновне Баркан, Мане, моей маме. Вскоре в Киев перебралась и вся семья дедушки Шаи.

Второй мой дедушка Арон Баркан, столяр-краснодеревщик, жил в местечке Хабно (Кагановичи). После рождения третьего ребенка, моей мамы, Малки, его жена скончалась. Это произошло в 1905 (может быть и в 1903) году. В дом пришла Хана Факторович и ... пошли дети: Миша, Броня, Белла, Сема, и Изя, во время Гражданской войны бабушка Хана усыновила сироту Сережу.

Арон был крут и скор на расправу, любимыми его ругательствами были: «проклятый выкрест» и «сионист вонючий». Неприязнь к выкрестам передалась мне и со стороны отца, а они были и есть в нашем окружении... Отношение деда Арона к сионистам, как говорила мама, связано с конкретным лицом. Местечковый богач — ярый сионист заказал деду изготовление большого мебельного гарнитура. Дед вложил в него все свое умение и мастерство, а когда пришел за деньгами, его не пустили через парадный вход и предупредили, чтобы пришел, когда позовут, и только через «черный вход». Позвали почти-что через год.

Думаю, что в этом вопросе сказались взгляды его старшего сына, Мотика, который примкнул к антиссионистскому БУНДУ, а в 1916 г. вступил в РСДРП и далее стал видным партийным работником.

В середине 20-х годов семья деда Арона перебралась в Киев. Мама работала кассиром в Торгсине (это была система, где за продукты и промтовары высокого качества скупали золото и драгоценности). Потом до войны — в сберкассе.

В 1937 г. *бабушка Хава* заболела раком пищевода, умерла в начале сентября от голода, тк отказалась от инъекций некошерными питательными растворами. Перед кончиной дочери по ее требованию поклялись быть верными Иудаизму

Бабушка Хана умерла в июле 1954 г. от лейкемии. Она всегда старалась соблюдать еврейские традиции, включая субботние свечи, на Песах пекла мацу, но когда накануне кончины к ней подошла моя мама с молитвенником, она оттолкнула книгу:

— Не надо, Маня, все это — выдумки.

Она очень болезненно переживала усиление антисемитизма в те годы и была убеждена, что за этим стоит *большой человек*. Им оказался Сталин.

Дедушка Арон умер в 1944 г. при неясных обстоятельствах. Место его захоронения утеряно.

Дедушка Шая умер в 1959 г. Похоронен на новом еврейском кладбище г. Куйбышева (Самара).

Рива Затуловская до войны жила в г. Подольске под Москвой, перед войной развелась с мужем, он погиб на фронте. Детей у них не было. В 1944 г. переехала в Куйбышев, где фактически до конца жизни жила вместе с сестрой и много помогала ей растить и воспитывать детей. Правда был перерыв, когда она работала бухгалтером на волжском теплоходе. Плавая по Волге, она, кажется, не очень соблюдала кошерность. Но потом до последних дней была активным членом еврейской общины. Она с Сарой пекла мацу, а в последние годы была старшим на этом процессе. Рива умерла 10.08.1989, похоронена по правую руку от дедушки.

Сара Затуловская была незаурядной личностью. Убежден, что такую истовость, такую верность материнскому завету, неуклонно жесткое выполнение в чрезвычайных обстоятельствах всех правил Иудаизма, которые она пронесла через всю жизнь, вряд ли по силам большинству израильских ультраортодоксов. Ее муж, *Лев Исаакович Фарфель (1898 г.р.)*, набожный бухгалтер высокой квалификации, был призван в Армию ранним утром 22 июня 41 г. Лишь в 1973 г. ее уведомили, что он «в августе 1941 г. пропал без вести, считать погибшим». У них было четверо детей: Сема (1928), Люся (9.01.1931—31.12.1988), Ава (1937) и Изя (1939). Все они

получили достойное образование и воспитание. Вот только к религии приобщить их ей не удалось, хотя Семен, зная запрет матери, при ее жизни не рискнул жениться на нееврейке. В середине 60-х у куйбышевского раввина Менделя Општейна умерла жена, через год община рекомендовала ему выбрать жену из сестер Затуловских, как самых праведных членов общины. Он остановился на Саре к большой досаде младшей, Ривы.

Мы с Валеи бывали у них в гостях. Два характерных эпизода:

Сидим с ребе за столом, беседуем. На столе бутылка кефира и стакан. Он обращается к жене, находящейся на кухне: «Сара! Налей мне стакан кефира...».

На праздничном столе стоит баночка дефицитнейшей черной икры (принесла Люся). Ребе сделал бутерброд и поднес ко рту, но тут же был остановлен резким окликом на идиш...

М. Општейн умер вначале 70-х, оставив после себя шкаф, заполненный книгами на иврите, ковер и холодильник, денег едва хватило на похороны. Тяжело заболев, тетя Сара в феврале 1984 г. почти сутки с пятницы до субботы лежала без сознания, только стонала временами. Тетя Рива твердо заявила, что «она — святая и уйдет, когда кончится суббота». Так и случилось. Похоронили ее на старом еврейском кладбище рядом с ребе Менделем.

Лева Затуловский был строгальщиком высшей квалификации. На киевском 3-де «Большевик» передовик, стахановец получил отдельную квартиру в новом доме. Весьма исключительное явление для того времени! Эвакуировался с заводом в Свердловск, где на базе «Большевика» вырос завод-гигант «Уралхиммаш». С директором завода когда-то он работал на соседних станках, дружили семьями, а жена Левы Фира была секретарем директора. В конце 1943 г. Лев «по-большевицки» (а у нас, Затуловских, — это в крови) на партийном собрании выступил с критикой работы парткома и его секретаря («парторга ЦК ВКПб»). На завтра утром с него сняли бронь и призвали в армию. Тетя Фира говорила мне, что она, беременная, стала на колени перед директором, умоляя спасти мужа, единственное, что тот смог сделать — это добиться, чтобы Лева попал не в маршевую роту, а на офицерские курсы. Она была убеждена, что это — правда.

После окончания курсов по дороге на фронт Лева заскочил в Куйбышев, а 02.02.1945 г. погиб в бою южнее Варшавы, так и не увидев младшего сына Бориса.

Моисей (Миша) Затуловский в мае 1941 г., будучи начальником отдела кадров конд. фабрики им К.Маркса, был призван на

армейские командирские курсы. Выбрался из окружения, в которое попали войска, оборонявшие Киев, сохранив парт билет и пистолет, что избавило его от долгих проверок МГБ, и все время воевал до 31.01.1945 г., когда его батальон попал в окружение севернее Варшавы и он погиб в бою. Он был холост.

На все запросы отца о местах захоронения братьев, указанных в извещениях об их смерти, ответы из Польши приходили одинаковыми: таких населенных пунктов нет.

Марк (Мотик) Баркан (1900г.р.) до и после Революции 1917 г. вместе с Лазарем Кагановичем вели большевистскую агитацию и создавали комсомол на Украине. В середине 30- годов он руководил одним из крупных профсоюзов Украины и Крыма. В 1937 г. по доносу одного комкора (позднее генерал-полковник) был арестован якобы за то, что рассказывал антисоветские анекдоты. Признания он не подписал и в начале 1939г. был реабилитирован. К этому времени и комкор и следователь уже были расстреляны. Каким пыткам его подвергали, рассказал только жене, а она — перед смертью дочери.

28 июня 41 г. ушел в армию полковым комиссаром. Погиб в 1941 под г. Ростовом, когда поднял бойцов в контратаку.

Его дочь Илона Баркан (1927 г.р.) живет в хостеле Кирыят-Моцкина.

Фира Баркан — «рыжая». У нее была тяжелая доля. В день свадьбы утонул жених. Вышла замуж почти перед войной за плотника. В эвакуации при строительстве Орско-Халиловского комбината он упал с лесов и разбился насмерть. Потом она жила в маленькой комнатенке в Москве, умерла в троллейбусе в начале 70-х.

Михаил Баркан, дядя Миша по хватке и способностям в теперешнее время был бы бизнесменом высокого класса. В те дни он прекрасно ориентировался в турбулентном болоте советской номенклатуры, чтобы всегда находиться на поверхности, имел «золотой значок — 50 лет в КПСС», двухэтажную дачу на платформе 42 км Рязанской дороги, квартиру на Ленинском проспекте в Москве. После ухода на пенсию стал тренировать платные группы фигурного катания и до 83-х лет почти каждый день стоял на коньках до 4 час. Как вице-президент Федерации фигурного катания Москвы организовал традиционные турниры «Московские коньки». В кругу его знакомых были герои-летчики довоенных лет: Громов, Водопьянов, и др., — космонавт Береговой, все знаменитые чемпионы — фигуристы и многие московские чины. Его любовницей была Екатерина Фурцева, тогда еще Второй секретарь Фрунзен-

ского райкома партии, она настаивала, чтобы он разошелся с женой и женился на ней. Как ни странно, ее в этом поддерживала бабушка Хана, пророча Кате «большую дорогу». Он из-за детей не пошел «на развод», т.к. знал житейскую беспомощность Лизы. Когда же ему крайне понадобилась помощь Фурцевой (она уже была Кандидатом в Члены Политбюро), он позвонил ей по закрытому телефону (друзья подсказали) и услышал в ответ: «Мы не настолько знакомы, чтобы быть знакомы» и краткие гудки. Знаменитая Ирина Роднина часто приходила к нему домой за «житейским советом».

Дядя Миша неоднократно помогал каждому из нас, но почему-то всем казалось (или хотелось), что он способен на большее и это вызывало какую-то неудовлетворенность. Очевидно, напрасно. Я в последний раз навестил его в марте 1996 г. вместе с Аллочкой, двоюродной сестрой (о ней ниже). Он (как выяснилось позже) меня не узнал, приняв за ее любовника, остался в восторге от помощи в сберкассе и очень жалел, что не уехал в Израиль с дочерью.

Его дочь Неля с мужем и внук живут в Израиле, сын — В Москве.

Броня Баркан закончила мединститут в Киеве, всю жизнь работала в санитарных частях МВД. В 1934 г. родила дочь Марию (Маечка). Муж, Самуил Кац, врач, попал в армию в первые дни войны, пропал без вести в Изюм-Барвенковском котле, в который загнал в мае 42 г. Юго-Западный фронт маршал Буденный. Тетя Броня пережила еще двух мужей и тихо скончалась, когда ей было далеко за 80.

Белла Баркан (1914—1981). Она особо выделялась в «баркановском гнезде». Красивая, умная, умелая, все, за что она бралась, делалось, как бы шутя, качественно и споро. К сожалению, ей не пришлось раскрыться полностью. Будучи студенткой, написала маслом портрет маршала Блюхера, а через несколько дней его объявили «врагом народа». Ее испуг описать трудно. Она начала стремительно сесть и долго не брала в руки кисть и краски (лет 20). Наброски в краске, выполненные Беллой, висят у нас в Израиле. Она удивительно умела изображать воду. Трудовую жизнь отдала бумажной промышленности, работая главным инженером проекта.

Вокруг нее толпились поклонники. Неожиданно для всех вышла замуж за врача — дерматолога Якова Шмаевского. Старше ее на 9 лет, ниже ростом, он был очень умным и душевным, «Человеком с большой буквы». 5 марта 1938 г. у них родилась дочь Алла,

а в 1940 г. Яша ушел в армию. Война застала семью в г. Бендеры в Молдавии. Белла с дочкой успела оттуда убежать, а дядя в качестве главврача военно-полевого госпиталя прошел всю войну и закончил ее в Праге в составе 1-й Гвардейской армии. После войны до 1954 г. служил в бухте Ольга — главной базе Тихоокеанского Флота. В июле 1976г. в поликлинике ВДНХ (Выставка Достижений Народного Хозяйства) он умер в свой последний рабочий день перед уходом на пенсию.

Смерть мужа потрясла Беллу, она заболела раком прямой кишки. В феврале 1981 г. семья лишилась своего опорного стержня.

Семен Баркан (1918—1941). Его помню только как очень доброго, мягкого человека. Моя мать рассказывала, что в 15 лет когда бабушка Хана била его палкой, он вскрикивал: «Мамочка! У тебя ведь больные руки...». В армию его призвали за год до начала войны, служил в танковых войсках в г. Белостоке (теперь Польша), предположительно там и погиб в известном танковом сражении, об этом побоище не очень распространяются советские и российские историки. Я о нем узнал из «солдатского радио» во дворе госпиталя.

Исаак Баркан (1919—1989) — «поскребыш», выделялся живостью и твердой волей. В 13 лет сбежал из дома с цирком, обнаружили в Конотопе. В 17 лет как гимнаст он попал на спартакиаду школьников в Москву. На тренировке вывихнул кисти рук и ему предложили пополнить команду прыгунов воду. Став чемпионом, Изя определил свою судьбу. 13 раз становился чемпионом СССР. Последний — в 1951 г. До войны, имея звание лейтенант, поступил в Ейское училище военных летчиков, которое эвакуировали в Мордовию в г. Саранск. В ноябре 1941 г. послали на фронт командиром роты морской пехоты и сходу бросили на печально известный «Невский пяточок» — клочок земли на южном берегу реки Невы, расположенный ближе всего к войскам Волховского фронта, пытавшимся прорвать блокаду Ленинграда. Немцы непрерывно атаковали, пытаясь ликвидировать этот плацдарм. Как он рассказывал, после 3-х дней боев от роты в строю осталось человек 5, а он жизнью обязан старшине, который уже умел большой боевой опыт и «чтобы командир не лез ни в свои дела, залил его водкой». Командир полка тоже уважал спорт и отправил «чемпиона» на другой берег в штаб. Там его небритого, грязного, с похмельным лицом узнал бывший командир училища, ныне командир авиадивизии, и предложил пойти к нему помощником по строевой и физической подготовке. Он говорил:

— Пойми, Юз (так звали Исаака всю его спортивную жизнь) твоя задача увлечь летчиков любым видом спорта, лишь бы отвлечь от спирта и водки. Большая часть наших потерь от того, что летчики идут в бой заторможенные и несобранные, не со свежей головой».

Дивизия размещалась на острове Кронштадт, который постоянно обстреливался из арт. орудий. «Живому чемпиону» удалось привлечь практически весь состав «летунов» к соревнованиям по волейболу, футболу и турнику (позднее гимнастике), «стадионном» служило летное поле. Дежурные экипажи болели за своих прямо из кабин самолетов. Были сделаны большие плакаты «таблиц первенства между подразделениями. По словам Изи, «трудностей было море»: усталость, апатия, как реакция на повседневную гибель товарищей, недоверие и нежелание «менять традиции» — пьянки после полетов, разрывы немецких снарядов. Уже через несколько месяцев потери стали заметно снижаться. В дивизию стали посылать людей из других частей для изучения опыта.

В мае 1942 после очередной поездки в Ленинград дядя возвращался в часть ночью на катере. Завернулся в шинель, вздремнул на корме..., взрыв..., очнулся в воде..., вынырнул, вокруг крики, шум — наткнулись на мину. Сапоги с водой, намокший китель тянули на дно, автоматически стянул сапоги, пакет с документами (главное, партбилет) — в кобуру и на шею, снял китель, оглянулся — абсолютная тишина, вокруг НИКОГО. Поплыл ориентировочно к Кронштадту и через несколько минут холод стал сковывать его; температура воды была 6 — 8° С, вдруг услышал звук работающего двигателя и увидел луч прожектора катера, который послали на звук взорвавшейся мины.

«Я стал кричать, как бешеный, не думая — свои это или чужие...», — говорил он. Когда его вытащили на палубу, боцман дал стакан спирта и обернул в противопожарную кошму. Этот тепловой удар и тренированное тело спасли от тяжелых последствий. А через несколько месяцев немецкий снаряд попал в казарму — контузия и 1,5 месяца в госпитале.

Летом 1944 г. капитана-лейтенанта И. Баркана представили к награждению орденом Ленина и к званию «капитан третьего ранга». В июле в Ленинграде устроили водный праздник в честь Дня Военно-морского флота, на нем присутствовал командующий Балтийским флотом. Изя с триумфом исполнил с десяток прыжков с трамплина и вышки, оделся и на верхней трибуне встретил коллегу из соседней дивизии, который незадолго до того «перехватил» спортивный инвентарь, присланный из Москвы по заявке Баркана. Понимая, что все теперь не вернуть, предложил поделить его

поровну, в ответ презрительный мат. На глазах адмирала Трубеца и его штаба в бассейн с трибуны полетел майор в парадной форме... Арест, угроза офицерского суда чести, друзья сумели спасти доводами, что через две недели впервые после начала войны должно состояться первенство СССР по водным видам спорта. Там он выиграл прыжки с вышки, но орден и звание ушли.

Летом 1949 г. Юз в составе советской команды в рамках Всемирного Фестиваля молодежи в Будапеште выигрывает студенческие игры; многие газеты стали величать его «чемпионом мира». «Какой, к чертям, чемпион? — злился он, — мексиканцы прыгали лучше, но судьи...» К олимпиаде в Хельсинки 1952 г. он вошел в тренерский совет, который возглавлял его старый соперник и недруг А. Жигалин. Баркан пытался убедить всех прыгунов, что в воду надо входить, не прогнувшись «ласточкой», а вертикально без брызг, как видели у мексиканцев. Только Женя Богдановская вняла его советам и привезла бронзу.

На поминках после похорон Юза Богдановская сказала, что он первым открыл дорогу советским прыгунам к большим победам. Московская школа «Спартака», которую он создал и возглавил, стала своего рода «кузницей чемпионов» и классных тренеров. Известно, что каждый талант — это и твердый, неуступчивый характер, зная очень недружественную атмосферу спорта, особенно советского, можно понять, что его работа была в основном усеяна шипами, хотя бывали и розы: «заслуженный тренер РСФСР» и «заслуженный тренер СССР». Он просто выходил первого советского чемпиона Европы Романа Бренера, о котором в узком кругу говорил: «Талант — от бога, а кругозор — местечкового еврея».

14.09.1960 г. в газете «Советский спорт» появилась статья «Кульбиты Баркана», заказанный опус, полный грязи, лжи и клеветы. Автор — еврей под псевдонимом. Комиссия МК КПСС отмела все домыслы и нападки в этой статье, за то, сколько его лет жизни она отняла?!

Накануне Токийской олимпиады 1964 г. Исаака вывели из тренерского совета сборной. Его ученица, чемпионка Европы Бакланова, заняла лишь 4-е место и прославилась на весь несоветский мир, лихо, отплясав рок-н-рол в интерклубе с американцем. Огромный фотоплакат появился на главных улицах Токио: во фриловольном па он с надписью USA на свитере, у нее — СССР. И это в разгар холодной войны!!! Идеологическая диверсия! Кто виноват? Конечно, тренер. «Так меня же там не было. Куда Вы смотрели?..». Накануне олимпийских игр в Мехико, Изе донесли, что его ученик, чемпион Европы Полулях, планирует там спекуляцию на «большие бабки». Заметив, что Полулях тренируется вполсилы, предложил

Главному тренеру сборной (кажется Галкину) временно вывести спортсмена из ее состава. В ответ: «Ты хочешь ослабить сборную...». Тогда Исаак обратился к Предкомспорта СССР Павлову, заявив, что снимает себя ответственность за подготовку к Олимпиаде Полуляха. Его взял к себе главный тренер.

В Мехико Полулях завалил полуфинальные прыжки и на другой день был отправлен домой самолетом. В то же утро к руководителям советской делегации обратился мексиканский торговец с жалобой на Полуляха, который продал ему чемодан черной икры, она оказалась порченной (жара!), тот обещал вернуть деньги, но улетел. В Москве в аэропорту у Полуляха обнаружили полный чемодан сверхмодных женских косынок. Судили за контрабанду.

История получила огласку. Главного тренера «сослали» на Кубу. А Исаак Баркан стал жертвой грязной провокации, результатом которой стал запрет заниматься прыжками в воду, принятый Федерацией водного спорта СССР. Членов Федерации вынудили проголосовать за это решение под угрозой «сделать невыездыми». Многие из них накануне этого заседания пришли к нему на квартиру, чтобы объяснить ситуацию. К их чести они заблокировали попытку лишить его спортивных званий.

Спортотдел ВЦСПС (профсоюзы) попытался проигнорировать эту акцию, но через несколько месяцев вынужден был предложить дяде возглавить в том же дворце спорта школу плавания «Спартак». «Отлучение от прыжков, запрет на профессию» ошеломил дядю Изю и сильно укоротил его жизнь.

А московская школа прыгунов в воду потеряла лидерство. В 1978 г. И. Баркана пригласил к себе «хозяин Москвы», член Политбюро, Гришин. Он предложил возглавить школу и сборную Москвы.

— Если команда займет хотя бы 3-е место на предолимпийской Спартакиаде народов СССР, просите, что хотите — выполним.

В ответ Изя заметил, что в 1979 г. ему будет 60 лет, и он рассчитывает на персональную пенсию.

Если бы лидер сборной Москвы не сорвал свой последний прыжок, команда стала бы чемпионом Спартакиады, а так — 2-е место. Исаак Баркан стал персональным пенсионером республиканского значения.

В августе 1989 г. он умер от сердечного приступа. Некролог в «Советском спорте», достаточно пышная траурная церемония, на которой с проникновенными словами прощания выступили и те сволочи, которые травили «этого жиденка» всю жизнь.

В крематории я не сдержался и упомянул о тех фактах биографии Юза, которые разрывали его сердце. Миша, его сын, который унаследовал папино место, попенял меня за это, но после ко мне

подошли двое мужчин, поблагодарили за правдивые слова и рассказали историю про Полуляха. О ней Изя нам не рассказывал. Очевидно, боялся.

Сергей — приемный сын. Я не знаю даже его фамилии и национальности. Бабушка Хана говорила, что он был сиротой, жил с ними, как родной, после службы в армии «пошел в летчики», он служил на Дальнем Востоке, регулярно писал письма, в последнем сообщил, что едет на фронт. И все.

Таким образом, получилось, что из 7 моих родных дядей и 5 мужей родных теток воевали 10 человек, а живыми с фронта вернулись двое, а один, самый старший по возрасту, погиб на военной стройке.

3. ДЕТСТВО

Родился в Киеве на улице Меринговской. Затем семья поселилась в большой комнате с примыкающей к ней маленькой, узкой прихожей с фонарным окном на потолке в доме 38 на улице Короленко (ныне Владимирская). В маленькой комнате разместились дедушка Шая и бабушка Хава.

Дом двухэтажный — бывшая гостиница, слева гостиница «Красный Киев», справа через один дом — сквер «Золотые ворота». Длинный коридор объединял 21 комнату, общую кухню и два туалета, закрытых на замки, ключи от которых были разделены между жильцами. В центре дома находился большой парадный вход со ступеньками из белого мрамора, рядом с туалетами — черный ход во двор. Во дворе находился г-образный домик с флигелем. На 1-м этаже нашего дома помещались небольшой продовольственный магазин и столовая, а под лестницей в бывшей превратницкой обосновался частный фотограф.

Дом был многонационален: украинцы, русские, евреи и поляки. Каждый знал друг о друге все. На кухне кипели страсти, воюющие стороны периодически перегруппировывались, меня состав, хотя до драк, вроде бы, не доходили.

Запомнились некоторые эпизоды той поры.

Как-то с самого утра повсюду я слышал тревожное — «Кирю убили!». Кира — моя ровесница, жила в нашем дворе, мы только вчера с ней играли. Я был потрясен, но после обеда увидел ее и с радостным криком побежал к ней... Убили Кирова. Это было 10.12.1934 г.

Зимним вечером меня вели из детского сада через площадь с памятником Б. Хмельницкому перед Софиевским собором. Площадь была заполнена людьми, в снежные сугробы воткнуты древки знамен и плакатов. Трибуна — на одном из балконов. Заиграли «Интернационал». Все сняли шапки и запели. Мы тоже замерли. Пели на разных языках. С тех пор звуки «Интернационала» вызывают у меня внутренний трепет и желание встать... Изумительная мелодия!

Крайнее из 3-х окон нашей комнаты примыкало к гостинице «Красный Киев», одном из самых высоких зданий города. Однажды после объявления очередной воздушной тревоги, это случилось часто, мама подвела меня к этому окну: «Смотри, сынок! Вон там стоит Ворошилов, рядом Тухачевский и Якир, вполоборота к ним — Буденный...» и назвала еще несколько известных всем фамилий. Тогда, очевидно, проходили знаменитые на весь мир Киевские маневры 37 года.

Большой двор соединялся с ул. Короленко через арочный проезд — «подворотню», куда был проделан вход в комнату, где жила большая семья тети Сары. С ее старшим сыном Семой (1928 г.р.) мы тесно связаны на всю жизнь, хотя сейчас он живет в США. Когда он пошел в школу, уроки я делал вместе с ним, поэтому в первых классах школы мне было не интересно, я уже все это проходил вместе с Семой и не старался.

Воспитывал нас двор. В основном ребята были старше нас и они «открывали нам мир». Подробно и доступно мы узнавали о подвигах летчиков, тайнах деторождения, о войнах в Китае, Абиссинии (Эфиопии) и Испании, о прелестях соседних девушек, о делах «врагов народа», последние анекдоты, блатные песни и т.д. и т.п. Игры «в города страны» раскрывали политическую карту мира, а «в казаки-разбойники» — все проходные дворы и лазы вплоть до Крещатика. Во дворе культивировались футбол и теннис, конечно, самодельными ракетками.

Главенствовали поляки Тадзик и Казик, еврей Марик и украинец Витя Черногуз. Выделялся начитанностью Вова Откаленко — «самурай» (носил очки). После войны он стал спортивным корреспондентом газеты «Правда», а его жена — прославленной легкоатлеткой. О судьбе остальных не знаю.

Вначале 1940-го появился «новичок», крепкий паренек из правобережного села. Он стал притеснять младших и особенно «жиденят», но вскоре его «убедили» кулаками, что так нельзя поступать.

Мне приклеили кличку «буйвол» за рыжую шубу и упрямый нрав. В 5 лет ознакомили с новым, звучным словом из 3-х букв. Я с гордостью носился по двору и коридору, громко его повторяя. Вечером

отец достаточно жестко отбил мой зад и вбил в память на всю жизнь это слово.

С какой радостью все говорили о Постышеве, одном из тогдашних вождей, который «разрешил праздновать Новый Год и ставить елки». И вдруг он — «враг народа». В доме первыми «взяли» всех мужчин — поляков («белополяки»), затем начались аресты «троцкистов» и «вредителей», их насчиталось человек шесть. Удивительно, но к семьям арестованных относились очень лояльно, даже во время кухонных схваток, наверное, понимая, что «сегодня — ты, а завтра — я». Поражаюсь безрассудной смелости моей мамы, которая после ареста брата Мотика при всех говорила, что «арестовывают честных коммунистов по спискам...». И никто на нее не донес!

А вот отец испугался клейма «родственник врага народа». Посадить могли запросто. Он убежал из Киева, устроившись главным инженером завода им. Лепсе в городке Золотоноша (ныне в Черкасской области). Мать осталась в Киеве, к отцу выезжали только на лето.

1 мая 1938 г. с утра я устроился на подоконнике квартиры деда Арона на Крещатике. Объезд войск на белой открытой машине совершал командарм Якир, затем он поднялся на отдельную трибуну и прозвучало: «Я — сын Трудового народа...», парад громко повторял слова нового текста присяги Красной Армии. Это было здорово! Вскоре начались аресты высшего командного состава.

С того дня я наблюдал все военные парады на Крещатике почти у Центральной трибуны, т.к. обходил оцепления запросто, да и дяденьки стояли в них добрые. Видел Жукова, а после Кирпоноса, героя финской войны. Они — на конях.

Газеты я начал читать «от корки, до корки» с 8,5 лет, воспринимая прочитанное как абсолютную истину. Так было до января 1956 года, до бесед с Еленой Викторовной Златовой, но об этом ниже. У нас появилась ковровая дорожка, я расстилал на ней газету и читал лежа.

Летние месяцы в Золотоноше запомнились квартирными проблемами. Завод построил 8 квартирный двухэтажный дом. Главный инженер В.И. Затуловский взял себе одну комнату в нем и когда оказалось, что не хватает 2-х унитазов, приказал лишить оных квартиры «начальства»: свою и главного бухгалтера. Его же она часто напоминала об этом моей маме.

Летом 1938 г. завод организовал выезд на крупное озеро. Там я решил научиться плавать по методу, рекламируемому в киевском дворе: щенка брось в воду — он сразу поплывет. Я бросился с обрыва в воду и... стал тонуть. Вытащили. Плавать научился на Волге лет через шесть.

Книги начал читать раньше газет. Когда впервые читал про ночные ужасы в церкви, описанные Гоголем в повести «Вий», страх сковал спину, боялся оглянуться. Я отнюдь не был храбрецом и многократно принуждал себя преодолевать страх. Так в гостях у тети Брони перелезал через перила ограждения балкона и висел на руках. Крики возмущенных прохожих приятно щекотали самолюбие. А в 24 с половиной года, будучи на преддипломной практике в Сталинграде, прошел по узкому карнизу шестого этажа туда и обратно, чтобы взять нож из соседней комнаты. Каждый раз, когда бываю в Волгограде, проезжая поселок 3-да «Баррикады», смотрю на этот карниз и думаю: «Вот дурень!». Но высоты не боюсь.

Художественная литература стала потребностью на всю жизнь. Честно говоря, проще перечислить, что не читал, чем прочитанное. Не пришлось прочесть «Жана Кристофа», «Войну миров» Уэльса, Кафку и некоторых авторов, которые обрели известность после середины 80-х годов. Зато 3—4 раза перечел «Евгения Онегина», «Войну и мир», «Героя нашего времени», «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Как закалялась сталь» и повести ОГенри. А вот к поэзии себя не приучил. Просто обокрал себя!

Как хорошо, что нашему внуку Вадику вторая бабушка внушила интерес к поэзии. Спасибо, Любовь Николаевна!

У всех предвоенных детей было восторженное отношение к Красной Армии. С малых лет мы мечтали стать либо летчиком, либо танкистом, либо моряком. Сила, могущество и непобедимость нашей Армии были неоспоримы. Мы были убеждены в том, что в каждой стране мира рабочие и крестьяне только и ждут, когда Красная Армия освободит их от гнета капиталистов, буржуев и помещиков и коренным образом улучшит их тяжелую долю. Как мы завидовали Марику Когану, который ходил в изумительной голубой форме курсанта летной спецшколы.

Теперь я понимаю, что создание сети таких спецшкол (летных, танковых, артиллеристских и военно-морских) было продиктовано острейшим дефицитом командирского состава, вырубленного чистками 37—38 гг.

Летом 39 г. брата Сему послали в «Артек» — главный пионерский лагерь страны, завидовали ему все ребята. Когда он вернулся, то рассказывал о жизни в лагере вздохнул... и научил меня курить. К счастью, мы не втянулись, а вскоре бросили навсегда.

Бабушка и дед, живущие рядом, так же и родители Семы, неукоснительно соблюдали все еврейские традиции и обряды, что не могло ни коснуться меня. «Ханеке гелт», треугольные «уши Амана» на Пурим, Пейсах с мацой, суровый Йом-Кипур отпечатались на всю жизнь, а Шавуот и Суккот как-то выпали из памяти. Я с ин-

тересом наблюдал за субботней процедурой (шабес), которую проводил дядя Лева, Семин папа. Он нам наливал «по две капельки водки». В 7 лет я объявил себя верующим и стал вместе с Семой повторять слова молитвы. На Симха — Тора нас повели в синагогу. Там по рядам стали носить свиток Торы в красном бархате. Все ее целовали. Передо мной Тору поцеловал сосед — старик, от которого не очень хорошо пахло. Мне показалось, что я поцеловал тоже место, что и он, стало дурно. Когда дома об этом рассказал родителям, папа популярно изложил мне основы атеизма.... На этом моя религиозность кончилась.

Несколько слов о традициях и еврействе. Убежден, что абсолютное незнание еврейского языка — идиш и основных традиций, — одна из главных бед выходцев из интеллигентской среды советских евреев моего и последующих поколений. Подавляющее большинство из нас не стыдились своего еврейства, но старались спрятать от посторонних глаз. Старшие говорили на идиш, а мы не старались его постичь, хотя НИКТО этого не запрещал. Тоже по отношению к традициям. Кулич на пасху можно, мацу на пейсах — ни-ни. Только в середине 70-х в нашей семье появилась маца, благодаря теткам.

Как мне подчас обидно за незнание идиша. Слушаю песни, с детства знакомые мелодии, и слезы проступают... Виноватить надо только себя и немножечко родителей. Были запреты, гонения, ограничения, но они распространялись не только на евреев. Мы оказались самыми нестойкими.

Только с 2003 г. здесь в Афуле на Йом-Кипур мы с женой стали соблюдать строгий пост, а я посещать синагогу, отдавая дань традиции и ушедшим предкам. С наслаждением слушаю речитатив старого кантора (хазана) и хор молящихся, периодически вторящих ему.

Жена не идет, ее «отталкивает» занавес на балконе для женщин.

4 апреля 1939 г. в первый день Песах родился младший брат. Отец был в отъезде и прислал телеграмму о «счастье огорченного отца», мечтал о дочке. День был по традиции пасмурным, шел и таял снег. Я стоял во дворе, было одиноко и грустно.

Имя новорожденному выбирали вдвоем с папой, мама потребовала, чтобы вначале была только буква Л. Остановились на Леониде, Леничке. Естественно, что в первые годы основное внимание уделялось младшему, подчас это вызывало ревность.

Переломным в моем поведении был прием в пионеры. Тогда эта процедура начиналась в 3-м классе 7 ноября. «Массового охвата», который внедрился позднее, не было, т.к. тогда еще молодежными организациями руководили умные люди. Через отбор я

не прошел, а Сима — одноклассник — да, на что я ему «врезал». А вечером нас навестила учительница Валентина Федоровна и очень мягко, умно объяснила мне, что и как. Я начал стараться, и 21 декабря в день рождения «Великого Сталина» мою шею обвил красный пионерский галстук со специальным металлическим зажимом. Я наизусть произнес «торжественное обещание юного пионера». В моем сознании, поведении и отношении к окружающим произошел определенный положительный сдвиг... Мама была в восторге, тем более что на меня легла довольно большая доля ухода за младшим братиком, когда мама вновь вышла на работу. Именно в ТО время взяла старт жестокая компания по борьбе с прогульщиками и нарушителями трудовой дисциплины. Суды работали беспощадно: прогул — тюрьма, опоздание — штраф — 20% зарплаты. Конечно, повседневный уход за годовалым ребенком не всегда был по душе. Как — то, уложив Ленку спать, я «на полчаса» убежал поиграть в футбол (мое законное место было в воротах). Когда часа через 1,5 вспомнил и прибежал домой, увидел потрясающую картину: сидит братик на столе и достает ручкой из 4-х литровой кастрюли с борщом гущу и отравляет ее в ротик. «Ика, я кусить хоцу...» — молвил он. В свекольном цвете было все вокруг... «Ика» — было первое слово, которое он произнес, производное от Фимка, а потом уж МАМА, ПАПА. Игры наши были насыщены физическими нагрузками: кувырки, хождение в стойке на руках (держал за ноги), вис на руках, держась кулачками за мои пальцы, «самолет» на вытянутых моих руках и т.п. Он очень любил «казку» (сказку), часто повторяя слова ее.

В это время отец уже работал в Киеве начальником механического цеха на ВМЗ-1 (Военно-Механическом заводе №1). Дядю Мотю уже реабилитировали, а в Золотоноше произошел типичный инцидент.

На общезаводском собрании предзавкома выступил с инициативой принять обязательство досрочно выполнить годовой план к 7 декабря, дню Сталинской Конституции. Зная, какой напряженный план дан заводу, отец предложил создать комиссию для оценки реальных резервов и возможностей и по ее рекомендации определиться с датой. Его предложение приняли, а завтра в партийный комитет поступило заявление о вредительских действиях беспартийного Главного Инженера Затуловского В.И. Директор посоветовал уходить...

В начале 1941 г. родители купили пианино. Договорились, что с сентября я начну заниматься музыкой с преподавателем. Я очень любил петь, хорошо запоминал мелодии, но ноты на слух различал с трудом. По моему мнению: хороший внутренний слух

сочетается с плохим внешним, — «на слух» мелодию подбираю весьма слабо. Не знаю, что было бы, но мое музыкальное образование завершила война.

10 июня 41 г. я заболел корью. Лекарство — вскоре запрещенный красный стрептоцид. Корь считалась (сейчас, наверное, тоже) обязательной детской болезнью, мама подсовывала ко мне Леньку, но он не заразился.

21-го я впервые вышел из дома. Вечером во дворе мы с упоением внимали Вовке Откаленко, который подробно излагал нам «Рассказы майора Пронина» про доблестных чекистов, разоблачающих злобных и коварных шпионов, диверсантов и вредителей. Домой явился около 11 вечера. Мама была в панике, не зная, где я, отец отдыхал по путевке в Сочи. К нам зашел дядя Мотик, который убедительно попенял меня за безрассудство. Я его видел в предпоследний раз.

4. ВОЙНА

4.1. Эвакуация

Светало, когда меня разбудили гудки сирен. «Опять «угрожаемое положение» — подумал я — Как здорово! Лишь бы не сняли». В шесть утра на улице раздались тревожные крики: «Война! Война!». Я выскочил из парадного входа, жена фотографа — полячка — убеждала окружающих, что Гитлер напал на СССР и об этом говорит немецкое радио. У нас был ламповый приемник СИ-235, и я бросился к нему. Москва о войне ни слова, а рядом по-украински передают «Обращение батьки Гитлера до украинского народа»; в нем и «освобождение от гнета жидов и большевиков», и «власть москалей», и «свобода народа» и т.п. и т.д. Тут же загудели сирены и послышались звуки разрывов зенитных снарядов, и так целый день...

В небе гул самолетов, аэростаты заграждения и облачка разрывов снарядов. Центр Киева не бомбили.

Только в 12.15 после очередного выпуска последних известий из репродуктора послышался голос Молотова, объявившего «о вероломном нападении фашистской Германии...»

Назавтра в золоторотском сквере и в других открытых местах стали делать щели. Это — траншея покрытая накатом бревен, засыпанная землей. Настоящих бомбоубежищ было очень мало.

В магазинах стали расхватывать соль, спички, сахар, крупы и др. А на улицах началась «охота на шпионов». Говорили, что нем-

цы выбросили их целый десант, в основном западноукраинцев, в военной или милицейской форме. Их узнавали по поведению: в форме платит за билет — шпион, милиционер входит в трамвай с задней двери — тоже, расспрашивает, как куда-то проехать — враг. На всех транспортных средствах замазали названия остановок и конечных пунктов. В сквере мы подтаскивали бревна для щелей, за нами наблюдал майор, сидящий на скамейке, к нему сзади молча подошли два каведешника, скрутили руки и повели.

Через день отнесли свой СИ-235 на склад. Расписку хранили долго.

Отец из Сочи возвращался буквально «на перекладных», его поразило большое количество попутчиков военных, особенно летчиков.

Мы, пацаны, ждали начала революции в Германии, восстания рабочих и крестьян в немецкой армии и начала сокрушительного удара Красной Армии, но сводки с фронта были крайне тревожны и неутешительны. Определенные надежды рождали сообщения об обороне крепости Перемышль и о переправе через Дунай нашего десанта. Кстати, о Брестской крепости узнали через десяток лет после войны, а вот о Перемышле ни слова???

29 июня пал Львов. В этот же день мы проводили дядю Мотика, а раньше на фронт ушел дядя Лева Фарфель. Воздушные тревоги, стрельба зениток и пулеметов, осколки зенитных снарядов становились привычными. Все рвались на фронт.

3 июля по радио выступил Сталин. Его неторопливая речь с сильнейшим грузинским акцентом, прерываемая шумными глотками воды, по моей памяти, как-то успокоила многих.

7 июля вечером отец объявил, что завтра мы эвакуируемся на Восток на пару месяцев, так что вещей много не брать. Мама тут же убежала оповещать всех близких. Назавтра у нас уже были дедушки, бабушка Хана, тети Сара, Броня и Фаня (жена Мотика) с детьми. Когда отец приехал на грузовике с прицепом, он ужаснулся от такого количества родственников, но кому скажешь: «Нет»? Разместились в прицепе, а тут еще пошел дождик, пришлось принести из дома и набросить сверху ковровую дорожку. Поехали на Подол, на завод.

На заводе мы впервые услышали свист и разрывы авиабомб примерно в 1 километре от нас. Вечером колонна из 12—15 грузовиков с прицепами проехала по Цепному мосту через Днепр. Мы с Семеном закричали: «До свидания, Киев! Скоро вернемся!». Для меня это «скоро» длилось 34 года.

Утром разбудили крики и надрывное завывание мотора. Колонна прочно застряла в грязи грунтовой дороги. Дождя не было. Справа по ходу — аэродром с непрерывно взлетающими и садя-

щимися тупорылыми истребителями (очевидно, И-16), слева — хлебное поле. Вдоль обочины бегал военный в кожаной куртке и кричал: «Уси в жито! Уси в жито до приезда трактора!». Мы слезли и зашли в густую высокую рожь. Урожай в то лето был отменный.

Через полчаса из просвета между тучами вынырнул «Мессершмидт», летчика было видно прекрасно. Увидев массу самолетов, он, наверное, испугался, прижался к нашей колонне, начал ее расстреливать из пулемета и скрылся в облаке. Пули, на счастье, были не зажигательные. Досталось даже нашей дорожке, но люди не пострадали. Спасибо мужику в кожанке!

Часа через три мы добрались до железнодорожной станции, там, на перроне умылись и снова немецкий самолет на бреющем полете прошелся вдоль воинского эшелона на путях.

Выгрузились мы в Харькове в военном городке на Холодной горе, поселились в бетонных подвалах новых домов, где прямо на полах разложили ватные матрацы. Отец с теми же автомашинами вернулся в Киев.

В Харькове мы пробыли до первой декады сентября. Несколько эпизодов:

Рядом с нами разместилось подразделение — прообраз «стройбата» из западноукраинцев, в основном евреев. Одна винтовка на взвод. Один из них на идиш обратился к моей маме с вопросом: «Зачем вы здесь мучаете себя и детей? Не верьте этой пропаганде. Германы — культурные люди. Я своей жене запретил трогаться с места...». Таких евреев-умников оказалось немало.

Как — то четырехлетний Толик Бутенко отобрал у двухлетнего Лени какую-то игрушку. Братик подстерег его на лестнице в подвал и ударил сверху по лбу ржавым секачом. Заорали вдвоем, Толик — от боли, Ленчик — от страха и вида крови. Шрам остался на всю жизнь. Мать Бутенко кричала, что пойдет в милицию, чтобы арестовали этого хулигана...

В начале августа меня с кровавой дизентерией увезли в больницу, где пробыл дней 14. За это время всех заводчан эвакуировали по железной дороге. Дед и Сарра тоже остались. Дома на Холодной горе опустели, и мы устроились с «комфортом».

На всю жизнь запомнилась первая бомбардировка Харькова в ночь на 4 сентября. Семья Барканов собралась в пустой сторожке на стадионе «Динамо», туда же перебралась с нами мама. Бомбы посыпались до сигнала «воздушная тревога», все небо расцветили трассирующие снаряды и пулеметные очереди. Фейерверк неописуемый!

Невдалеке бомба попала в жилой дом, где находился электроунивермаг, и разорвалась в подвале. Обломки электротоваров разметало по округе.

Тетя Броня случайно столкнулась на улице со своим мужем Самуилом. Он убедил своего начальника выделить 2 автомашины для эвакуации семей. Так мы уехали из Харькова. В сторожке мама оставила записку, в которой указала, что мы будем добираться до Саранска, куда эвакуировался дядя Изя вместе со своим училищем.

Когда мы попали в Россию, очень удивила «неправильная» русская речь. С трудом потом я избавлялся от украинского говора и некоторых привычных слов: кэломэтры, мэтры, цыбуля, кишки и др.

В одной из казачьих станиц мы остановились на площади. Женщины пошли в магазин, а я в туалет. На выходе меня окружила ватага ребят и девчонок и стала расспрашивать: «Как зовут тебя, маму, брата? Где мужчины? Что везете?» и т.п. Испуг прошел, разговорились. Они искренне удивились, услышав от меня имена, Фима, Мария, Леня, Алла и то, что в машинах едут русские и евреи. И сюда дошла гебельсовская антисемитская пропаганда, влияние от которой было достаточно ощутимым. Помимо слухов о награбленном евреями золоте в ряде мест с самолетов сбрасывали на парашютах бочки с евреями, на бочке надпись — «Вот вам новый директор».

Переехали реку Дон, и у городка Борисоглебск нас остановил военный заслон. По приказу Сталина конфисковались все автомашины, идущие на восток. С трудом убедили разрешить доехать до желдор станции Поворино, где и разгрузились на перроне.

Проходящие поезда были переполненные, и втиснуться в них было не возможно. Как говорится, — «приехали». Вечером к нам подошел железнодорожник и предложил за деньги загрузить в «теплушку» (товарный вагон), которую подцепят к эшелону. Торговались и сошлись, кажется, по 500 руб. с каждого, дети до 10 лет не в счет. Так делали деньги на человеческом горе...

Ехали в сторону Пензы примерно так: 2—15 км в движении, 3—30 минут стоянки у светофора. Наш вагон был последним, оправляться бежали в кусты. Я присел... и поезд тронулся. Подтянув брюки, бросился по шпалам за уходящим составом. Маму в вагоне удержали силой. Я бежал и плакал, не представляя, что буду делать дальше. Минут через 20 увидел хвост стоящего поезда, влетел в вагон, сердце и грудь разрывались от напряжения.

Мама больше на остановках меня не отпускала, а ночью произошло самое пренеприятное...

В Пензе стояли долго пока нас за деньги не подцепили к составу на Рузаевку, В Пензе на наших глазах произошел страшный случай. У женщины из нашего вагона заболела кровавым поносом младшая дочь. Она вышла из вагона с чемоданом, который оставила на перроне со старшим сыном, примерно моего возраста, а

сама понесла девочку в лазарет. Оказалось поздно — девочка умерла. В ее отсутствии у мальчика украли чемодан, он стоял в оцепенении. Когда мать узнала об этом, она ударила его по лицу, он бросился бежать и попал под паровоз... Как она кричала!

Доползли до Рузаевки. В Саранск товарные поезда не ходили. Сложилась неоднозначная ситуация: выйдешь из теплушки — место потеряешь, а вдруг в Саранске уже нет Изи.

В «разведку» пошла тетя Белла и выяснила, что он там. Вышли из вагона и потянулись к зданию вокзала через забитые товарными составами пути. Мама с Ленкой на руках и чемоданом, я с большим плетеным сундуком. На одном из путей, когда мама уже была на другой стороне, я замешкался под вагоном, а состав тронулся, Мать закричала: «брось!», но я вытолкнул корзину за рельс и выскочил из — под вагона. И сейчас вижу набирающее обороты колесо...

В Саранске мы поселились в частном доме, я пошел в школу. Очень удивили деревянные тротуары над землей. Там впервые попробовал квас, вкуснее которого больше не пил.

Через несколько дней после нашего вселения хозяйка проводила сына на фронт, он объявился через несколько дней со словами, что эшелон разбомбили, и исчез. Может быть дезертировал.

Записка на харьковском стадионе сработала. Отец нас нашел. Его история незаурядна.

По возвращении в Киев его назначили ответственным за эвакуацию завода в г. Куйбышев. Он руководил демонтажем и погрузкой станков в товарные вагоны и формированием эшелона, после чего согласовывал с железной дорогой время отправки. За день до отправки по его указанию на второй ярус вагонов стелили доски, а он с автобусом и грузовиком ехал на железнодорожный вокзал, площадь которого была забита желающими эвакуироваться. Отец отбирал женщин с детьми, привозил на завод и размещал в вагонах. Он представить себе не мог, что за это можно брать деньги...

В середине октября началось очередное наступление немцев на Москву. Училище готовилось к отправке на фронт. Машины сестры уехали в Свердловск, а мы остались, ожидая отца. Приехал за нами дед Шая. Хозяйка нашего дома настойчиво уговаривала маму: «Оставь мне маленького, все равно немцы вас убьют...». Мать отказалась.

22 октября Изя привез нас в Рузаевку и через военного коменданта достал билеты на поезд из Москвы. Проводники на билеты не смотрели — «Мест нет! Вагон переполнен...». Как дядьке удалось уговорить проводницу — не ведаю... Молодой, красивый, в морской форме — ну как тут откажешь! Мы вошли в вагон, дачный, без полок. В глазах зарябило от красного цвета командирских

петлиц — драпал Генштаб. У всех остальных военных петлицы были защитного, зеленого цвета. На ближнем трехместном сидении на коленях у женщины лежал майор. Дедушка попросил его освободить место для женщины с ребенком. «Перебьетесь...» — послышалось в ответ.

— «Встань, дезертир!» — закричал я.

Вагон как-то вздрогнул, мужик исчез и больше не появлялся.

— «Зачем же вы так, — произнесла женщина, — мы уже третьи сутки из Москвы».

— «А мы уже 3 месяца, как из Киева» — ответила мама. Киев немцы заняли 21 сентября.

Ехали долго, через Пензу, более двух суток. Я спал под сидением, дед на нашем сундучке.

В Куйбышеве наша семья (4 человека), тетя Сарра с четырьмя детьми и дедушка очень плотно уместились на маленькой сцене зрительного зала в здании ремесленного училища в Линдовгородке на окраине города. В зале впритык стояли по 2—3 кровати, разделенные тумбочками. Общежитие семей ИТР ВМЗ№1.

Зима 41—42 годов была очень суровой, морозы достигали 40°, сады вымерзли. У нас ничего зимнего не было. В школу ходить было не в чем, а ведь отец отправлял эшелоны...

Об отцовской одиссее я узнал позднее. Как-то вечером он заскочил домой на Короленко. У нас в комнатенке, где раньше жили дедушка с бабушкой, жила милая девушка Ксения. Она убирала в квартире и работала на кондитерской фабрике. Отец попросил ее собрать зимние вещи (пальто, обувь, белье) и через день заехал за ними, два чемодана и узел отправил в Куйбышев с надежным знакомым. В них оказалось тряпье и никуда не годные вещи.

«Почему ты не взял патефон и большую миску?!» — упрекала отца мама. Патефон можно было продать, а без миски (таза) трудно было купать маленького сыночка.

В начале августа, когда отец отправил последний эшелон, КОВСУ (Киевское особое Военное — Строительное Управление) предложило отцу собрать квалифицированных рабочих и отправиться с ними в Конотоп, где наладить изготовление котелков-фляжек для армии... Там, на месте железнодорожных мастерских он все наладил и организовал выпуск котелков упрощенной конструкции в достаточно большом количестве. Недели через три поздним вечером он услышал женский крик о помощи из соседней комнаты, где жил его начальник. Когда отец ворвался туда, то увидел, что начальник пытается изнасиловать свою секретаршу. Оттолкнув его, увел женщину. Утром при встрече о вечернем инциденте не обмолвились ни словом, а вечером пришло указание

КОВСУ из Харькова о немедленном командировании Затуловского В.И. в их распоряжение. Задерживаться он не стал. Это и спасло его, т.к. через пару дней немцы ударом с севера окружили киевскую группировку войск, там погиб генерал Кирпонос, а один из организаторов двухмесячной обороны, генерал Власов (тот самый!), вышел из окружения.

4.2. Куйбышев

Трехэтажное здание ремесленного училища было переполнено, в десяти метрах от него стоял забор из колючей проволоки, обозначивший площадку строящегося 4-го ГПЗ (господшипникового завода №4). До лета 42 года мы, пацаны, туда лазили спокойно, но потом этого делать было нельзя, т.к. поставили сторожевые вышки и часовые нам объяснили, что стрелять будут без предупреждения.

В доме нас было 5 мальцов 10—13 лет. Старший Сема, на год моложе — Женя Фау, он со своей мамой приехал из Эстонии в гости к ее сестре и застрял. Думаю, что попали они сюда из-за высылки из Эстонии перед войной нескольких тысяч граждан. Женя, высокий, атлетической выправки, бредил авиацией, рвался в летные училища, но «нет» и весь ответ. В сорок с небольшим умер от рака.

Вокруг нас стояли бревенчатые бараки, где жили «местные». Между нами шла непрекращающаяся война. Они были убеждены, что мы привезли чемоданы денег и золота, что в армии *евреев нет* и, что все трудности возникли из-за «вакуированных».

Безусловно, когда в 200-тысячный Куйбышев хлынуло еще до полумиллиона беженцев и десятки заводов, началось массовое «уплотнение» местных жителей всех уровней. Приезжие по образованию, квалификации, культуре и даже по языку заметно отличались от местных жителей. Через 10—15 лет из народного говора ушли такие слова, как «айда, айдате, чай», такие фразы — «чай, я тебе говорила» и т.п.

Куйбышев стал столицей государства. Сюда из Москвы эвакуировались все наркоматы, посольства, Большой театр, театр Оперетты и другие госучреждения. 7 ноября на площади им. Куйбышева состоялся военный парад, как бы параллельно параду в Москве. Следующий парад пришлось ждать до 1 мая 1945 г.

Мы в этот учебный год в школу не пошли, ни у кого не было зимней одежды, особенно обуви. Я до конца весны проходил в старых женских туфлях на каблуках. Из дома выходили редко в обуви родителей, а летом 42 г. только босыми. Рядом с нами сказоч-

но быстро оживал подшипниковый завод, ставили и запускали станки в еще недостроенных корпусах. Уже в ноябре 41 г. начали выпускать подшипники, а в конце месяца приехал Молотов вручать знамя Государственного Комитета Обороны, высшего органа власти в военные годы.

ВМЗ №1 расположился в 1,5 км от нас рядом с железнодорожной веткой вдоль Семейкинского (сейчас Московского) шоссе. Эту площадку с несколькими промышленными зданиями подобрал в июле 41 г. приехавший из Киева Исаак Михайлович Красный. Он принимал и размещал оборудование, которое из Киева отправлял отец. В октябре появились директор Гуцаленко (уже генерал-майор) и главный инженер, кажется, Покровский. Они «поставили всех по местам»: отец начальник техотдела (гл. технолог и гл. диспетчер), Красный — главный механик. Завод освоил изготовление понтонов и сопел для двигателей реактивных снарядов — «катюш».

В феврале 42 г. над городом появился Фокке-Вульф 190, самолет-разведчик с характерным урчанием. Захлопали зенитки. Мы рванули на улицу и с огромной радостью узрели панику среди местных. В «щели» забивались они с узлами и чемоданами. Поиздевались мы над соседями всласть и надолго. Аналогичная картина повторилась через 10—11 месяцев. Немецкие самолеты — бомбардировщики к Куйбышеву прорваться не смогли, а Сызрани (100 км юго-западнее) досталось, но стратегически важный мост через Волгу уцелел.

В мае 42 г. нам выделили под огород небольшой участок недалеко от проходной ВМЗ-1. Посадили картофель, лук и помидоры. Все лето на нем возились я и мама. В сентябре решили убрать все в воскресенье, даже отец обещал помочь. Накануне ночью обобрали все дочиста, мы собрали до 10 кг мелочи и пару килограммов зеленых помидоров. Мама рыдала, да и мне было обидно до слез. Зеленые помидоры в темноте созревали. Пара «желтоватых» и кусочек хлеба — завтрак, пока они не кончились. Мама не работала и почти каждый день ходила на рынок, чтобы что-то продать и купить еду, а чаще обменять какую-нибудь вещь. Есть хотелось постоянно, т.к. «досыта» не наедались практически никогда. Чувство постоянного желания поесть, чувство голода, описать трудно, да и ощутить, наверно, не возможно, если не пришлось испытать самому не один-два дня, а месяца и годы.

В конце декабря приехал в командировку дядя Изя. Новый Год он встречал у московских знакомых в центре города в «генеральских» домах, как он сказал — «по соседству с Барсовой (знаменитая певица)». Утром заехал к нам с большим газетным свертком вкусных вещей «со стола». Запомнились его слова: «как на разных

планетах побывал — роскошь и нищета...». А вокруг были семьи инженеров...

Самое было трудное время — ранняя весна. Картофель растет в цене, зелени еще нет. Как-то в мае 42-го заснул, а в зале свет тушили в 9 вечера, и проснулся от нестерпимого желания поесть, вспомнил, что кармане маминого пальто, которое заменяло мне одеяло, было несколько пакетиков сахарина. Я знал, что сахарин не усваивается, но хоть что-то положить бы в рот... В темноте нащупал, развернул и высыпал на язык... Крик всколыхнул весь зал... Это была «марганцовка» — порошок марганцевокислого калия. Оболочку языка сжег, поэтому он стал таким острым и вредным. А через некоторое время опять громкий крик поднял всех. На этот раз братишка Сема вспомнил, что матери в военкомате «выдали» бутылку виноградного вина, и очень захотелось хлебнуть чуть-чуть... Фиолетовые чернила!

Мы хотя и не учились, но регулярно занимались математикой, русским, географией, в основном по карте, и были в курсе всех событий на фронтах и в мире. Читал много, все, что попадало под руку. Тогда подвернулась запрещенная «Конармия».

Больше всего времени отнимал младший, Ленчик. Достаточно самостоятельный и требовательный он слушался меня беспрекословно. Ему (и по праву) часто доставалось больше вкусенького, чем мне. Как-то мы Семей посетовали на эту «нелегкую долю» старшего брата, и я ему сказал:

— Так было всегда, вспомни Пушкина...

Летом 42-го через нашу улицу, позднее Луначарского, тогда без названия, построили желдор ветку, соединившую ВМЗ-1 с заводом им. Масленникова. Это был крупнейший завод взрывателей к боеприпасам всевозможных видов и другой подобной продукции, заложенный еще в царские времена. В отсутствие строителей мы обожали, воспользовавшись их двухосной тележкой, катиться под уклон километра два. Но вскоре парни из бараков стали подкарауливать нас в верхней точке и отнимать тележку, было очень обидно. Месть была ужасна. Пока четверо из нас толкали телегу вверх, один забил встык рельсов металлический клинообразный костыль, которым крепили рельс к деревянной шпале. Парни 16—17 лет откинули нас, как щенков, взгромоздились на тележку и понеслись, громко напевая «цыпленок вареный, цыпленок пареный, цыпленок тоже хочет жить...», и, когда на две трети пути разогнались, телега подскочила и накрыла тех, кто не отлетел в сторону... больше никто не катался.

В ноябре нам дали комнату в 12 м² в 3-х комнатной квартире на первом этаже двухэтажного дома по ул. Обороны. Когда вошли в нее впервые, мать пустила первой кошку «на счастье». Въехали

через два дня на радость соседям, т.к. их замучил кошачий вопль — Леня засунул кошку в печь и закрыл задвижку. Эта печь просто «ела» дрова, поэтому отец вскоре поставил «буржуйку» — маленькую печурку с чугунными стенками, которая мгновенно разогревала комнату, но также быстро остывала после прекращения топки. Соседние две комнаты занимал Управляющий областным конетрестом с женой и сыном Игорем, он был на два года старше меня. Их старший сын был на фронте. Жили они «на полную чашу». В погребе (он был вырыт в прихожей-кухне) висели окорока, он был заполнен картофелем и соленьями. Соседка — из дворян, никогда не работала, очень любила рассказывать маме, что и как нужно готовить и печь. Мама внимала и поддакивала, т.к. Леньке часто перепало что-нибудь от нее, а Игорь приносил ему из школы полбулочки, которая полагалась каждому ученику. Я свою порцию донести до дому просто не мог. Мне купили (или доставили) кирзовые сапоги 42-го размера, в которых проходил до 8 класса, и пошел в четвертый класс школы № 1. Это — бывшее реальное училище, в котором учился писатель Алексей Толстой. Весной 1943 г. в здании поместили военный госпиталь, а с сентября 44 г. — военное суворовское училище.

Учиться было легко по всем предметам кроме русского письменного. Эта заноза долго еще портила мне жизнь. Думаю, что надо было идти не в 4-й, а в 5-й, но...

Во дворе госпиталя, а он как бы продолжал наш двор, группировались «ходячие» и выздоравливающие раненные. Я часто слушал их «байки» и многое запомнил. «Солдатское радио» говорило открыто о событиях на фронтах, о которых тогда просто молчали. Среди них: танковый бой под Белостоком, «киевский» котел», буденовское наступление и последовавший крах Юго-Западного фронта (Изюм—Барвенково), самострелы и особотделы, приказ № 223, роспуск колхозов после войны (этот разговор ужалил мое честное пионерское сердце), как легли «на смерть» две арт. бригады, преградив путь танкам Манштейна в окруженный Сталинград, умные командиры и мудачки, награды и звания и т.д. и т.п. Сейчас, читая в Израиле статьи некоторых «специалистов по подвигам фронтовиков», выть хочется ото лжи и высосанных из пальцев «фактов».

4.3. 1943—1946 гг.

Летом 1943 г. я попал в пионерский лагерь в подсобном хозяйстве ВМЗ-1 около села Новосемейкино. Нас там было не очень много, жили мирно и дружно, но голодно. В эти дни отец ушел из ВМЗ-1.

Все заводы сельхозмашиностроения работали для фронта. Запчастей не было. В колхозах практически не осталось мужчин, а народ и армию надо было кормить. Обком партии обязал все заводы оказывать помощь МТС и МТМ (машинотракторные станции и мастерские). Так отец познакомился с Мацепуро, главным инженером Облремтреста, в чьем ведении находились МТМ и ремзаводы.

Мацепуро был видным специалистом по сельхозтехнике. Он позднее спроектировал знаменитый картофелеуборочный комбайн, который под его именем эксплуатировали до середины 80-х годов. С отцом они быстро нашли общий язык и, когда Мацепуро вызвали в Москву на «повышение», он взамен себя предложил В.И. Затуловского. Хотя папа был беспартийным, обком утвердил его кандидатуру. Хочу напомнить, что в советское время обком партии принимал все ответственные решения, а функции советских органов власти были исполнительские.

МТМ и ремзаводы, созданные для ремонта тракторов, комбайнов, землепашной, посевной и другой сельхозтехники, не были оснащены соответствующими станками инструментами и кадрами.

Отец мотался по области, внедряя оптимальные технологические процессы и приемы, изыскивал возможности изготовления и ремонта вышедших из строя деталей и узлов. Самой тяжелой была проблема ремонта коленчатых валов тракторных двигателей. По его словам их в основном делали, не в пример автомобильным, из слабоупрочненных сталей и не рассчитывали на ремонт. За 1—1,5 месяца шейки коленвала изнашивались донельзя. Износ сельхозмашин усугублялся неквалифицированной эксплуатацией, т.к. за руль трактора и штурвал комбайна садились слабо подготовленные, необразованные тетеньки, мальчишки и девушки.

Умельцы пробовали одевать на шейки валов разрезные кольца, но они быстро ломались. Отец одним из первых в стране внедрил «напыление» шеек коленвалов. Этот процесс нанесения раскаленных частиц прочной стали тогда называли «шапирование» в честь автора Шапира. Через 16—18 лет я активно способствовал внедрению подобного метода упрочнения сопел из силицированного графита для ракетного двигателя.

У нас дома стало легче с продуктами, папе удавалось купить пшено без карточек, тыкву и даже топленое масло. После войны тыкву я не ел лет 40. Отец «заскакивал» в трест буквально на пару дней и затем отсутствовал 2—3 недели. Елховка и Богатое были его основным местом пребывания, там находились основные ремонтные базы. Я был «командирован» мамой к отцу в село Богатое. Там началась моя трудовая жизнь.

В сельской местности все школьники старше 12 лет были обязаны работать в колхозе 4—6 часов в день иначе не получали продовольственные карточки. Меня мать не пускала дней 15, но пришлось согласиться. Утром бригадир — старик, велел мне запрячь лошадь и поехать за кормом скоту. Я видел, как это делается и решил, что справлюсь. Взял хомут с упряжей, бойко пошел к лошади, слегка оттолкнув стоящего рядом с ней жеребенка. Она без колебаний защитила недавнорожденного и буквально прыгнула на меня, я упал в шоке. Незамедлительно маме донесли, что «сына лошадь убила». Когда она полуживая прибежала, я, стоя, терпеливо выслушивал страстную речь на тему: «Не умеешь — не хрена братья!». Отец настоял, чтобы все школьники были оформлены как работающие на полставки. Нас стало защищать трудовое законодательство, а через 40 лет тем, кто остался в живых выдали медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и удостоверение «ветеран ВОВ».

Конечно, считать себя ветераном не очень удобно, но по большому счету «бармицва» в колхозе или на заводе полностью завершила наше детство, посвятила ВО ВСЕ без исключения нюансы взрослой жизни и дала стране многое. Недаром в Самаре (Куйбышеве) поставлен памятник «Детям войны», на котором изображены мальчик и девочка в рабочих фартуках. А по делу, я больше года работал «водителем сивого мерина (к кобылам не допускали после маминых «увещаний»), коров и быков» и заодно учился.

Все-таки все мое внимание и мысли были обращены к фронту. И сейчас я хорошо помню ход войны, даты значительных сражений, имена видных военачальников. Остановлюсь на некоторых личных наблюдениях.

После Сталинградской битвы стотысячную колону пленных немцев, румын и итальянцев повели пешком в Куйбышев. Гибли они в основном от усталости и холода. Вид тех, кто дошел, был ужасен: синее, измозженное лицо, тряпье вокруг головы и на шинельке, на ногах «эрзац-валенки» из соломы. Они «вытеснили» заключенных с многих мест на стройках и заводах. Вообще, Куйбышев был окружен лагерями с «зеками».

Похоронки. С какой тревогой и надеждой всматривались в лица почтальонов, пытаюсь предугадать, что он принес, Если треугольное письмо, то — живой, если в конверте, то — похоронка, хотя и в треугольных солдатских письмах иногда сослуживцы сообщали страшную весть.

В мае 43-го Сема пошел работать на ВМЗ-1 учеником токаря, а вскоре и токарем. Завод — не колхоз, досталось ему сполна, а медали получили одновременно.

В конце 43-го нам дали две смежные комнаты в четырехкомнатной квартире дома треста «Главмука» по Чапаевской улице (д. № 73). Соседи: работник горкома партии Рузавкин с женой-еврейкой, с ними жил ее племянник Иосиф Фейгин, мой ровесник. Его мать жила в этом же дворе. Как я понял, отца Фейгина расстреляли по доносу Рузавкина, но у его жены был на руках твердый компромат на него, и она безоговорочно им руководила; вторая соседка — продавщица Надя с маленькой дочкой. Муж пропал без вести на фронте, но в 45-м прислал письмо из Англии, куда попал после освобождения из плена во Франции. Вернулся, но вскоре его забрали..., дальнейшая судьба мне не известна.

У нас был телефон. Естественно, что им пользовались многие. Воспитанный в духе преданности делу партии я с негодованием слушал дневные разговоры Рузавкина: «Это ателье? С вами говорит Рузавкин, горком партии. Почему вы сорвали примерку платья моей жены? Если завтра платье не будет готово, вас ждут большие неприятности...» — и все в таком духе.

В отдельных квартирах в нашем доме жили Управляющий трестом Штейнберг и главный инженер Сирота, евреи. Каждое утро к дому подъезжал пикап, в кузове которого лежали противни со свежее испеченными булочками, которые шофер относил начальству на виду всех обитателей дома. Эти булочки не увеличивали симпатии к евреям.

После 49-го Штейнберг умер в тюрьме. Сирота отсидел несколько лет. С этой семьей мы соприкоснулись в середине 70-х.

Напротив нашего дома в здании бывшего японского посольства располагался «Смерш» (военная контрразведка «Смерть шпионам»). Сейчас там военная комендатура и музыкальная школа. Ворота между основным зданием одноэтажным бюро пропусков были узкими и «черный ворон» — серый фургон для перевозки арестантов — не пролазил. Каждый день он подъезжал, становился впритык к распахнутым воротам, и из задней двери выводили (или вводили) заключенных.

Каждый раз, находясь дома, я наблюдал за этой процедурой из трехстворчатого окна с широким подоконником, который был моим излюбленным рабочим местом. Стол появился гораздо позднее.

Молодая, симпатичная соседка по дому (муж на фронте) часто заходила к нам пообщаться по телефону с другом — капитаном из Смерша, при этом они видели друг друга через окна. Со временем, он, посещая ее, оставлял сотрудникам номер нашего телефона «на всякий случай» и изредка пользовался им сам. Умный, тактичный Николай Михайлович вызывал глубокое уважение родителей. Я иногда разговаривал с ним и задавал вопросы типа:

«Почему арестованные держатся руками за штаны? — У них нет ремней и пуговиц, так не побежишь...». Однажды я похвастался, что несколько раз видел их рыжего капитана на Троицком рынке в матроской форме без погон, а другого «с усиками» — «как инвалида на костылях». НМ промолчал, а потом спросил: «И многим ты про это рассказывал? — Никому, честное слово! — Забудь! А то язык отрежут!» По тону я понял, что он не шутит.

Об этом разговоре напомнил мне он сам, когда узнал меня на волжском пляже в июле 56 г.

Он рассказал, что ушел «из органов» после войны, «как противно было «делать» из старухи шпионку, только потому, что она скрыла свои немецкие корни... нам спускали план «поимки шпионов» и его каждый обязан был выполнять... Ну, а ты поставил меня своим рассказом о переодетых наших сотрудниках в тяжелейшее положение... Если бы наши узнали про это, твоим родителям и тебе были бы «кранты», а если бы узнали о нашем разговоре (из тебя выдавили бы все), то мне за недонесение — фронт самое легкое наказание...». Он не донес, а я, по глупости, потерял его телефон, в это время я жил в Свердловске.

Весной 43-го школу № 1 еще раз перенесли в другое здание, по ул. Куйбышева. Там было тесно и холодно, Учились в три смены, в классе сидели в пальто, а иногда и в перчатках. Разрешалось писать в тетради сначала карандашом, а поверху чернилами. Правда, у меня всегда были хорошие тетради, т.к. каждый вечер я обходил соседей с мешком и мне отдавали картофельные очистки. За полмешка шелухи на рынке молочницы платили 25 руб. — стоимость тетради (госцена — 3 копейки).

Классный руководитель Клавдия Васильевна Русанова (да будет благословенна ее память), пожилая прихрамывающая женщина, отдала много сил, чтобы привязать меня крепче к русскому языку, сделать стопроцентным отличником. К сожалению, до конца это ей не удалось. «Украинизмы» как мины стояли на моем пути.

В городской школе нас вместо занятий раза 2—3 в месяц вели на один из соседних заводов, где мы собирали в цехах металлическую стружку и волочили на листах во двор. За 5—6 часов работы кормили обедом без мяса, но эту нелегкую работу нельзя сравнивать с каждодневным трудом школьников в деревне, особенно подручным на сеялке или на комбайне, где просто задыхаешься от пыли и до нитки мокнешь под дождем.

В ноябре 1944 г. меня приняли в комсомол. Сначала в классе я был один, но вскоре подготовил еще пять человек (6 класс).

На майские праздники 1945 г. приехал к маме. На Первомайский парад «прорваться» не удалось — оцепление было не «киев-

ское», да и возраст не тот. Через пару дней сделал очередную глупость: после бани «проветрился» на трамвае снаружи, держась за открытое стекло — так было «очень модно», — жестокая ангина.

В 6 утра 9 мая из Смерша выскочили офицеры и начали стрелять в воздух с криками: «Победа! Победа!». Трудно передать ту радость, тот восторг, то упоение, которые охватили всех, ликovali все — ВЕСЬ НАРОД! Через окно я с завистью смотрел на наполненную восторженными, пьяненькими людьми нашу обычно малолюдную Чапаевскую улицу.

Здесь, в Израиле встречаются публикации с «воспоминаниями» о грустном, невеселом дне Победы, это — ЛОЖЬ, выдумка, навеянная последующей историей.

5. ШКОЛА № 13 (46—49 гг.)

Учебу в 8 классе я начал в школе № 13. Это — бывшая гимназия, расположенная рядом, в ней учился и мой сосед Иосиф Фейгин, сюда же пошел в первый класс мой брат Леня. Через пару недель после начала учебы каждый день до уроков ко мне домой начали приходить, чтобы «списать уроки», одноклассники Марк Платонов и Виктор Кузякин — колоритные личности.

Марк — высокий, стройный, красивый, жил далеко, но к 8 классу был уже изгнан из всех окрестных школ. У него до сих пор сохранилась превосходная память, особенно на языки, но учить что-либо не хотел. Увлекали только гитара и степ. «Бацал» он четку отменно. В году 1999 г. мы с ним встретились вновь. Больной, толстый он жил один в однокомнатной квартире в самом центре города. С большим трудом Валя убедила его встать на учет в еврейском Хэсэде и в синагоге, чтобы получать от них регулярную помощь, как еврею. У него мать была еврейка.

Виктор пришел из летной морской спецшколы и... тюрьмы, откуда его «отмазал» отец, крупный партийный работник. Кузякина выделяли воровская «фикса», тельняшка и сапоги с отворотами — «прахаря». Учиться он уже не мог принципиально; все помыслы занимали женщины и гимнастика. Он достаточно легко достиг второго разряда, но двигаться дальше мешали лень и выпивки... После первого курса, находясь во время каникул в Куйбышеве, я под его ФИО сдал несколько приемных экзаменов в Политех. Продержался он в нем только до первой зимней сессии. Далее наши пути разошлись навсегда.

Некоторые учителя запомнились надолго.

Мария Васильевна Беляева — математичка. Она буквально принудила меня участвовать в математических олимпиадах в 9 и 10 классах, заинтересовала книжкой с задачами повышенной сложности. На вступительных экзаменах в МВТУ все дополнительные вопросы, заданные мне, были из этой книги.

Владимир Гаврилович Левин — физик. Незабываемый, яркий человечиче; каждый его урок — это представление, многие его выражения стали крылатыми. Даже до моих внуков дошли его слова — «Нельзя складывать верблюжьи хвосты и табуретки...». У него не было диплома, но это был учитель от Бога.

Такой же была и Зинаида Александровна, преподаватель литературы. Дворянка, страстная поклонница русской классики, она старалась передать ее и нам. В выражениях не стеснялась «Диков! У тебя не голова, а бутца...»

Кстати, о Евгении Дикове. Тогда его интересовал только футбол, остался на второй год. В середине 90-х его парализовало после инсульта. Беспомощный он был прикован к постели, т.к. двигались только руки, и требовался постоянный уход. Не желая стать обузой для близких, он скатился с кровати, на руках дополз до окна, по батарее отопления подтянулся на подоконник и выбросился из окна... Такое дано очень мужественным людям! Мир праху его!

Самым близким моим другом оказался Марк Дембо. Он жил с матерью и теткой, Софьей Иосифовной Розенберг. Я у нее учился в школе № 1. Этих лет хватило, чтобы стать одним из лучших по английскому на всех последующих годах учебы и в школе и в институте. Жаль только, что мои родители не догадались нанять ее для дополнительных занятий. Система обучения иностранным языкам в СССР не ставила цель научить говорить, а только готовила к изучению. Нас и детей наших учили не языку, а правилам этого языка.

Мне не повезло, что Зинаиде Александровне из-за отсутствия диплома не разрешили вести литературу в выпускном 10 классе. Ее место заняла Зоя Федоровна Малыгина. Моложавая, красивая, она нравилась многим одноклассникам, а я ее терпеть не мог, она меня тоже. Долгие годы мне казалось, что именно она внушила мне неприязнь к литературе как к предмету. Поначалу в сочинениях я старался выразить свое, личное отношение к теме. Получалось, очевидно, не очень гладко. З.Ф. обожала «критиков» и об этом знали старожилы, претендовавшие на отличные оценки. Постепенно, по примеру Марка я освоил методику создания сочинения: в читальном зале находишь до десятка статей, близких по теме, выписываешь абзацы или фразы и дома комплектуешь из них сочинение. Метод — безотказный, апробированный сотнями диссертаций в разных отраслях советской науки.

При этом самым сложным для меня было написать без ошибок. На выпускном сочинении я выбрал тему по Маяковскому, написал (70% списал) целую тетрадь и ухитрился написать «красный флаги», что стоило мне Золотой медали. 1949 год — последний, когда «четверка» по сочинению лишала права на любую медаль. На педсовете Зинаида Александровна сказала, что это была описка, а не ошибка, и она исправила бы ее, не моргнув.

Конечно, обидно было до слез.

Запомнился письменный экзамен по алгебре. Каждый сидел за отдельной партой в актовом зале. Задача была на встречное движение поездов, мне показалась не из очень сложных. Шпаргалки передал всем окружающим, вышел первым и стал ждать корифеев: Оську Фейгина, Роберта Либензона и Володю Фридланда. Они сидели в другом конце зала. Когда они вышли, мы сверили ответы и ход решения... У меня что-то оборвалось внутри — все не так, мы по разному определили начало отсчета времени. Побежали к девчонкам на улицу Куйбышева. Их первый вопрос: «По какому варианту вы решали?»

В женской школе № 15 учились преимущественно дети элиты (также и в мужской № 12). Им учителя предложили представить решение в 2-х вариантах, я горячо доказывал, что только мой вариант правилен... Короче, «пятерки» за эту работу получили только я и мое окружение. В пределах знакомых школ центра Куйбышева в том году были только серебряные медали. Но я забежал вперед.

Весной 46 г. случилась беда — арестовали отца. Суть дела такова: один из специалистов треста убедил отца оказать шефскую помощь соседнему колхозу и передать ему какое-то количество кровельного железа. Отец подписал документ, а эта мразь получила от колхоза деньги. Когда его взяли, он заявил, что половину денег отдал главному инженеру. Разбирались месяца два и, когда следователь убедился в невиновности Затуловского, он предложил маме: «3000 рублей и муж свободен». Для нас эта сумма была немалая.

Тогда мама уже работала кассиром в главном кондитерском магазине на углу улиц Фрунзе и Ленинградской. Деньги одолжил ей директор, и папа вышел на свободу. Меня поразила его бледность и худоба. Практически почти каждый день я носил туда передачи и освоил специфику около тюремного бытия. Она находится и по сей день в поселке Кряж в 2—3 км от железнодорожной станции. Толпа с передачами собиралась с утра, в основном старики и старухи, молодые только по выходным дням.

Передачу с описью сдавали в окошко, при тебе проводилась тщательная проверка: хлеб, пироги и колбаса протыкались спицей, конфеты разворачивались, сахар пробовался на вкус, вещи

прощупывались по всей поверхности. Любая попытка возразить или усомниться в правильности действий надзирателя каралась отказом от приема передачи. Процедура длилась часами. Затем долго ждали обратной записки — «получил сполна». «Сполна» было весьма условным, т.к. из нее брали «вкусное» тюремщики, а половина отдавалась камере, так сказать, добровольно. По словам отца, в камере соблюдалась строгая иерархия, но «бугор» относился к «инженеру» подчеркнуто благожелательно, особенно после одного случая. Отцу дали побриться, хотя лезвие считалось тяжким преступлением, и чистое лицо сразу его разоблачило. На тяжелом допросе он никого не выдал, «шмон» ничего не дал. Вся камера пошла в карцер, куда «передачи не положены». Мама подняла большой шум и с помощью следователя через прокуратуру добилась приема передачи. Из карцера вышли все.

Все эти события хранились в строгой тайне, тогда даже Леня не знал, где папа.

Из Ремтреста папа ушел и поехал в Москву в МПС (министерство путей сообщения), куда его неоднократно приглашали. От предложения вернуться в Золотоношу отказался, но согласился возглавить переезд завода, действующего на станции Кандагач в Казахстане, в Ташкент.

Узловая станция Кандагач (южнее Актюбинска) в то время была заполнена ссыльными. На лето 1947 г. мы приехали туда. Вокруг голая и ровная степь, деревья только на станции, где есть вода. Стада баранов и редкие огороды и бахчи. У папы была комната в деревянном бараке дирекции. Типичные соседи:

— неграмотная украинка-крестьянка с двумя детьми 6-летняя маленькая дочка и 12-летний сын без двух пальцев, оторванных при игре с взрывателем гранаты. Ее муж служил в полиции, когда пришли наши, его взяли в армию, как ни в чем не запачкавшегося. Там он пропал без вести, а жену с детьми сослали;

— Нина, красивая девушка лет 22-х. Жила в Крыму, на ней женился немецкий офицер и вывез к родителям в Австрию. Вскоре он погиб, а ее сделали служанкой. После прихода в городок Красной Армии Нина ушла туда вольнонаемной и попала в Венгрию, где вскоре была арестована по обвинению в шпионаже. Последовательно посредством «женских чар» ей удалось снизить наказание от смертной казни до ссылки под гласный надзор, каждую неделю она ездила в Актюбинск «отмечаться». С ней мы много разговаривали, ей было о чем рассказать, но неприязнь к нашей армии она не скрывала;

— бывший замбургомистра Одессы. Он выделялся врожденной культурой, воспитанностью и вежливостью, а также нескрыв-

ваемой тоской по свободе. Часто по вечерам он приглашал Нину и меня (наверное, она одна отказывалась) прогуляться до станции и рассказывал о Париже и о Западной Европе, где побывал на экскурсии, организованной немцами для своих кадров. Без Нины он очень живописно и с юмором поведал о посещении в рамках этой экскурсии парижского публичного дома, где «мертвого подымут». Ссылка для него была мягким наказанием, т.к. он неопровержимо доказал свою связь и помощь подпольщикам. Он тянулся к Нине, она же не хотела связывать себя с «бесперспективным».

По вечерам за окном раздавался оклик, папа открывал дверь и заходил пожилой мужчина — еврей. Отец расставлял фигуры, начиналась игра, во время которой гость стоял и пальцем указывал, куда и что переставить... Он был талантливым инженером, его сын — математиком с большим будущим. У сына обнаружили запущенный сифилис и не смогли спасти. Редкий случай внеполового заражения сына привел отца к шизофрении — вне дома он ни к чему не дотрагивался. Жил с женой в крайней нужде на мизерной пенсии, папа, как мог, старался им помочь, привлекая его как внештатного консультанта.

В начале августа отец взял меня с собой в командировку в Ташкент. Ехали в мягком вагоне туда и обратно, жара и духота — невыносимые. Безбилетники, беспризорные, воришки и жулики были везде: на крышах вагонов, в межвагонных проемах, в тамбурах, в ящиках для угля, на аккумуляторных ящиках под вагонами и т.п. Поездная бригада периодически пыталась «очистить» поезд, но безрезультатно.

Ташкент меня поразил обилием фруктов, овощей и торговых точек. Запах лепешек и шашлыков одурманивал, правда, цены кусались. Хотя по сравнению с Россией были очень низки. А какими вкусными были натуральные сиропы в газированной воде! Продовольственных карточек у нас не было, поэтому каждое утро я ходил ближний рынок и покупал буханку хлеба за 40 (!) руб., помидоры и несколько персиков. Два помидора и кусок хлеба — завтрак. Вечером мы ходили в коммерческую столовую (без карточек) ужинать.

Днем две дочери хозяев водили меня по городу. Это был старый Ташкент до землетрясения. Запомнил только Центральный парк с Комсомольским озером (прудом), в котором купались почти каждый день. Днем температура достигала +40° С.

На обратном пути случилось ЧП. Ночью в открытое окно забрался воришка и вытащил кошелек из папиного кителя. Следы босых ног четко отпечатались на пыльной стенке вагона. Пришлось продать ручные часы.

После успешной передислокации завода отцу предложили стать там Главным Инженером или работать в Москве в главке. Жилье обещали через полгода. Он выбрал Москву.

Работа мамы в кондитерском магазине, конечно, сказалась на нашем бытие. В коммерческом магазине цены были весьма высокими, и посетители были «при деньгах», на сдачу мелочь оставляли кассиру, а то и купюры. Конфетка в день перепадала и нам, особенно, младшему Лене, которого продавщицы всегда привечали.

Мы с ним учились в разные смены, виделись только вечерами, да и то изредка, я, как правило, после «гуляния» приходил поздно, поэтому мой контроль и влияние сильно уменьшились.

В июле 1948 г. в Куйбышеве состоялась Поволжская Спартакиада по водным видам спорта. На нее главным судьей по прыжкам в воду приехал Исаак, на празднике закрытия он продемонстрировал серию показательных прыжков с десятиметровой вышки. Эффект был потрясающим. Перед отъездом он уговорил моих родителей взять в Москву меня. Так я впервые полетел самолетом. Это был потрепанный Дуглас с жесткими металлическими лавками вдоль бортов, над которыми сохранились «Инструкции по высадке десанта». Когда я оторвался от иллюминатора, с удивлением обнаружил, что большинство пассажиров блюет, а увидев, что мы с аппетитом поглощаем пирог, переданный мамой для бабушки, стали громко возмущаться. Приземлились в Быково, сразу поехали в Удельную, где я познакомился женой Изи Зоей и грудным Мишенькой, двоюродным братом. Там же была и Зоина мама Ривека Владимировна исключительно добрая и гостеприимная женщина.

За 10 дней пребывания в столице я посетил всех Барканов, просмотрел четыре футбольных матча, обежал основные музеи и попал на концерт Леонида Утесова. Назад ехал поездом в купейном вагоне без постели — не было денег.

Папа проработал в Москве не более полгода. Ему предложили жилье в Щербинке, недалеко от Подольска. Имея 2 комнаты в центре Куйбышева, он не захотел селиться в 70 км от Москвы. По моему, напрасно. Вернувшись, он опять начал искать работу. Его взял к себе заместителем главный конструктор 4-го ГПЗ Анатолий Моисеевич Пиковский.

Папа с головой ушел в работу. Иногда по вечерам он просил меня помочь в решении определенных проблем, связанных с алгеброй и тригонометрией. Был просто счастлив, повторяя, что всю жизнь только мечтал о такой работе.

В то время по всей стране развернулась под флагом борьбы с космополитизмом широкая антисемитская компания. Говорили, что мощный толчок ей дало посещение московской хоральной си-

нагоги послом государства Израиль Голдой Меир. Восторженная толпа верующих и просто зрителей подхватила ее на руки и внесла в здание... Сталина это взбесило.

Радио, газеты, журналы заполнили статьи, высказывания и карикатуры на «безродных космополитов» — потенциальных предателей, получающих подачки от «дяди Сэма». Внешний облик «этих мерзавцев» был однозначно еврейским, у некоторых в руках были книги с надписью «А. Жид». Анри Жид — известный французский писатель-публицист.

Одновременно началась мощная реакционная компания в литературе и музыке (главный нападающий — А. Жданов), в биологии (академик Лысенко) и в языкознании (сам Великий вождь). Снова увольнения, бичевания, аресты и расстрелы...

Антисемитизм как инфекция стал проникать во все щели, разъедая мозги и души простых людей, многие из которых ни разу не встречались с живым евреем. В народ были вброшены соответствующие слухи: «евреи не воевали, отсиживались в Ташкенте», «они прочно держатся друг за друга, отталкивают русских и занимают руководящие посты», «евреи взяли в свои руки торговлю и обворовывают народ», «в каждой еврейской семье полно золота и бриллиантов» и т.д. и т.п.

Объективно говоря, наряду с заведомой клеветой и ложью, особенно, об участии в войне, здесь были и правдивые моменты. Еще в начале 30-х годов «всесоюзного старосту» М.И. Калинина спросили о непропорционально большом количестве евреев в управлении промышленностью. Он ответил, что большинство русской интеллигенции не приняло революцию, организовало бойкот и саботаж, и только еврейская ее часть активно способствовала ее победе, становлению государства, росту его могущества и обороноспособности.

Наверно эти же доводы легли в основу ленинской оценки русской интеллигенции — «говно».

Аксиома: обыкновенному человеку трудно признать себя менее способным, менее активным и трудолюбивым в сравнении с тем, кто его «обошел» в том или другом деле. Куда проще объяснить и успокоить себя, что «они все такие». Поэтому выдвижение евреев на руководящие должности одобрительно воспринималось далеко не всеми.

Евреи преобладали и в торговле, уверен, что «пересортица», приносящая большие деньги — наше изобретение. К середине 50-х евреи в массе покинули торговлю (или их «ушли»), В России их место заняли татары и кавказцы; именно они внедрили в советскую торговлю грубый обвес, открытый «блат», грубость и двой-

ную бухгалтерию, когда практически каждая партия товара включала неучтенную официально (ворванную или сделанную нелегально) продукцию.

Я пишу эти строки 25.04.06 г. — сегодня в Израиле «день шоа» — день Катастрофы. По радио РЕКА прослушал беседу с историками, некоторые давали негативную оценку действиям советского правительства по «спасению» евреев. Один даже требовал от России «признать вину и принести извинения». Потрясающе! Надо не иметь ни совести, ни элементарной благодарности, чтобы сказать такое по отношению к народу, который страшной ценой десятков миллионов жизней победил гитлеровскую Германию и спас нас от неминуемой гибели. Утверждается, что правительство должно было принять «особые меры по спасению евреев... не препятствовать их эвакуации... «отдать приказ партизанам» и т.п.

Нисколько не оправдывая грубейшие ошибки в начале войны, УТВЕРЖДАЮ, что среди эвакуированных граждан евреи составляли большинство и этот поток был стихийным и неуправляемым. Исключение составлял Ленинград, где Жданов действительно препятствовал эвакуации независимо от национальности. Безусловно, на эвакуации «грели руки», в том числе и евреи. Государственная пропаганда была направлена на убеждение всех и каждого гражданина, что немцы несут смерть. Поэтому любые указания об особых мерах по спасению евреев как бы подтвердили главный тезис гбельсовской пропаганды, что русские, белорусы и другие нации страны умирают на фронте ради спасения евреев и коммунистов.

Если бы в Яд Вашеме было посажено по одному дереву в честь каждой советской семьи, спасшей евреев, земли бы не хватило. Справедливо было бы назвать весь русский народ «праведником Мира», несмотря на известные факты антисемитизма, особенно сталинского в послевоенное время.

В марте 1949 г. папа пришел с работы днем, я был дома. Он с трудом говорил, настолько был взволнован. Директор 4-го ГПЗ Юсим (еврей) для профилактики уволил 30 инженеров-евреев, занимавших руководящие должности, в списке был и отец. Через 2 месяца сняли с работы и Юсима. Позже я узнал, что волна увольнений прокатилась по всей стране и зацепила очень многих видных специалистов-евреев. В мае 1959г я оказался в одном номере московской гостиницы «Северная» (в Марьиной Роще) с Давидом Кернером, начальником ЦЗЛ (центральной заводской лаборатории), лауреатом Сталинской премии, всеми уважаемым человеком на артиллерийском заводе № 9 внутри Уралмашзавода. Всю войну он был на этом заводе Главным Технологом. Хочу воспроизвести некоторые его рассказы.

5.1. Рассказы Д. Кернера

1. В декабре 1943 г. мне присудили Сталинскую премию за разработку и внедрение новой технологии расточки артиллерийских стволов, позволившую значительно сократить цикл их обработки. А еще ранее в конце сентября Зам Наркома (министра) Д.Ф. Устинов приказал мне выехать в командировку в г. Горький на артиллерийский завод и передать им свой опыт.

Меня ждали и сразу отвели к директору этого завода. Завод выпускал 76-миллиметровые пушки ЗИС-76, крайне необходимые фронту. Директор (кажется — Елян) приказал устроить меня в общежитие и предупредил, что запрещает кому-либо закрывать мое командировочное удостоверение — «Только я, лично, вместе с актом о внедрении...»

Я рассчитывал побыть там дней 10—12, но столкнулся с жестким сопротивлением, начиная с токарей-расточников (они боялись снижения зарплаток) и, кончая специалистами — технологами, которым «новшества со стороны» были, ни к чему. Они пытались выдвинуть меня с завода, не брезгая ничем. Я зашел к Главному Технологию (тоже еврею) и предупредил, что если его люди не начнут работать, как надо, я сообщу о вредительстве. Ситуация кардинально изменилась, началась совместная работа. Спроектировали соответствующую оснастку и инструмент, определились с режимами резания и апробировали. Даже «работяги» остались довольны... Акт внедрения был подписан и я побежал к директору, т.к. заводская столовая довела до истощения, а на одном ботинке подметка держалась только веревкой. Вид был у меня тот еще!..

Оказалось, что директор в Москве, даже Главный Инженер не рискнул подписать мои бумаги. Дней через пять появился директор... я в приемную, а там суета: «В кабинете Дмитрий Федорович! Приходите позже...»

В приемной было тепло, на улице дождь, ноги мокрые. Ясел на стул в углу, согрелся и невольно стал созерцать происходящее. Сначала в кабинет занесли несколько корзин с разнообразными продуктами. Там проглядывались колбасы, окорок, рыбыны, масло, яблоки и еще и еще — все то, вкус которого я уже забыл, а есть хотелось страшно! Затем в приемную занесли штук десять коробок с обувью. Секретарши занесли их в кабинет и вскоре вышли возмущенные тем, что директор предложил ему выбрать по паре туфель себе и жене, а в ответ: «Давай все!»...

2. Весной 1949 г. однажды в полночь меня разбудил вызов к директору нашего завода Рыжову. Он предложил немедленно написать заявление об увольнении по состоянию здоровья и дати-

ровать позавчерашним числом, затем продиктовал секретарю приказ за той же датой о создании ЦЗЛ и назначении меня ее начальником. Пока она печатала, он пояснил, что получил указание из министерства и надеется, что я не проговорюсь. Когда после 53 г. мне предложили вернуться на старое место работы, я отказался.

В эти же дни на соседнем артиллерийском заводе № 8 директор В. Кротов (впоследствии Министр СССР) «спасал своего еврея, главного конструктора Льва Вениаминовича Люльева, лауреата и т.п.». Он уговорил первого секретаря Обкома партии, и они вместе через ЦК КПСС добились, что Л.В. Люльев остался на своем месте.

3. Трагично сложилась судьба одного из корифеев танкостроения директора сначала ленинградского, а в годы войны челябинского, Кировского заводов, генерал — полковника, Героя Социалистического Труда, замминистра танкостроения Зальцмана. Прирожденный организатор, требовательный руководитель пользовался огромной известностью, о нем, о его умении достичь невозможного ходили легенды, и вдруг в 1949 г. (могу ошибиться) его сняли с работы, лишив всех званий и наград. Люди, хорошо известные мне в годы войны, с которыми мы согласовывали постановку наших пушек в танк КВ, евреи, убеждены были, что это — «месть Малышева». Малышев был наркомом танкостроя и однажды передал Зальцману личную просьбу Сталина выпустить сверх плана за квартал 80 боевых машин, на что последовало категоричное и обоснованное «мы не сможем». Малышев поверил и также ответил Сталину. Тот снял трубку «вертушки», переговорил с Зальцманом и «убедил» его исполнить просьбу. Можно только представить состояние наркома, когда сделали 90 танков. Он дождался своего часа, что он говорил вождю неизвестно, только Сталин запретил впредь при нем произносить фамилию Зальцман, хотя после 53-го он был полностью реабилитирован и ему вернули все отобранное, опраться не сумел и вскоре скончался.

Закончить рассказ о Д.Кернере хочу следующим: осенью 1999 г. Сохнут собрал в Самаре региональную конференцию. На ней один активист из Екатеринбурга (Свердловска) с гордостью сказал, что подготовил и издал книгу «Евреи на Уралмашзаводе». На мой вопрос, поведал ли он в ней о Давиде Кернере, смущенно ответил: «Нет, хотя потом ко мне подходила возмущенная вдова...». Как это характерно для советских евреев-газетчиков, писать о тех, о ком скажут! Артиллеристов на Уралмаше не любили, об этом позже...

Между тем отцу опять пришлось искать работу. Убедившись, что в городе могут взять только на рядовую должность, он согласился стать главным инженером объединенных газопромыслов треста «Кинельнефть», размещенных в Бугурусланском районе Оренбургской области. Рядом в Похвистнево добывали нефть. Кинель — река, протекающая через эти районы и впадающая в Волгу в Куйбышеве. Правильнее было бы назвать трест «Похнефть», что было отвергнуто управляющим — армянином. По-армянски «пох» — это говно.

В то же время закончилась судебная тяжба треста «Главмука» с нами. Нас вынудили переехать в дом по ул. Крупской, 1, где располагалась дирекция Волжского элеватора — мельзавода. Прихожая-кухня, две смежные комнаты и печное отопление казались кошмаром после Чапаевской.

Вскоре начались выпускные экзамены; о сочинении и алгебре упомянул выше, все остальные сдал на 5. Мне еще вначале года отец сказал, что лучший инженерный вуз страны — это Бауманское Училище в Москве, туда я и собрался после выпускного бала.

6. МВТУ ИМЕНИ Н.Э. БАУМАНА

6.1. Первые годы

В Москву меня сопровождала мама, которая не видела родных с 41-го. Остановились у дяди Миши. Неля уже подала документы в МВТУ на механико-технологический факультет. Я был в растерянности и в колебаниях, «обработал» меня еврей-четверокурсник, убедив поставить в заявлении первым *артиллерийский*.

Экзаменов было много: сочинение и литература, математика, физика, химия и английский. При этом единая оценка по математике объединяла два письменных и один устный экзамены. Первым у всех было сочинение, если не «двойка», то абитуриент допускался к остальным экзаменам. Последним был устный по литературе, оценки по сочинению я не знал, но по всем остальным предметам были «пятерки». Как говорится — «На коне!»

Билет по литературе был не сложным, подготовился и решил пойти к женщине с добрым лицом, а не к суховатому мужчине. Мой рассказ перебивали жесткие реплики, в финале: «Не знаете вы РУССКОЙ литературы, хотя по сочинению четыре—три!» Это был первый открытый урок антисемитизма, к сожалению, не последний. В итоге, 27 баллов из 30 — превосходный результат, но без стипендии.

Хохма в процессе экзаменов. Опаздывая на консультацию по английскому, бегу по коридору. Впереди стройная, изящная девушка, я ее слегка обнял и спросил:

- Вы не подскажите, где 309 аудитория?
- Во-первых, я не девушка...
- Так это еще лучше...
- Я преподаватель.

Через минуту она вошла в аудиторию... Она принимала у меня экзамен и вела английский язык в нашей группе два года. На мое счастье оказалась очень порядочной и не злопамятной.

Со своими оценками я имел право выбора и твердо решил идти на приборостроительный факультет. Утром приехал в Училище и узнал, что наш поток Приемная комиссия будет рассматривать в 5 часов дня, вернулся на Большую Калужскую (ныне Ленинский проспект), где жил дядя Миша в четырех автобусных остановках от Калужской (потом Октябрьской) площади, примерно полтора часа езды от МВТУ.

Днем поехал снова, да не тут-то было: демонстрация в защиту мира, транспорт стоит, опоздал примерно на час... «Вы зачислены на факультет Е (артиллерийский)...», о пересмотре и говорить со мной не стали. СУДЬБА!

Всех вновь принятых, кроме фронтовиков и видных спортсменов, поселили в частных домах поселка Ильинское по Казанской ж.д., в 38 км от Москвы. Я к этому не был готов, а тут еще дядя Изя с семьей решил уехать в Ереван и предложил мне поселиться в их комнате в Мерзляковском переулке около Арбатской площади, я с радостью согласился, а прописался у дяди Миши. Недальновидность такого решения осознал позднее — надо было прописаться в Ильинке, а жить на Арбате.

Началась студенческая жизнь. Отец присылал 450 руб. в месяц. Я старался укладываться в 25 руб. на два дня. В 1949 г. цены были еще достаточно высокими. Буханка хлеба стоила 4 руб., а бутылка портвейна 44—45 руб. Обедал в Училище, завтрак и ужин: хлеб, масло, плавленный сырок или вареная колбаса, изредка ацидофилин или молоко, яблоки. Со 2-го семестра стало легче — добавилась стипендия. Кстати на нашем факультете она была на 100 руб. выше. Правда и поступления из Бугуруслана стали поменьше.

Для меня, как и для многих, самым тяжким оказалось черчение. Как я себя корил, что в школе не уделил ему должного внимания, все чертежи за меня делал Лека Разманов в обмен на все контрольные; у нас всегда был один и тот же вариант. Самым страшным для меня было требование обводить чертежи тушью. Преподаватель Якубович установил жесткую систему обучения,

чтобы приучить нас делать чертеж один раз продуманно, без перерчерчивания: при первом просмотре на каждом формате ставил свою хитрую подпись.

Жора Абрамов после неудачной обводки тушью шрифта залил его тушью и оставил кошачьи следы. Якубович усмехнулся, вырезал грязную форматку и заставил сохранить остальные. В дальнейшем я вспоминал *эту школу* только с благодарностью, но, сколько бессонных ночей потребовала она! К тому же у меня был примитивный инструмент, особенно плохие — рейсфедеры. Лишь в мае 50-го на Абельмановской площади появились немецкие готовальни фирмы Рихтер из латуни. Мечта! После окончания института я подарил ее Леньке. К сожалению, он ее растерял. Я ее запомнил на всю жизнь, больше такой не было.

Одет был достаточно скромно. Не было даже костюма, в пройме брюк четко виделся свет. Решил сходить на барахолку и купить брюки. Там за 100 руб. получил «урок» от «наперсточников» и осознал, что «халява» — не для меня. Перешел на сатиновые шаровары, которые по упрощенному методу сшила мне сестричка Маечка — школьница. В шароварах ходило большинство студентов.

Незадолго до 7 ноября дядя Миша предложил мне дать ключ от комнаты его знакомому — зампреду Моссовета в обмен на гостевой билет на Красную площадь. Радость была безмерной, но... сделка не состоялась.

21 ноября по просьбе бабушки Ханы тетя Бела устроила праздник моего 19-летия. С довоенных лет это были первые «настоящие» именины с подарками.

В середине декабря я засиделся в библиотеке МВТУ часов до 10 вечера, спустился в раздевалку, подаю номерок, а в ответ:

— Ваше пальто получили вот по этому номеру!

У меня был дубликат. Состояние было более чем не важным, спал в кабинете зам. Ректора, а назавтра дядя Миша привез старое кожаное пальто. Он здорово мне помог с оценкой украденных вещей, после судебного процесса «Затуловский против МВТУ» я получил деньги.

Учился я хорошо, был в числе лучших, но первый семестр оказался, как первый блин — комом. Зачет по черчению (оценка влияла на стипендию): «хорошо» из-за техники; экзамен по матанализу: решил четверым их задачи (преподаватель вышел) и, когда протянул ему свой лист, услышал — «А это что?» Я взглянул и вскрикнул: «Здесь должен быть минус!», — «То-то же» и «хорошо». Экзамен по начертательной геометрии. Представил все домашние задания, выполненные тушью, ответил по билету. Далее во-

прос — ответ, вопрос — ответ и так пять раз. Подсел другой преподаватель и шепчет (я слышу):

— Чего ты так долго с ним возишься?

— Да вот, все правильно, но листы не нравятся...

Тот развернул мои работы и неодобрительно крякнул. На следующий вопрос я отвечать отказался: «Все равно больше четырех не поставите». Можно было бы, и поспорить, тогда еще не хватало смелости.

Зимние каникулы провел в Куйбышеве, где вдоволь натанцевался, т.к. в Училище вечеров отдыха практически не было, а ходить куда-нибудь не было времени.

С начала 2-го семестра стал регулярно ходить в спортсекцию по гимнастике вместе с Виктором Карповым. Мы подружились. Иногда заходил к ним домой. Они вчетвером (плюс старшая сестра Зина) жили в крохотной комнатухе на первом этаже дома на Ново-Басманной улице, примыкающего к МПС. Тон в их семье задавала мать, добрая и энергичная женщина. Она работала уборщицей в овощном магазине. С каким удовольствием мы уплетали списанный, тронутый временем виноград, который она иногда приносила!

Старостой нашей группы был Коля Романов, ныне доктор т.н. Уроженец пермской деревни, 27-го года рождения, он в 14 лет был привезен в одно из ремесленных училищ г. Перми. «Обучение» началось во вторую ночь, когда к ним в спальню-зал зашли девочки 16—17 лет и распределились по койкам... «До этого я был наивным мальчиком», — рассказывал он.

В 16 лет, накинув один год возраста, ушел добровольцем на фронт. Был вестовым у командира полка. Однажды во время боя командир получил тяжелое ранение. Медсестра, наложив повязку, предупредила, что, если через час не сделать операцию, то он умрет. Тогда вынос раненого с поля боя рассматривался как дезертирство, тем ни менее Николай уложил его на заднее сидение и принудил водителя «гнать машину в госпиталь» — и спас ему жизнь.

Позднее в марте 1945 г. Николай сидел на танке, когда в танк попал немецкий снаряд. Взрывной волной его контузило и сбросило по грудь в воду. В госпитале его выносили, но легкие холод зацепил основательно, и начался туберкулезный процесс, который обострился во время учебы во втором семестре.

Бывший командир стал видным партийным работником где-то на Донбассе и, когда узнал о беде своего спасителя, оказал ему весомую помощь. Пробыв в больнице около 2-х месяцев, Коля успешно сдал весеннюю сессию.

Меня назначили старостой группы. Главная обязанность старосты заключалась в контроле и учете посещаемости учебных за-

нятий. Особый спрос был за посещение ОМЛ (основы марксизма-ленинизма), практически штудировали сталинские «Вопросы ленинизма» и его «Биографию» (автобиографию). Установили правило — договорился со старостой, можешь не ходить, за «самоволку» — объяснение в деканате.

С начала апреля несколько человек из группы (я с ними) стали тренироваться к участию в физкультурном параде на Красной площади, который замыкал военный парад. Конечно, это делалось несоизмеримо проще и дешевле, чем в более поздние года, да и сейчас. Нам продавали дешево майки-футболки, и мы должны были идти шеренгами во всю ширину площади, соблюдая равнение. Это была единственная возможность увидеть живьем Великого Сталина, т.к. на ноябрьских праздниках в Москве он отсутствовал. Я его видел дважды — 1 мая 50 и 51 гг. Он был на много ниже ростом, чем другие стоящие на трибуне Мавзолея, но все смотрели с восторгом ТОЛЬКО НА НЕГО.

Мы заранее договорились, что после парада зайдем в магазин закупить все к столу и вечером соберемся с девчонками у меня на Арбате, но...

30 апреля рано утром разбудил стук в дверь, и в комнату вошло все семейство Исаака. Ереванская экспедиция закончилась досрочно. Мне здесь оставаться было невозможно. Вещи я распределил, а все учебные бумаги (лекции, семинарские тетради и задачки) носил с собой в фибровом чемоданчике. Допоздна сидел в библиотеке, а ночевать ходил поочередно к родственникам — сегодня здесь, а завтра там. К счастью, листы по черчению были почти готовы. Так продолжалось 2 месяца, — общежитие обещали только с нового учебного года. К тому же я простудился и потерял голос — острый ларингит.

Я хочу еще и еще раз вспомнить самыми добрыми словами моих московских родственников: бабушку Хану, теток Беллу и Броню, дядей Яшу и Мишу, которые незадумываясь предоставляли мне кров, хотя жили в весьма скученных условиях. Зачеты, а затем и экзамены я сдавал на «отлично» в таких, далеко не нормальных условиях.

Надо рассказать про экзамен по физике. Где готовиться? В институтском читальном зале был невыносимый шум (вернее крик). Поехал в Ленинскую библиотеку, Там очередь на входе до вечера. Заехал к бабе Хане на Арбат, 55, сел за стол, и тут же 12-летняя Аллочка включила на полную громкость радио. Прости меня, любимая, так рано ушедшая сестричка, я не хочу обидеть твою память, но так было. А сколько глупостей наделал я в более позднем возрасте!

Пришлось уйти, я сел на лестницу и стал читать. Только я уселся, как подошел гебешник в штатском, проверил документы, выслушал мои объяснения и отошел, буркнув — «вообще, здесь не положено». Дело в том, что Арбат являлся правительственной трассой, по которой Сталин ездил на дачу в Кунцево. В каждом подъезде вдоль всей дороги круглосуточно дежурили сотрудники МГБ в штатском, а на дороге — милиция ОРУД (отдел регулирования уличного движения) в особой форме. Они тоже были в штате МГБ.

Когда правительственный кортеж (Сталин — пять машин, член политбюро — три) мчался по Арбату, все движение замирало, перекрестки перекрывали орудовцы, в окна каждой автомашины пристально всматривались военные, людей в штатском не было видно, при этом машины непрерывно на ходу тасовались, как карты. Передних номеров на всех московских авто не было, Так охраняли запуганного Вождя.

Рассказывали, что около Смоленской площади мальчишка перебежал перед ними дорогу, его сбили, даже не притормозив.

Позанимавшись часа три, я пошел пообедать и около столовой встретил Володю Швайковского — согруппника. Поведал ему о своих мытарствах, и он почти силком повел меня к себе домой. Там я познакомился с *настоящими русскими интеллигентами*. Жили они в небольшой квартирке старого двухэтажного флигеля в переулке недалеко от старой станции метро «Смоленская». Их радушие, тепло и гостеприимство запомнил надолго. К дальнейшим экзаменам стали готовиться вместе, чему особенно радовалась Володина мама.

У него было две страсти: книги об Остапе Бендере (наизусть помнил многие эпизоды и фразы) и пластинки Л. Утесова. Некоторые из них я услышал впервые — «У меня есть дома патефончик» и др. В дальнейшем мы вне Училища встречались реже.

После окончания МВТУ по распределению В.Швайковский работал на ракетостроительном заводе в Красноярске. Вскоре его, Валентина Серова и Льва Мельникова пригласили на работу в КГБ. Серов и Мельников задержались там не надолго, а Швайковский до конца КГБ, уже в начале 70-х он работал на Лубянке.

Как-то, будучи в Москве в командировке, я позвонил ему на работу. Вечером зашли в ресторан «Стойло Пегаса» в ЦДРИ (Центральный дом работников искусств). Перед нами на сдвинутых в ряд столиках справлялась свадьба — молодые: худенький еврейский мальчик и девочка из ансамбля Утесова. Правил торжеством Сам, достаточно немолодой мэтр.

Реакция Володи меня поразила (говорили, что он уже стал Швайковым) — неприязнь, произвольные — реплики — «типич-

ные» и т.п. О былом обожании Л.Утесова я напоминать не стал..., больше мы не встречались.

Откуда этот антисемитизм? Ведь ни в семье, ни у него ранее намек на это не было. Одно очевидно, Вся атмосфера в МГБ—КГБ была густо антисемитской. Позднее это подтверждали и потомки кадровых КГБ-шников, с которыми сталкивался.

Лето 50-го я провел в Бугуруслане. Как-то Леня уговорил меня пойти с ним на рыбалку, на реку Кинель. Он уже вытащил пару окуньков, а у меня поплавков не колышется. Вдруг он как закричит «Подсекай!», я в недоумении повернулся «Ты чего?», он в слезах бросился на меня с кулаками... После этого удочку в руки я взял лет через 47. Гордиться здесь нечем — не дано мне это от роду.

В сентябре 1950 г. я поселился во вновь построенном общежитии в Ильинке. Практически все, кто жил в поселке на первом курсе получили места в городских общежитиях МВТУ. Студгородок состоял из 6 деревянных двухэтажных домов, в одном из них была столовая, которая работала с 6.30 утра до часу ночи. До платформы электрички минут десять очень быстрой ходьбы, далее электропоездом до остановки «Новая» и трамваем до Училища. Вечером обратный путь, как правило, начинался от «Электрозаводской, где рядом находятся остановки метро и электропоездов, т.к. вечером трамваи ходили редко.

В трехкроватьной комнатухе поселились Август Нефедов, Олег Иванович и я. Олег, как и я, — новичок, об А. Нефедове несколько строк.

Высокий, широкоплечий, добродушный увалень из Воронежа, он отличался какой-то несобранностью и «невезухой». Всех перевели в город, его — нет. Весной 51-го бывшие его соседи по дому «поставили бутылку» коменданту и поселили его в 1-м общежитии. Через год по дороге на практику он потерял паспорт, и оказалось, что никаких следов его московской прописки нет, Пришлось ему снова ехать в Ильинку. Как-то в электричке он забыл взять с верхней полки все листы курсового проекта, — очередная неприятность. И, наконец, во время защиты дипломного проекта перед ним объявили 15-минутный перерыв, когда мы помогли развесить его листы, с ужасом обнаружили, что ни на одном из них не указаны ни сечения, ни виды, ни стрелки — «пустые». Мигом все сделали. «Отлично»... очевидно с этого началась его «везуха». В Ленинграде он в силу внешних данных и бесконфликтности достаточно быстро вырос до секретаря обкома комсомола, потом стал Министром РСФСР. Один из знакомых, который сталкивался с ним в Питере, рассказывал, что он обожал охоту. Больше о нем ничего не знаю.

В соседней, проходной комнате жили три парня с интересной судьбой. С 41 по 49 гг. они служили в кремлевской охране. Все это время жили в Кремле, там окончили среднюю вечернюю школу и после демобилизации поступили в МВТУ. За все годы ни одного раза не были в увольнении вне стен Кремля, хотя в послевоенные годы посещали музеи и театры, группу всегда замыкал офицер. В туалет — только с его согласия... — ведь кругом были враги и шпионы.

Во время первой весенней сессии я попробовал вкус досрочной сдачи экзамена. В зимнюю второго курса — досрочно сдал все экзамены на «отлично» и уже 11.01.51 г. был в Куйбышеве, уведомив маму телеграммой. Эта телеграмма оказалась спасительной, как я узнал по приезду. У нас ночевала папина сестра Рива. Затопили печь на ночь и потом закрыли заслонку, очевидно, рано. Почтальон, принесший телеграмму, стучал долго, вышли соседи и подтвердили, что хозяйева здесь. Тетя Рива дошла до двери, открыла ее и потеряла сознание, маму и Леню еле привели в чувство — угорели.

Вторую весеннюю сессию сдавал на «отлично». Было просто легко — наверное, помогал изумительный воздух Ильинки: чистый, вокруг не было никаких производств, насыщенный ароматом цветущей сирени и пением птиц. В Москву ездил редко, однако к экзамену по сопромату готовились вчетвером в комнатухе Вити Карпова — он, Саша Игумнов, Борис Чемоданов и я.

Пришли по договоренности к лектору в конце дня. «Досрочники? Хорошо! Но только учтите — для вас у меня только две оценки: 5 или 2. Согласны! Садитесь. Билеты раздавать не буду. Вижу — знаете. Каждому по задачке...» И вслух рассказал условия индивидуального задания каждому из нас.

Мое — «определить деформацию всящего бруса под собственным весом по энергетической теории». Задача плевая для стандартного решения, но по энергетической?! Сейчас я вообще забыл, что это такое, тогда же покрылся холодным потом, не очень представляя, с какой стороны подойти к решению.

Минут через десять вопрос: «Ну, кто самый смелый?» Пошел Борис. Последующий анализ показал, что ему досталось самое легкое задание.

Я сосредоточился и стал искать подходы. Минут через пятнадцать меня осенило...

— Молодец! Эту задачу решают немногие.

Когда я вышел, Борис подскочил с вопросом: «Решил? Я что-то никак...»

Борис Чемоданов уже в 35 лет стал членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Его отличала от меня целеустремленность и трудолюбие. Сколько времени отдал я в студенческие годы пре-

ферансу, чтению художественной литературы и другим «очень важным и нужным делам», а он одновременно учился на вечернем математическом факультете МГУ.

Кстати после этой досрочной сдачи экзамена группа чуть ли не объявила нам бойкот за «эгоизм». Дело в том, что основной экзамен по сопромату состоял из общей задачи и ответа по билету, билет получал лишь тот, кто правильно решил задачу. Многих «спасла» логарифмическая линейка Виктора Щипачева, на которой он написал решение и пустил «гулять» по аудитории, но все же двоек было много.

О Викторе надо написать. Пришел он к нам на втором курсе. Фигура легкоатлета, светлые волосы (увы, лысел он стремительно), легкая картавина, манеры аристократа. Отец — очень популярный в то время поэт, Степан Щипачев, мать — журналистка Елена Викторовна Златова (то, что она еврейка Вайнштейн, я узнал лет через 30). Убежден, что Щипа, это прозвище сохранилось надолго, был самым талантливым из нас. Меня всегда удивляла самобытность, логичность, глубина и легкость его подхода к сложному техническому вопросу, но он был в меру ленив и совершенно лишен честолюбия. Взаимная привязанность у нас сохранилась на долгие годы, о нем буду упоминать многократно.

Однажды Виктор пригласил меня к себе домой после занятий, — надо было срочно сделать какое-то задание. Елена Викторовна усадила нас за стол и сказала: «Сейчас я угощу вас вином из подвалов Геббельса».

Узкая высокая бутылка из темного стекла с белой наклейкой на русском — «Базельское коллекционное вино № 23». Она налила золотистое вино в хрустальные рюмочки. Мы выпили.

— «Ну, как?» — спросила она. «Кислое», — ответил я. Мгновенный взгляд в мою сторону помню и сейчас. В нем были жалость и сочувствие. Запомнил все детали этого эпизода, только не вкус этого вина... Только в 30-летнем возрасте начал различать вкус и разнообразие сухих вин.

В начале июля 1951 г. нас повезли на военный сбор в Гороховецкие лагеря. Собирались во дворе Училища. Здесь же Чемаданов, Серов и я заполнили анкеты на сталинскую стипендию. Осенью узнал — не дали только мне: антисемитская вакханалия нарастала.

Гороховец расположен на полдороги между Москвой и Горьким (ныне Нижним Новгородом), здесь на огромном песчаном массиве размещались войска московского военного округа среди редких сосновых рощ и озер. Разместились в палатках на 25 чело-

век в составе 25 артиллерийского корпуса, которым командовал сын Героя Гражданской войны Чапаева. Жара стояла страшная — днем свыше 30° С. Обмундирование — БУ (бывшее в употреблении, старье). Гимнастерки со стоячими воротниками, расстегнуть верхнюю пуговицу запрещалось категорически. Там впервые увидел кристаллы человеческого пота на гимнастерке впереди идущего и поразился достаточно неприглядной картине внутри Советской Армии: шагистика и показуха, обман и низкая профессиональная подготовка, неуважение к личности...

Второй раз в военном лагере мы были после четвертого курса на ремонтной артиллерийской базе в Павловом Посаде. Там форма была новая, но порядки старые. Раз в два дня в большом зале клуба, где временно устроили нашу казарму, замполит читал нам лекции о внутреннем и международном положении. Он был не очень далеким и говорил с нами, как привык с солдатами. Как-то я послал ему записку с вопросом о советско-гандалупских отношениях. Он помялся и ответил: «К сожалению, я сейчас ничего не могу сказать о наших отношениях с Гандалупией, но на следующих занятиях отвечу». Зал всколыхнулся от восторга. На следующем занятии он долго пытался найти автора записки.

После зимней сессии третьего курса на каникулы вместо Куйбышева я поехал в Ленинград на экскурсию от студенческого научно-технического общества. Из нашей группы были Витя Карпов и я. Жили в общежитии ленинградского военно-механического института. При посещении артиллерийского производства бывшего Обуховского завода очень удивились рассказу о том, что в середине 30-х здесь в обстановке строгой секретности работала группа итальянцев над проблемой упрочения стволов проволокой и все они были расстреляны как вредители.

С нами был старшекурсник Леша Туктанов, дядя которого был «большим чином» в обкоме партии и снабдил его билетами в самые лучшие театры города. Брал Туктанов нас с собой поочередно, через день — (думаю, из-за принципиальности В.Карпова). Так я попал в Большой Драматический театр и в Мариинский на третий ряд партера, где давали «Фауста» Гуно с «Вальпургиевой ночью». Посещением московских театров мы не были избалованы, — достать билеты было очень трудно и дорого. Так, чтобы попасть в Большой Театр на «Бориса Годунова» Мусоргского за билеты «пятый ярус, места неудобные» пришлось дополнительно купить дорогие билеты в театр им. Станиславского на оперу Т. Хренникова «В бурю». И хотя чуть не свернули шеи, слушали «вживую» Козловского, Михайлова и Петрова.

Да и вообще, в нашей студенческой жизни веселья было маловато. Вечера были очень редкими и скучными, на них почти не

исполнялись полу запрещенные танго и фокстроты, а танцевать польку, падекатр и падепатинер как-то не хотелось. Правда, по выходным дням в тесном красном уголке общежития в Лефортово, куда я все — таки перебрался, играли все.

В январе 1953 г. объявили о врачах-вредителях. Началась практически открытая травля, критика и осуждение евреев. Поползли слухи о составлении списков на выселение из Москвы. Правда, говорили только о семьях работников торговли и местной промышленности. Газеты клеймили безродных космополитов и литераторов, скрывающих свою враждебную, еврейскую сущность под русскими псевдонимами.

6.2. Похороны Сталина

5 марта 1953 г. умер И. Сталин. Все были в шоке: «Что будет со страной завтра? Кто может заменить Вождя?» — говорили вокруг. На площади у главного входа собрался траурный митинг, где на высокой площадке выступил плачущий Николай Егорычев секретарь парткома, в будущем кандидат в члены Политбюро партии, его звезда закатилась вместе с Шелепиным.

Мы поехали в центр города. Конец очереди в Колонный зал нашли на Трубной площади. Сообразили зайти в один из дворов и оставить на хранение у какой-то доброй тетеньки студенческие чемоданы и портфели. Толпа нарастала мгновенно, разорвав жидкую шеренгу солдат оцепления. Нас разъединили, и, где-то около 5 час вечера началось что-то невообразимое, — можно сказать, «трагедия сталинских похорон», разгул толпы.

Толпа сжимала и тащила в невероятном направлении. Крики и вопли о помощи сотрясали воздух. Я сложил руки на груди, чтобы не раздавили грудную клетку, и старался только не дать ногам потерять контакт с землей, дабы не оказаться под ногами толпы. Количество упавших возрастало, а помочь им не было возможности. Часа через три приблизились к улице Пушкина, которая была перекрыта тяжелыми грузовиками ЯАЗ с работающими моторами. В кузовах стояли солдаты, при мне им удалось вытащить нескольких женщин в обморочном состоянии, а под ногами лежали люди. С правой стороны проход между машиной и домом шириной метра два заполнили солдаты, которые со стороны дома пропускали людей в щель под руками крайнего ряда. Три раза людской водоворот не давал мне попасть в эту воронку, но все-таки протиснулся, при этом бросилось в глаза предельно измученное дыхание солдат, из последних сил сдерживающих напор толпы.

Попал на Пушкинскую, вдоль правой стороны улицы стоит тонкая линия очереди, а позади доносится адский крик толпы. Начали медленно продвигаться вперед, из открытых окон рассказывали о последних новостях, о новом правительстве. Примерно через 40 минут сзади раздался страшный многоголосый крик, и по улице побежала масса людей. Оказывается, солдаты не выдержали напора и рухнули наземь, толпа устремилась в проход по ним. Я побежал вперед до ближайшего перекрестка, перекрытого цепью солдат конной милиции. Меня придавили к лошади. Обученные лошади не били копытами, а только норовили укусить. Надо было держаться подальше от морды и протиснуться к правому углу — проходу. Прорвался. И так повторялось еще несколько раз до самого Дома Союзов, где выставили тело вождя.

Опустошенный, с разорванными в полоски снизу брюками, с раздавленной на груди авторучкой вошел я в Колонный зал. Тишина подчеркивалась траурной мелодией симфонического оркестра. В утопающем в цветах гробу лежал ОН, маленький старичок в форме генералиссимуса, рябой с довольно редкими седыми волосами, весьма отдаленно похожий на привычные изображения. Люди, сидящие на стульях и стоящие в почетном карауле, как-то не затрагивали внимание. Смотрел на НЕГО. Властный шепот поторапливал: «Проходите, проходите, не останавливайтесь...»

Вышел на площадь. Третий час ночи, пусто и тихо, только издалека еле слышен тревожный человеческий гул. На душе пустота, ноет тело и, особенно, ноги, хочется есть. Страшная усталость и... равнодушие. Метро работало, а от Баумановской до Лефортова шел пешком. Трамваев не было.

Честно говорю, что именно на пути в общежитие родилась крамольная мысль: «Зачем мне это было нужно? Ради чего надо было так рисковать жизнью?..» Через неделю выяснилось, что в этой давке погибло не менее 800 человек, в том числе одноклассница сестры Майи — Оля, студентка МГУ.

6.3. Общественная работа

Когда на первом курсе заболел Коля Романов, меня назначили старостой группы, а осенью 1952 г. избрали в факультетское бюро комсомола. Предложили взяться за учебный сектор. Учитывая донельзя плотный учебный график, учеба в МВТУ требовала постоянной, напряженной и повседневной работы, к которой многие бывшие школьники не были готовы. Поэтому ситуация с успеваемостью, особенно на младших курсах была совсем не благополучной. В нашей группе за неуспеваемость за три года выбыло

5 человек. Я понимал, что необходимо установить постоянный контроль успеваемости и посещаемости занятий, а эффективность такой работы могло обеспечить только мое постоянное взаимодействие с активом студенческих групп. Для этого надо было наладить постоянное взаимодействие с комсоргами, старостами, активистами и отстающими студентами, и это требовало много времени, энергии и нервов. Естественно, основное внимание было направлено на два младших курса, ибо на них формируется студент, обретая навыки и умение. Результаты моих усилий начали сказываться довольно быстро и стали заметны в масштабах всего Училища.

Нашим факультетским «вождем» был Андрей Кузнецов, сын генерала-полковника. Он, как никто, был «правильным», четко знал, что от него требуется, но никогда не забывал о своих интересах. Я раскусил его достаточно поздно. Комсомол именно в те годы стал валиться в болото формализма, делячества, карьеризма и отрыва от интересов молодежи. Два примера.

В клубе МВТУ был отличный джаз-оркестр, когда его разогнали, ребята стали собираться и играть в рабочих клубах. «Мир не без добрых людей», кто-то не просто донес, но и проиллюстрировал «преступников» фотографиями. Расправа последовала жесткая (Егорычев): всех исключили из комсомола и Училища и призвали в армию. Испортили жизнь молодым людям — за музыку! А ведь в большинстве вузов страны джаз гремел без препятствий.

Одна из активисток на нашем факультете, хитрая дева с внешностью жабы, подружилась с парнем из своей группы, стала жить с ним, а когда он отказался на ней жениться, подала жалостливое заявление. Парень — не боец, но честно признался, что она помогала в учебе и была инициатором всего, а он ее не любит. Все мои попытки убедить коллег, что не надо вмешиваться в это дело, все доводы, что счастья в этой насильно создаваемой семье не будет, успеха не имели, т.к. Андрей и его зам. Николай Горячев были тверды во мнении, что комсомолец не должен позорить себя «незаконной связью». Под угрозой изгнания из комсомола и Училища парень сдался. Они развелись через два года, но она приобрела московскую прописку.

Кстати, через полгода на практике на полигоне Руш я с удовольствием обнаружил в альбоме одной девицы (Ады Мальцевой) фотографию Коли Горячего с недвусмысленной надписью. Типичный пример логики комсомольского руководителя: «Что мне можно, им нельзя». После довольно бурного заседания нашего бюро по этому вопросу, ко мне обратился Миша Морейно, еврей, который активно отстаивал точку зрения Кузнецова: «Зачем тебе с ни-

ми спорить? Зачем ты так защищал этого...?» Я ответил, что «просто представил себя или тебя на его месте», он промолчал.

Моя комсомольская карьера разрушилась одним моим проступком. В апреле 53 г. моя мать приехала в Москву на обследование, ее устроили в Боткинскую больницу, заподозрили онкологию и назначили день операции. Я был в состоянии прострации и забыл, что на этот же день мне назначил встречу, Петр Петрович Пичугин, работник горкома партии, выпускник нашего факультета, он хотел в деталях ознакомиться с моей работой в целях распространения опыта, а я не пришел. Он ждал около часа, я был в Боткинской...

Очевидно, мне надо было попытаться перенести встречу, но предполагаемый диагноз болезни матери потряс меня очень сильно... «некомсомольское поведение (из доклада)» прервало мою работу. То, что делал я один, не очень удачно стали выполнять двое, зато мой «комсомольский энтузиазм» был подрублен на корню.

6.4. Четвертый курс

Седьмой семестр на нашем факультете был исключительным по насыщенности заданиями и проектами, при этом особенно выделялась своими, подчас абсурдными требованиями кафедра Баллистики. Элементарный анализ показывал, что для качественного выполнения всего объема заданий надо было работать по 25 часов в сутки (?!). Особенно противным и трудоемким было табличное решение системы уравнений движения снаряда по траектории полета. Также были: курсовой проект по подъемно-транспортным машинам (ПТМ) с обоснованием и расчетами, задания по гидравлике и др.

На экзамене по «Внешней баллистике» зав кафедрой генерал Слухоцкий запрещал своим подчиненным ставить оценку 5, это была его прерогатива. Наша группа начала экзамен без него. Я попал к аспиранту («подщелу»), готовился основательно, поэтому отвечал «разве лишь не в стихах». «Хорошо!» — «Почему не отлично?» Тот растерялся и обратился к старшему преподавателю: «Вот Затуловский недоволен оценкой 4...» Ответ был краток:

— Скажи спасибо за 4 и сматывайся, пока нет генерала!

Генерал явился через 10 минут и... началось. Из 22 человек стипендию получили 13, повышенную никто. И это на четвертом курсе.

Следующий экзамен — спецтехнология. Здесь я отличился: то ли не отошел от баллистики, то ли сказалась взаимная неприязнь к принимавшему экзамен Мих. Иван. Воронину, отвечал безобразно и попросил поставить двойку, чтобы не портить зачетную книжку. Пересдавал завкафедрой «без сучка и задоринки» — хорошо.

В 1956 г. на фоне «венгерских событий» Седьмой семестр нашего факультета (теперь он назывался — М) забастовал и добился, что курсовой по ПТМ сократили до 1 листа вместо 5, которые выполняли мы.

На весенней сессии мы сдавали «Внутреннюю баллистику», я дождался генерала и получил «отлично».

6.5. Дела учебные

Как-то на лекции по Деталям Машин лектор задал нам вопрос: «Чем отличается техник от инженера?» На наши изощренные ответы последовало:

— Ерунду вы говорите, просто техник мыслит формулами, а инженер понятиями. Для практической работы вполне хватает того, что есть в учебниках для техникумов.

В глубине и мудрости этого посыла я убеждался всю свою жизнь и в практической работе и участвуя в защитах дипломных проектов выпускниками многих вузов страны. В МВТУ им. Баумана готовят, как правило, настоящих *инженеров*, чего не скажешь обо всех вузах страны. Часто на защите дипломного проекта я задавал элементарный вопрос — как определяется напряжение при изгибе? К сожалению достаточно часто отвечающий мучительно пытался вспомнить формулу вместо понятия. Безусловно, правильно принятое во всем мире деление на просто инженеров, советски техников, и дипломированных инженеров.

Примерно 60% конкретно изученных дисциплин мне в дальнейшем не понадобились, но ШКОЛА МВТУ дала возможность достаточно быстро вникнуть в сущность того, что не изучал, но настоятельно требовалось в процессе работы. Подобное произошло и со многими моими коллегами по учебе, да и с собственным сыном. Хотя о некоторых предметах хочется вспомнить.

На мой взгляд, общетехнические науки были преподнесены нам безукоризненно. Специальные предметы — по-разному. О Баллистике упомянул; много времени и сил отдавалось расчету и проектированию артиллерийских стволов, но крайне мало — другим конструктивным элементам системы, что почувствовалось уже при дипломном проектировании. Спецтехнологии нам читал зав кафедры, Заслуженный деятель науки и техники профессор Э.А. Сатель, большой специалист, лекции читал нудно и не очень доступно.

Были и казусы, например, «политэкономия социализма», наука которой просто не было в действительности. С ее помощью пытались «научно обосновать и подтвердить» практику далеко не

лучшего и не оптимального ведения экономики страны. На одном семинаре молоденькая преподавательница, обосновывая тезис об отсутствии при социализме старения оборудования, сказала — «Если станок состарился, его передают в МТС или в МТМ». Я попытался оспорить это, вспоминая муки отца во время войны. В перерыве она подозвала меня и тихо сказала: «Я прошу вас больше на эту тему не распространяться. Вы — не глупец и должны это понять». Я понял. В те времена запросто можно было схлопотать «антисоветскую агитацию» за подобные высказывания.

Абсолютно пустым был курс «организация производства». Нам не дали «газодинамику», а мне очень ее не хватало, также глупого «курса о теоретических основах автоматики», хотя что-то погоднее в общих чертах излагали в «автоматическом оружии».

6.6. Производственные практики

За время учебы мы ни одного раза не проходили практику в пределах Москвы. География поездок — обширная: Ижевск, Нижний Тагил, Свердловск (или Юрга в Кемеровской обл.), Сталинград (преддипломная, по выбору). Таким образом, мы знакомились с различными производствами, различным оборудованием, со спецификой техпроцессов выработки схожих деталей, с особенностями правил ведения конструкторской и технологической документации и организации производства. Мы гораздо шире узнали жизнь страны вне Москвы, в разных местах люди жили далеко не одинаково, по-разному.

Лето 1951 г. Билеты в Ижевск достали только с пересадкой в Казани, где пробыли часов 15. Выехав из сытой Москвы, не запаслись продуктами, а во всех магазинах Казани продавали только зеленый горошек, крабовые консервы и сыр (через 15 лет именно эти продукты стали дефицитом, недоступными для большинства жителей). Хлеб нашли с трудом. Забрели в Университет. Там шел ремонт, один из преподавателей, узнав, что мы из Москвы, очень радушно провел нас в Ленинскую комнату, где собрано все, что связано с пребыванием и учебой Александра и Владимира Ульяновых.

В Ижевске весь курс поселили в детском саду в центре города. Огромный комбинат находился невдалеке над большим прудом-озером. Тогда в нем еще можно было купаться. Продукция Ижмаша была весьма разнообразной: стрелковое оружие, мотоциклы, станки, металлургические изделия и многое другое. У меня как старосты группы не сложились отношения с руководителем практик, и по ее итогам он закатил мне тройку. Я посмеялся.

Дурак я был самодовольный и гордый. Ведь десятки раз мог эту оценку пересдать, но... эта тройка лишила меня «диплома с отличием» — красного диплома МВТУ. Так была наказана моя недалекость.

В августе 1952 г. — практика на «Полигоне сельхозтехники». Это название маскировало полигон, на котором проводили систематические испытания всех боеприпасов, выпускаемых для Советской армии. Естественно, что здесь же находились и все виды оружия от пистолетов до реактивных установок. Полигон занимает обширную площадь южнее Нижнего Тагила около железнодорожной станции Руш; здесь и сейчас проводятся ежегодные показы российского оружия. В декабре 2005 г., попав в гости к израильскому генералу Моти Пазу, я с интересом просмотрел сделанный им видео фильм об этом показе. Его особенно заинтересовали новейшие танки.

Из впечатлений той поры остановлюсь на двух:

— залп из установки «Катюша». Ушираздирающие звуки и скрежет, веерный разлет ракет озадачил. Это стрельба по площади, а не по цели. Вспомнились рассказы фронтовиков, как «Катюши» лупили по своим»;

— выстрел из 76-мм пушки ЗИС-3 по броневому щиту толщиной, кажется, 30мм под углом 30° с расстояния 100 м. Мы зашли в большой блиндаж, счастливики уселись у перископов. Тревожная серена, объявление по радио, выстрел. Мы к выходу... «Стоять!!!»

Оказывается, недавно произошел затяжной выстрел, молодой лейтенант выскочил посмотреть и его насмерть поразили осколки от бронещита.

Мы посетили Нижнетагильский металлургический комбинат, где ознакомились с полным циклом выработки стали: доменные печи, мартены или бессемеровские печи и прокатные станы разного назначения. Некоторые станы очень длинные, кажется, до 1 км.

Неописуемо красочны зрелища разлива чугуна и стали, работа доменщиков и сталеваров.

Это надо видеть!

А на Вагоностроительный завод попасть не удалось. Это и по сей день крупнейший в мире производитель танков.

О нижнетагильской практике остались самые приятные впечатления, к тому же рядом с полигоном был санаторий «Руш»..., да и погода — на редкость теплая.

Обратно возвращались с пересадкой в Свердловске. Днем решили отметить конец практики в центральном ресторане, но большинство из нас туда не пустили из-за шаровар на парнях и отсутствия чулок у девушек.

В конце июня 1953 г. выехали на вторую производственную практику, половина группы на артиллерийский завод в г. Юрга, остальные (и я) в Свердловск на «девятку».

Накануне отъезда я провожал девушку от метро «Динамо». Вдоль улицы, параллельной Ленинградскому шоссе, стояла танковая колонна. Я спросил у стоявшего рядом с танком офицера — «Опять к параду готовитесь?» Мат и его тональность отсекали желание продолжить разговор и задерживаться рядом. В поезде узнали об аресте Берия.

После ижевской бескормицы в Свердловск собирались основательно. Каждая «корпорация» запаслась продуктами. В нашу входили: В. Щипачев, Борис Дудко, Гена Комаров, Коля Даутов, я и, кажется, А. Нефедов. Везли сухую колбасу, сахар, пакетики «какао с молоком», рыбные консервы, консервы «Куриное филе в собственном жиле» (купил Щипа) и т.п. Зайдя в гастроном, обомлели — все, как в Москве.

Завод № 9 находился внутри завода Уралмаш. О нем — ниже. В рамках СНТО мы со Щипачевым попытались изготовить и внедрить какую-то приставку к токарному станку, работающую на электроискровом принципе. К предложению отнеслись доброжелательно и дали в помощники пожилого рабочего. Мы сделали чертеж кронштейна из листа 10 мм.

— Ребята! Не многовато ли?

— В самый раз.

Когда он принес сваренный кронштейн из листа 1,5 мм, мы устыдились — прочный и поднять не трудно. Чтобы отладить и запустить в работу новинку нам не хватило ни времени, ни, главное, знаний и опыта. За то, с каким тактом и добродушием общался с нами старый работяга!

На заводе я впервые попробовал проводить беседы с рабочими на международные темы и почувствовал, что меня слушают с интересом. Вернулся к этому через 15 лет.

Из нашей компании женат был Н. Даутов. Его жена, телефонистка на московском узле, звонила ему через день, щебетала минут по 40. После разговора он шел «крутить любовь» с одной из местных телефонисток, даже нас это коробило.

6.7. Диплом, Сталинград

После 10-й, последней экзаменационной сессии встал вопрос о выборе места преддипломной практики. Я, Н. Романов и Борис Дудко выбрали Сталинград, В. Щипачев и А. Нефедов — Ленинград, хотя там не давали жилья, многие остались в Москве.

Неожиданно меня, Карпова, Игумнова, Нефедова и еще некоторых вызвали в комитет комсомола и очень вежливо попросили отправиться в колхоз для технической помощи. Отказаться не смогли — впереди распределение (для незнающих: указание места работы в ближайшие 3 года).

Выехали две группы в разные колхозы. Мы попали в большое село рядом с древним Новоиерусалимским монастырем. Надо было смонтировать и запустить зерносушильный агрегат, который Обком партии навязал колхозу, о чем с горечью поведал его председатель. Нас поселили в одной избе, обязав хозяйку кормить 3 раза в день продуктами колхоза. Сами приносили из ближайшей фермы ведро молока.

Установку собрали дней за 5, к большому удивлению председателя, но к ней не было подведено электропитание, не привезли еще приводные ремни.

Через 3 дня работы от местной пищи у всех начался страшный понос, кроме «общежитских» — меня и Нефедова. Хозяйка готовила для нас что-то ужасное. В очередной раз я не выдержал. Попробовал щи из прошлогодней свиной солонины с «хорошим» запахом и закричал — «Машка! (мы до этого обращались уважительно — Мария Федоровна) Ты, что... в рот, сука е... .., чем ты нас кормишь?..» Я выложил свой нехилый репертуар русской ненормативной лексики и закончил угрозой, что всю ее стряпню сейчас же зальем и засунем в ее же самые интимные места. Выскочила сноха-москвичка, убрала пойло и поставила кастрюлю с великолепными щами, сковороду мяса с картофелем. Реакция хозяйки: «Вот это по-нашему! А то, Федоровна, Федоровна...»

В Сталинград шестеро из нашей группы плыли из Москвы на теплоходе, я подсел в Куйбышеве, Н.Романов прибыл чуть позднее.

Завод «Баррикады» расположился между Тракторным и металлургическим «Красным Октябрем» вдоль правого берега Волги в северной части города. У каждого завода свой рабочий поселок на запад от Волги. Тогда город раскинулся узкой лентой длиной до 50 км вдоль Волги. Следы минувшего сражения бросались в глаза буквально на каждом шагу: стреляные гильзы разных размеров почти под каждым кустом, братские могилы, постаменты с башней танка Т-34, обозначившие восточную линию фронта. Во многих местах расстояние между линией фронта и обрывом к Волге было менее 50 м. Стояли насмерть!

С путеводителем о Сталинградской битве мы пришли на Мамаев Курган. Бои закончились 11 лет назад, а вся поверхность все еще была так усеяна стабилизаторами от мин, пробитыми касками и осколками, что проведя ладонью по земле, я порезал в кровь

пальцы. В тексте: «за северо-восточный склон кургана зацепились две дивизии...» Осмотрев гладкий безлесный склон шириной метров 400 и глубиной — 250 м, мы ужаснулись — за что здесь можно было зацепиться? А выше — бетонные водонапорные башни с амбразурами, там были немцы.

Я неоднократно в последующие годы посещал Мемориал на Мамаевом Кургане, воздвигнутый по проекту Вучетича, и каждый раз убеждаюсь, что лучшим памятником было бы оставить все, как есть, и закрыть стеклянным колпаком от ветров и осадков.

В СКБ-172 (спец. конструкторское бюро) встретили нас очень радушно. Главный конструктор Георгий Иванович Сергеев предложил выполнить «реальные проекты» с оплатой за работу по 600 руб. в месяц. Сказка! Мы с радостью согласились. Естественно, что он хотел закрепить всю нашу восьмерку у себя, в Сталинграде. МВТУ категорически отказалось от его предложения провести защиту дипломных проектов здесь же.

Конечно «реальность» наших проектов была липовая, но работали мы на совесть с утра до позднего вечера непосредственно в отделах СКБ, чем заслужили внимание и уважение коллектива. Я «делал» 210-мм корпусную пушку. Проект состоял из 24 листов формата А1 и пояснительной записки, более чем на 300 листов, по норме хватило бы и половины.

Завод «Баррикады» создавался для производства морских башенных орудий. В цехах стояли уникальные по длине станки для расточки и нарезки многометровых стволов корабельной артиллерии. При нас они бездействовали, завод производил орудия береговой обороны и крупногабаритные пушки для армии.

Решающим для нас оказался один вечер в конце ноября 1954 г. В КБ за досками остались я и Виктор Коробов, в этот вечер проходило отчетно-перевыборное партсобрание и в перерыве в зал вошли Главный инженер завода Жихарев (будущий председатель Облсовнархоза), Г. Сергеев и парторг Пассажилов (мой консультант). Нас не заметили и продолжили разговор. Жихарев был резок в оценках работы конструкторов, назвав новые разработки «полковыми проектами» (на полку) и сообщил, что в новом году завод будет осваивать и начнет выпуск новой пушки Петрова из свердловского ОКБ-9. «Они загрузили своими разработками практически все артиллерийские заводы Союза, а ведь по численности и по занимаемой площади они меньше вас. Правда? Вы же там бывали? — Да, это так».

В декабре нас вызвали на распределение в Москву. По приезду узнали, что почти всех уже распределили, в основном в новые (для нас) московские НИИ и КБ, нам оставлена периферия.

«На Вас пришли заявки из сталинградского СКБ-172 и свердловского ОКБ-9. Ваше мнение? — Я согласен на работу в Свердловске, но только с условием, что мне предоставят комнату». Кузнецов и Горячев (они, конечно, остались в Училище и представляли парт бюро) начали возмущаться, их достаточно твердо оборвал декан факультета, профессор Прокофьев: «Запишите — направить на работу в ОКБ-9 с предоставлением комнаты...»

Сюда же попали Виктор Коробов, Борис Дудко и В.Щипачев. Щипа писал диплом в Ленинграде, его папа отказался от хлопот, связанных с распределением женатого сына, а Андрей Кузнецов его не любил за принципиальность и пассивность в «мероприятиях». Удивило то, что ни один из восьми «сталинградцев» туда не распределился. Может быть напрасно. СКБ на «Баррикадах» стало базовым по разработке средств транспортировки и установки ракет, и там карьера была бы гарантирована.

В первой декаде февраля мы завершили свои проекты, подписали и сдали в первый отдел для отправки секретной почтой и вернулись в столицу. Каждый день я ходил на «защиты» и в «дипломку», чтобы помочь нуждающимся. Работа над дипломным проектом дала мне не мало. Гена Комаров «мучился» с ходовой частью, у меня она получилась быстро с рессорной подвеской. Щипа защищался раньше меня. Его проект со спецчастью — охлаждение ствола скорострельного зенитного морского орудия; — был настолько глубок и самобытен, что комиссия рекомендовала продолжить эту работу как аспирантскую. Члены комиссии были в основном большими спецами в артиллерии, но их предложение проигнорировали кузнецовы и горячевы.

Спецпочта с нашими проектами пришла через две недели, и 26 февраля настал мой черед. Был спокоен и сосредоточен. На ехидный вопрос «друга» Воронина — «А почему у вас на рабочих чертежах допуски размеров буквенные и в числах? Смесь французского с нижегородским», — осадил его, как ребенка: «Потому, Михаил Иванович, что на наших заводах принято ставить буквенные допуски только на размерах из стандартного ряда чисел, на них есть готовые мерители...». Для него, ежегодно возившему практикантов на «наши заводы», — это было, как нож в спину. Такое нигде не записанное правило, действительно, существовало.

После меня защищал диплом Борис Дубровин, сын Министра просвещения — женщины.

Двойка! Такое, возможно было только в МВТУ им. Баумана. Говорили, что ему не повезло с предшественником.

В начале марта уехал из Москвы, терзая себя за не пересданную тройку и, главное, что не зацепился за Москву — не женился на москвичке. Было...

Вместо положенного месяца отдыхал в Куйбышеве два и после майских праздников выехал в Свердловск.

7. СВЕРДЛОВСК

7.1. Год первый

Первым со мной беседовал директор завода № 9 Белов, он основательно давил на меня, убеждая пойти в производство, суля при этом стремительную карьеру. Я отстоял свое право работать в ОКБ-9. В процессе оформления был обязателен инструктаж по технике безопасности на Уралмаше. Инструктор был шутник, он так и сыпал примерами последствий нарушения правил, заключая их словами: «Ему повезло — труп его опознали», «Ему повезло — ногу его нашли» и т.п.

В первый же день мне дали комнату в новом двухэтажном молодежном общежитии. Здесь уже обосновался В. Коробов, вскоре через стену — и Б. Дудко с женой Ритой. На второй день свердловской жизни мы «обмыли» первую премию Виктора. Утром встали полуживые.

Положили мне оклад 980 руб. за насыщенное оценками «отлично» приложение к диплому, у коллег — 950.

Пока оформляли «вторую форму секретности», работал в «валовом бюро» — отделе, который вел серийные (вал) системы, выпускаемые заводом. Возглавлял его Иосиф Францевич Подыасек, поляк, бывший царский офицер, примкнувший к Красной Армии. Он чудом избежал расстрела в 37 г. и был реабилитирован. Был отменным знатоком артиллерии, так же, как и русского мата, который гремел через фанерную перегородку его кабинета.

Я попал под начало суетливого и доброго еврея, Бориса Свердлова. Он по совместительству был главным редактором заводской многотиражки «Свердловец»(?). Я переиздавал на «литер А» чертежи прицела одной из танковых пушек, главной же «мозолью» валового отдела была самодвижущая 85-мм пушка СД-44.

Лафет орудия связали с мотором от мотоцикла «Урал», во время боя пушка могла менять свою позицию без тягача. Главным исполнителем этого замысла был молодой парень Валерий Ива-

нов, который так и не дождался обещанной должности «старший инженер-конструктор». Такие пушки изготавливались тысячами, но со временем как-то потерялись из вида.

В 1955 г. на завод и в ОКБ-9 прибыло много молодых специалистов из МВТУ, Ленинградского военмеха, военно-механических техникумов Перми, Сталинграда и Ленинграда. Не было только выпускников из Свердловска, Главный их не уважал.

Главный конструктор ОКБ-9 Федор Федорович Петров (ФФ) — личность яркая и неоднозначная. Родился в 1902 г., умер в 1978, мой отец — полный его ровесник. ФФ окончил МВТУ и работал на старейшем артиллерийском заводе — Мотовилихе в г. Перми. Там возглавил разработку 122-мм гаубицы М-38. Ее можно назвать «автоматом Калашникова артиллерии», по простоте, надежности и долгожительству ей не было равных в мире, стояла на вооружении до начала 90-х, до этого же времени изготавливалась в Китае и Польше.

Петров отменил «классическое правило — у гаубицы должны быть деревянные колеса», сделав их стальными, и в дальнейшем остро чувствовал потребность нового и передового в артиллерии, того, что требовала жизнь и армия.

В конце 1939 г. ФФ вместе со своей группой конструкторов был направлен на Уралмашзавод и назначен Главным конструктором артиллерийского производства, которое во время войны было выделено в самостоятельный завод № 9. Здесь должны были освоить и наладить серийный выпуск пушек М38.

Встретили чужаков — молотовчан неласково. «Главный извне» — человек язвительный, резкий в оценках и решениях, далекий от интеллигентской вежливости, умеющий « навскидку» дать достаточно правильную оценку работнику, прекрасно владеющий характерными для той поры методами общения с подчиненными, человека, который, не задумываясь «сдаст» НКВД (МГБ) работника, — не мог стать предметом любви и обожания.

ФФ Петров — генерал-лейтенант, лауреат четырех Сталинских и Ленинской премий, дважды Герой Соц. Труда, доктор т.н. и т.д. и т.п., был одним из очень немногих главных конструкторов, кто не сидел в тюрьме и не находился под следствием. Позднее, когда я стал достаточно часто с ним общаться, он часто рассказывал о прошлых годах. Очень жаль, что не хватило мне смелости дома записывать эти рассказы, особенно фамилии. Привожу то, что хорошо запомнил, от его имени.

7.1.1. Рассказ ФФ Петрова

Это сейчас, ты ошибся, нанес ущерб государству, выслушал от меня упреки, — и спокойненько разошлись. (Речь шла о неудач-

ном испытании одного моего новшества, когда я после трехдневных упреков, сорвался и резко потребовал либо вычесть с меня «ущерб» либо прекратить.) А раньше было не так.

Неудача на заводском полигоне — проанализировали, наметили мероприятия, разошлись по домам. Звонок из Ленина, 17 (здание госбезопасности): «Приезжайте, пожалуйста».

Захожу в кабинет: «Садитесь, курите.... Объясните подробнее, что произошло на полигоне во время испытания...» Я рассказываю и подробно объясняю. Спрашивают: «Вы уверены, что здесь не было злого умысла и вредительства? Вы понимаете, что если это вскроется, то вы становитесь соучастником и понесете соответствующее наказание? Напишите все, что нам рассказали и подпишитесь».

Всю ночь я пишу, объясняя, что произошедшее трудно было предвидеть, и в этом состоит процесс доводки и освоения и т.п., а сам думаю, что если прижмут такого-то или такого, и они скажут иначе — мне будет плохо. Под утро мы вежливо прощаемся «до новой встречи...», я после бессонной ночи еду на работу.

Конечно, ФФ не рекламировал, скольким людям он сломал жизнь. Рассказывали, как в начале 50-х одного молодого конструктора-москвича вызвали в кабинет к Главному. Он ушел, пиджак остался на стуле. Через 40 минут в зал вошли трое в штатском, обыскали его стол, взяли какие-то бумаги, пиджак... больше его не видели. И это был не единичный случай.

ФФ был очень демократичен и обладал редким для властных людей качеством — умел внимательно слушать и не придавать каждому своему слову значение абсолютной истины.

Широко распространенное в верхах правило — «пусть похуже, но по-моему» — не было ему присуще. В его кабинет можно было войти достаточно свободно. Многие годы не было даже приемной комнаты для секретаря, а функции секретаря исполняла начальник группы копировщиц, ее главная обязанность заключалась в информации обо всех нюансах жизни коллектива.

Кстати, тогда каждый чертеж копировался тушью на кальку вручную, все подписи наносились на кальку и исправления в процессе согласования тоже. «Скоблить» кальку приходилось постоянно.

То, что пишу о прошлом ОКБ-9, основано помимо рассказов Петрова на рассказах ветеранов КБ, я их всех упомяну.

На Уралмаше осваивали М38 тяжело и неохотно, сваливая все трудности на плохую конструкцию, всячески пытаюсь «выдавить ФФ с завода». Перелом произошел после приезда на завод моло-

дого секретаря ЦК ВКП (б) Георгия Маленкова, который провозгласил «абсолютное доверие и непогрешимость решений Главного Конструктора».

Как я думаю, после XVIII съезда партии и последующей за ним XVIII (и последней) партконференции, зафиксировавших полный провал планов в оборонных отраслях, связанный с репрессиями и страхом быть обвиненным во вредительстве, охватившем техническую интеллигенцию, были сделаны определенные выводы.

Тем не менее, до 22 июня 41 г. выпуск гаубиц исчислялся штуками. За июнь 41-го было выпущено аж... 9 штук.

В начале июля на завод пришла телеграмма, примерно такого содержания:

*Директору завода, Секретарю парткома,
Райинженеру (руководителю военной приемки)*

Требую обеспечить выпуск гаубиц М38 в следующих количествах: июль — 16, август — 50, сентябрь — 100 штук с последующим наращиванием. Уверен, что коллектив завода с честью выполнит поставленное Родиной задание.

В случае невыполнения вы будете расстреляны.

И. Сталин

Эту телеграмму, кроме последней фразы, зачитали на собраниях во всех цехах и отделах. Военпреды прекратили мелкие придирки (в них был главный тормоз) и пушки пошли на фронт. За годы войны их изготовили свыше 100 тысяч штук. Для экономии времени после малых заводских испытаний (МКИ) загрунтованные орудия грузили на платформы, и бригада женщин-маляров красила их по дороге до станции Сызрань на правом берегу Волги, от нее возвращались на Урал. И так всю войну.

В годы войны зам. наркома оборонной промышленности Д. Устинов по приезду в Свердловск, всегда останавливался на квартире у ФФ. Это был обдуманый жест максимальной поддержки Главного Конструктора в его постоянном единоборстве с руководством завода. Как-то за ужином ФФ обратился к Устинову с предложением поставить на лафет 122-мм самоходной установки (изготавливал Уралмашзавод) качающуюся часть 154-мм корпусной пушки (делали на Мотовилихе). «Мы прикинули — минимум доработок, зато огневая мощь и дальность на много возрастут». В ответ мат и «...категорически запрещаю даже заикаться на эту тему. Хватит изменений! Завод только-только начал нормально работать».

Через месяц-другой ночной звонок разбудил ФФ, звонил Устинов.

— Как у тебя идут дела с чертежами на установку 154-мм ствола на СУ-122?

— Дмитрий Федорович! Вы же запретили...

— (мат)... чтобы через месяц был изготовлен опытный образец! Товарищ Сталин приказал! На завод соответствующие указания уже посланы...

Оказывается, поздним вечером Устинов докладывал Сталину о состоянии дел в своем хозяйстве. Все было в норме, как вдруг Сталин спросил: «А что новенького есть у наших конструкторов-артиллеристов?». Устинов оторопел и единственное, что знал, было предложение Петрова. Сталин мгновенно оценил его доступность и эффективность: «Когда будет изготовлен и испытан опытный образец? — Думаю, через месяц. — Отлично, через месяц мне доложите».

Назавтра, всех причастных к этой работе конструкторов и технологов перевели на казарменное положение. В КБ поставили койки, кормили на заводе. Технологи делали упрощенный РЧЗ (рабочий чертеж заготовки) по примерному наброску контура детали и сразу оформляли изготовление, а также «с доски» писали техпроцесс... Через полтора месяца модернизированная самоходка успешно прошла испытания.

Хотелось бы отметить, что широкое внедрение в серию совершенно новых образцов вооружения в течение войны выявило превосходство советской экономики. В гитлеровской Германии промышленность блокировала все попытки внедрить новое. По пальцам можно перечислить то новое, что там было внедрено в серию: танк «Тигр», самоходки «Пантера» и «Фердинанд» (все без сварки корпуса), ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2. Истребитель Ме-109 — довоенная разработка.

В основном все, о чем я сейчас пишу, рассказывали мне ФФ и В. Рыженко, непосредственный участник сказанного. Интересен его рассказ о «Катюшах».

Реактивные снаряды «Катюша» изготавливались на многих заводах. Конструкция проста — собственно снаряд и реактивный двигатель на твердом топливе (порохе). Двигатель — это стальной цилиндр, спереди крышка, сзади сопло. Весь секрет заключался в медленно горящем пороховом составе на нитроглицериновой основе. Технологию его приготовления СССР вынужден был передать американцам, где наладили изготовление пороховых шашек для «Катюш». В корпус закладывали семь цилиндрических шашек, имеющих центральный полый канал, они упирались в донную решетку.

Выпуск реактивных двигателей ограничивался возможностями Первоуральского трубного завода, т.к. корпус делался из трубы. Очень трудоемкой была решетка, которую выфрезеровывали из кованого диска, при этом 90% металла шло в стружку. Этой работой занимались два цеха Уралмаша. Фронт требовал снарядов.

К конструкторам ОКБ-9 с просьбой о помощи обратился обком партии. Группу из 3-х конструкторов во главе с Рыженко «озадачил» сам первый секретарь, впоследствии видный партдеятель (фамилию боюсь исказить).

Думали недолго: корпус сварить из листовой стали, а решетку также сварить из прутков прямоугольного сечения. Сваркой руководил академик Патон, «главный сварщик страны», не вышедший с завода из-за массы возникающих проблем при сварке корпусных частей танков и самоходных орудий. Стальной лист сворачивали в цилиндр на вальцевом станке и варили вручную продольный шов.

Изготовили опытную партию и вызвали Главного Конструктора. Им считался Костиков, настоящих создателей этого оружия, — евреев, расстреляли как вредителей.

Костиков вошел в конструкторский зал, не раздеваясь, в генеральском полушубке в сопровождении двух автоматчиков охраны. Просмотрев чертежи, вынес решение — «Не годится, потому что при сварке корпуса поведет, и они станут кривыми...», несмотря на представленные расчеты и заключение Патона, что поводка при сварке не выйдет за пределы допускаемых по чертежу отклонений. После тяжелого разговора с упоминанием потребностей фронта, он согласился провести сравнительные огневые испытания. На заводском стрельбище поставили две установки, заряженные соответственно серийными и опытными снарядами. Залп... один снаряд из каждой установки полетел в сторону. В целом результаты рассеивания были абсолютно одинаковы.

Костиков написал отрицательное заключение и уехал. Первый секретарь поблагодарил конструкторов за работу, открыл тумбочку письменного стола, наполненную пачками папирос, и вручил каждому по коробке «Казбека».

Речь шла о реактивных снарядах М-8 (80 мм), через год на завод пришли чертежи на М-13 (130 мм) со сварными корпусами и решетками. Костиков, как мне позднее сказали в пороховом институте, умер в тюрьме в 1948 г.

Хочу рассказать еще о двух эпизодах из жизни ОКБ-9 до моего поступления.

7.1.2 Создатель пушки Д — 44 (рассказ М.М. Марягиной)

Автором проекта дивизионной 85-мм пушки был работник ОКБ-9 Уткин, он сделал компоновку, руководил разработкой чертежей и лично сопровождал производство. ФФ этот проект не нравился и, если бы — не прямая поддержка обкома партии, он бы его закрыл.

Изготовили опытный образец, отстреляли, Военные были в восторге. Приступили к БКИ (большим контрольным испытаниям), включающим транспортировку по полевым дорогам. Уткин не покидал свое детище и во время перевозок сидел на открытом передке. Передок — двухколесная тележка, к которой спереди соединяли упряжку лошадей, а сзади — пушку.

На ухабистой булыжной дороге передок трянуло, Уткин выпал и ударился головой о камень. Мгновенная смерть... Пушку приняли на вооружение, разработчиков представили на Сталинскую премию. Весть о том, что в списке нет Уткина, всколыхнула коллектив. Собрали открытое партсобрание с отчетом Петрова и потребовали заменить в списке КаSTRUлина (зам главного) на Уткина, т.к. КаSTRUлин никакого отношения к этому проекту не имел. Откорректированное представление ушло в Министерство. Когда опубликовали Постановление о премиях, Уткина в списке не было — был КаSTRUлин... ФФ клялся, что он в этом не замешан, но никто ему не поверил.

К сожалению, я не помню имени Уткина. Сколько таких талантливых, самоотверженных фамилий безвестно погребено в анналах истории советской военной техники! Да и невоенной тоже...

Мария Михайловна Марягина (благословенна ее память!) среди разнообразия женщин ОКБ выделялась. Мать пятерых детей, жена главного механика завода Уралмаш, она по праву считалась лучшим конструктором сложных литых корпусных деталей и в то же время была своеобразным мостиком между женской и мужской половинами коллектива. Через нее проходили анекдоты достаточно фривольного текста. Она обожала разговоры о сексе и не скрывала этого, опередив время на многие годы, а вот умерла рано. Гипертония.

7.1.3. Стабилизация и продувка стволов танковых пушек

Про это ФФ говорил несколько раз.

Только в кинофильмах о войне танки мчатся и стреляют на ходу. Во время войны из танковой пушки можно было выстрелить непрерывно не более трех раз и, конечно, только из стоящего танка.

После выстрела при перезарядке из казенной (задней) части ствола выходило облако отработанного газа, которое травило экипаж. С подобной проблемой еще в начале века столкнулись в морской башенной артиллерии и вынуждены были ввести принудительную продувку ствола сжатым воздухом после выстрела. От попыток сделать подобное в танках отказались во всех странах.

В 1938 г. один морской офицер падал в Главное Артиллерийское Управление (ГАУ) предложение о «самопродувке орудий», на что тогдашний начальник ГАУ начертал — «Сам себя за волосы не вытащишь».

Тысячи танкистов насмерть угорали в танках, в конце войны англичане стали использовать самопродувание в танках.

Чтобы выстрелить из движущегося танка, необходимо стабилизировать положение ствола в пространстве, чтобы он не зависел от колебаний машины. Получив задание на разработку 100-мм танковой пушки Д10ТС со стабилизацией в вертикальной плоскости, ФФ решил установить и устройство самопродувания, схему которого, наверное, позаимствовал у англичан.

При испытании опытного образца пушки система стабилизации входила в режим автоколебаний и работала неудовлетворительно. «Ученые мужи» вынесли вердикт, что виновато устройство самопродувания на стволе, и потребовали снять его. Тут же решением коллегии Миноборонпрома Ф.Ф. Петрову был объявлен выговор «за самоуправство». В КБ искали истинную причину, и дошли до дульного тормоза, который оказался тяжелее расчетного веса на 15 кг. В элементарной ошибке конструктора и оказалась вся загвоздка.

Сталинскую премию за эту пушку Петрову дали, но выговор так и не сняли. В мире сегодня нет танковых пушек без цилиндрического утолщения на стволе — устройстве самопродувания.

Свердловское лето 1955 г. — незабываемое. Оно было на редкость теплым и приятным. Каждое воскресенье профсоюз выделял грузовик, и мы ездили в самые живописные места Урала, расположенные вокруг Свердловска: озера Балтым и Таватуй, Тальков камень и др. Красота несравненная! Складчина с умеренной выпивкой, чистые в помыслах красивые девушки... — все было очень здорово!

В самом начале августа в валовое бюро вошли мальчик и девочка в школьном коричневом платье без передника. Смуглое личико и гладкие черные волосы — Валя Горбачева. Моя судьба! Мы сблизились как-то быстро. С моей мамой, которая была у меня в гостях, она познакомилась раньше, чем со мной, т.к. девушек поселили в нашем общежитии. Валюша жила через две комнаты от моей.

В сентябре приехал Виктор Щипачев. Его жена, Фаня Фишман, училась на пятом курсе мединститута и была беременная. Витя заявлял твердо и последовательно, что жить в Свердловске не будет и при любых обстоятельствах вернется в Москву. Поэтому он попросил меня поселить его в моей комнате, чтобы не связывать себя получением жилья.

Биография Фани необычная. Она, единственная, осталась в живых из расстрелянной семьи и после страшных мытарств попала к партизанам, которые переправили ее за линию фронта. О девочке-еврейке узнал Илья Эренбург, забрал ее и передал на воспитание своей дочери, Ирине.

Виктор прожил у меня до конца апреля 56г. Жили дружно, питались вместе, из-за разницы воспитания и привычек приходилось кое в чем «притираться», особенно Щипе. Он был из аристократов, а я — плебей. Не знаю, что он взял от меня, но я от него многое.

Как правило, ужин готовили сами. Жареная картошка — пять раз в неделю. Часто приоткрывали дверь и следили за проходящими девушками. Завидев Валю, перекрывали ей дорогу и вталкивали в комнату. Отпускали только после данного лично Щипачеву обещания зайти через 5—10 минут, очень хотелось подкормить любимую. У нас всегда был коньяк типа КВ или КС, я бы «ни в жисть» дороже «пяти звездочек» не купил.

В январе 56 г. в гости приехала Витина мама, Е.В. Златова. Она была журналистка, специализировалась по Молдавии и своими рассказами за месяц до знаменитого XX съезда партии во многом пошатнула мою веру в правильность внутренней политики.

Она с издевкой рассказывала, как «делали Героя Соц. Труда» из доярки, которой приписывали надои за счет соседок, а недостачу восполняли бараньим молоком.

Примерно так она повествовала о посещении Дворца Пионеров в Кишиневе:

«Прекрасное здание. Встретила директриса, конечно, жена полковника, провела по всем кабинетам и секциям, потом зашли в ее кабинет. Я спрашиваю:

— Ведь Ваш дворец центральный, республиканский?

— Да, конечно.

— А почему я не встретила ни одного ребенка молдаванина?

— Понимаете, это и нас волнует. Почему-то не задерживаются, хотя мы постоянно приглашаем...

— Ни в одном месте я не увидела ни одной надписи, ни одного плаката, ни одной стенгазеты на молдавском языке. Почему?

— А ЗАЧЕМ!?! — искренне воскликнула она».

Елена Викторовна очень мягко и ненавязчиво убеждала взглянуть на многие события по-другому, по-новому. Она призывала идти в партию, которой нужны умные и порядочные люди, «только они смогут исправить укоренившиеся недостатки и глупости».

После XX съезда в московской писательской организации, где бразды правления держали матерые сталинисты типа Кочетова, группа «революционеров» задумала дать бой и сменить верхушку. Забойщиком выступила Елена Златова, но...остальные испугались, вернее «обкакались». На ней отыгрались всласть.

Умерла она рано в середине 60-х. Позднее Виктор рассказал, что она еврейка, девичья фамилия Вайнштейн. Меня всегда удивляла неприязнь и открытое неприятие Виктором любых проявлений антисемитизма, даже в тех случаях, когда, на мой взгляд, их не было. Характерный для него случай...

Степан Петрович Щипачев неоднократно просил сына нанести визит своему давнему приятелю, возглавлявшему Свердловскую писательскую организацию Маркову (имя его не помню, но они все — сволочи). Я напоминал ему о просьбе отца, и в одну из суббот он поехал в центр города, в гости. Мы с Валюшей приготовили ужин и только начали, есть, как появился мой друг, какой-то «не в себе». Долго я добивался правды. Оказалось, что встретил его «царский стол», и после третьей рюмки хозяина понесло: «евреи, жида проклятые и т.д. и т.п.». Виктор вышел из-за стола... и уехал.

Щипа пил только сухие вина, Нам, выросшим на дешевых портвейнах и прочей гадости, которую в народе называли «Чернила», это было не по уму. Когда из Москвы пришла телеграмма о рождении у него дочери, был объявлен «большой сбор». Стол уставили бутылками водки и портвейна. Ни одной бутылки сухого вина для счастливого отца мы, сволочи, купить не додумались. Он, бедный, только стонал — «я не могу пить крепленное...»

Мне понадобилось еще 5 лет, чтобы понять вкус настоящего вина и его несовместимость с крепленным. Сейчас, попадая в ситуацию, когда невозможно отказаться от рюмки крепленного, глотаю его с отвращением и вспоминаю Витино «не могу я». Поэтому и детей и внуков с малых лет старались мы приучать к сухому вину. Жизнь подтвердила правильность этого «антипедагогического» приема. Тот, кто ощущает букеты сухих вин, — не может стать алкоголиком!

Анекдотический случай. Щипа всегда поджаривал перед варкой гречневую крупу. Мы в общежитии никогда так не делали, тем более что эта крупа была в дефиците. Нам ее привезла Елена Викторовна. Как-то после работы родилась идея — зачем жарить каждый раз? — лучше всю сразу. Сказано — сделано. Высыпали всю

крупы в глубокую алюминиевую сковороду, закрыли крышкой, поставили на электроплитку... и пошли в кино. Вспомнили, только возвращаясь, домой. Прибежали. Около двери стоит вахтерша и принохивается: «Чем-то пахнет?». Включать плитки в комнате категорически запрещалось. «Теть Соня! Там какой-то мужик около вашего стола трется...». Она убежала на первый этаж, и мы вошли в комнату. Стоял «гречневый дух», и надо же мне, дураку, было поднять плотную крышку. Мгновенно комнату заполнила «плотная гарь»... — пришлось открывать окна, а во дворе было -35°C . Спали в тренировочных костюмах и дрожали от холода всю ночь.

7.2. Работа

В конце августа 55-го пришел мой «допуск» и я оказался в опытном КБ. На меня положил глаз нач. отдела прочности Павел Артемович Комиссаров, начальник Вити Коробова. Первое задание — определить по чертежу вес дульного тормоза гаубицы Д30, рабочий проект которой аварийно делала большая часть коллектива.

Три дня я скрупулезно, не отрываясь, считал и определил, что расчетный вес на 1,8 кг больше, заложенного в чертеж. Конструктор был в бешенстве. Начали сравнивать расчеты, оказалось, что он не учитывал скругления, галтели и литейные уклоны. Комиссаров похвалил меня и заметил, что это не танковая пушка такая ошибка не существенна. «Зачем я старался? — Для практики». Я тут же пошел к ФФ и попросил перевести меня в конструкторский отдел. Главный с удовольствием удовлетворил эту просьбу и я попал к Рыженко.

Меня усадили за кульман Марягиной — делать по рабочим чертежам сборочные чертежи 122мм гаубицы Д30. Работали с 8 утра до 7—8 вечера, дежурный записывал тех, кто работал после окончания рабочего дня. Сверхурочная работа была прижившимся правилом. Я достаточно быстро сделал рабочие чертежи в 3 проекциях и теперь, когда вижу по ТВ боевые эпизоды или традиционный выстрел в полдень из Петропавловской крепости, сердце екает в груди — Д30, и мой труд в ней есть.

Затем меня «бросили» в группу ночных прицелов. Приборы ночного видения тогда только входили в строй, и именно на них я впервые непосредственно столкнулся с диаметрально разными подходами военпредов к вопросам внедрения новой техники.

Проверяли новый прицел на заводском стрельбище. Подполковник из Москвы убеждал местного капитана, что проще всего зарубить в колыбели новое направление, что мелкие недоработки будут устранены, но капитан Филатов был неумолим: «Ничего не вижу и точка!», — хотя прицельный крест был виден, не очень чет-

ко как при снегопаде. К сожалению, со временем таких «Филатовых» в военной приемке становилось все больше и больше.

Я «ставил» ночной прицел на 56-мм противотанковую пушку Д56 (до «разоблачения» Лаврентия Берия она называлась ЛБ56). Помогала мне в выпуске рабочих чертежей жена одного из умелых конструкторов, окончившая два института. Дура дуррой! С тех пор человек, хвастающий двумя дипломами, вызывает у меня весьма неприятные эмоции.

Надо сказать, что работать быстро и эффективно в ОКБ-9 умели. Существовала не писаная норма выпуска рабочих чертежей — два листа формата А1 в день. Мы, молодые, старались в нее вписаться, нарабатывая навыки быстрого черчения с минимумом лишних движений. Такой интенсивной работы я не видел ни в одном из многих КБ, где пришлось побывать.

Главной особенностью и силой этого КБ была неразрывная и постоянная связь с производством. Каждый чертеж, каждый эскиз «обсасывался» как серийный. Действовало неукоснительное правило — на каждом чертеже должны быть, как минимум, три подписи: конструктор, технолог и нормоконтролер.

Технолог ОКБ А.И. Работин буквально душу выворачивал вопросами и замечаниями типа: «Почему так сложно? Зачем такой допуск? От этой базы — нетехнологично и т.п.».

Трудно переоценить роль Александра Ивановича в моем (а правильнее — нашем) технологическом образовании. Низкий ему поклон и добрая память!

Не меньше «пил нашу кровь» нормоконтролер Плесский, но внушил стойкое уважение к нормам и стандартам.

И думать не могла моя Валечка, что через десяток лет нормоконтроль станет ее главным делом. Наверное, ОКБ-9 было единственным творческим коллективом, где слова «обслуживание производства» понимались не как унижение, а как глубокое изучение и анализ причин претензий к чертежу и трудностей изготовления детали. Такой подход глубоко запал в мое подсознание и этого же я требовал от своих подчиненных. Как правило, это встречало понимание и уважение со стороны производственников, хотя бывали и эксцессы. Многие мои работники усвоили такой подход, иногда с большим внутренним сопротивлением.

Меня просто бесили такие «доводы», как «чертеж надо выполнять неукоснительно», «слово конструктора — закон» и т.п., а также мелкая возня по вопросам, абсолютно не влияющим на качество, но упрощающим техпроцесс. Но я был тверд, если предложение или отклонение могло снизить качество. «Нет!» — было категорическим, невзирая на лица, об этом впереди.

8. РАКЕТНАЯ ТЕХНИКА

8.1. Начало

В послевоенные годы в СССР сложился определенный круг создателей ракетной техники. Так, ракеты проектировались в ОКБ-1 С.П. Королева, крупные ЖРД — В.П. Глушко, средние — в ОКБ-2 Исаева, малые — в ОКБ-3 Д.Д. Севрука, системы автоматического управления (САУ) — в НИИ академика Пилюгина, зенитные ракеты — П. Грушин, наземное оборудование — академик Бармин.

По мере роста гонки вооружений, увеличилась потребность в новом оружии, удовлетворить которую такому узкому кругу было не по силам. Сначала создавались филиалы при крупных ракетостроительных заводах: Янгель в Днепропетровске (Южмашзавод), Козлов в Самаре (з-д Прогресс), Макеев в Миассе на Урале и др. Со временем все они обрели самостоятельность.

В начале 56 г. ЦК КПСС решил привлечь к ракетной технике артиллеристов, стрелковых оруженцев, минометчиков, авиадвигателей и других оборонных разработчиков. Тематику распределяли «на глазок» или «по благу». Так, ФФ взял на себя разработку тактической управляемой ракеты на дальность 60 км, считая ее самой легкой задачей. Когда же до него дошло, что это, пожалуй, самая трудная тема, т.к. вся траектория полета лежит в атмосфере с ее ветрами, перепадами температуры, плотности, скорости и направления ветров, он схватился за голову — «Что же я, старый дурак (ему еще не было 60-ти), наделал!»

В КБ отобрали группу из 8 молодых и 2 более опытных конструкторов (в ней оказался и я), и 3 мая 56 г. мы отбыли в столицу. Ни один из нас не имел ракетной подготовки, лишь через год начали прибывать выпускники Днепропетровского университета, ЛВМИ, и др., — ракетчики.

В первый приезд мы попали в НИИ-88, который объединял ОКБ-1, -2 и -3. Вернулись через месяц, в голове сумбур, надо за что-то взяться всерьез, навалились на учебники. И тут я попал в необычную ситуацию. Ко мне обратился первый зам главного Кастрюлин (он же и наш шеф) с предложением оформить очередной отпуск и полететь с ним в крымский санаторий по путевке его жены, поскольку ее мать находилась в крайне тяжелом состоянии. Отказаться было трудно, да и не хотелось, мне мгновенно оформили отпуск плюс одну неделю за свой счет. Кастрюлин хотел сразу заполнить путевку на мое имя, но я недалековидно убедил сделать это на месте, в Крыму. Назавтра утром он пришел с виноватым видом и сказал, что жена решила ехать.

— Как быть с отпуском? — спросил я.

— Как хочешь...

Я уехал в Куйбышев, а ФФ рвал и метал. Мать жены зама умерла через 5 дней, дочери на похоронах не было, нашей группе приклеили кличку «похоронная команда». Через 3 недели я был на рабочем месте, что спасло от гнева Главного.

За время отпуска я твердо решил заняться аэродинамикой, «проглотил» учебник, кое-чего нахватался. Но в КБ меня охладил — аэродинамика у Левы Дроздова, ты можешь взять разработку варианта ракеты с ПАДом (пороховым аккумулятором давления), рядом «делали» с ТНА и с прямоточным двигателем, состав группы расширился. Кстати, как-то Л. Дроздов, мой сосед по квартире, признался, что от меня узнал, что кроме C_x есть и C_y и C_z .

Почти год мы «проектировали», вернее малевали, учились, ездили в разные фирмы и пришли к твердому мнению, что ракета должна быть на твердом топливе (порох), что классическая система управления «по кажущейся скорости» — не приемлема, что аэродинамическая компоновка должна быть с крыльями и воздушными рулями и управляться она должна по всей траектории. Мы вошли в тесный контакт с создателями пороховых зарядов, познакомились с конструкциями существовавших тогда мощных пороховых двигателей от ускорителей зенитных ракет до неуправляемых ракет «Луна» на дальность до 30 км (их и сейчас возят на парадах на Кубе, в Китае и в КНДР).

Я «сосредоточился» на двигателе и отвечал за общую компоновку. Виктор Коробов прочно утвердился как расчетчик баллистики и устойчивости, а Борис Дудко остался на СД44, то ли сам не очень рвался, то ли начальник не отпустил. Во второй половине 57-го я возглавил группу из 13—15 человек, зарплата половины из них была значительно выше моей.

8.2. Первые в СССР

После отъезда Щипы мы с Валюшей «на всех парах» двигались навстречу друг другу. В сентябре 56-го она уехала в двухнедельный отпуск, тогда-то я и понял, что без нее не могу. Возвращалась она через Казань ночным поездом в начале октября. В три ночи встретил любимую и повез в общежитие, где шел ремонт во всех комнатах кроме семейных...

13 октября 1956 г. в пятницу после работы мы зашли в ЗАГС и зарегистрировали наш союз, а дома нас ждал обед, приготовленный моим отцом, он был в командировке на Уралмаше. Обед запомнился супом с клюквой.

Свадьбу справили 7 ноября, гостей было много, а из родственников только моя мама и брат Сема, который приехал летом по распределению на Уралмашзавод. Сохранилось несколько свадебных фото — мы молоды, красивы и счастливы.

Между тем, пришло Постановление правительства о повышении зарплаты разработчикам ракетной техники с 1.10.56, но директор завода перенес этот срок на 1.01.57. Мы трое (там были Мазев и я) попытались бороться. Директор обратился в КГБ, обвинив нас во вредительстве. Там его обвинения отвергли, но профсоюзу ему подыграл. Зато с 01.01.57 я стал ведущим инженером, миновал 3, 2 и 1 категории. Мой оклад стал 1400 руб., у Вали — 700.

Она уже ждала ребенка.

Работа отнимала почти все время, с утра до 8—10 час вечера. Мы первыми в стране создали реальный технический проект управляемой ракеты на твердом топливе на дальность 60 км. В нем было заложено много того, что называется «впервые»:

- принципиально новая система управления — «инерциальная», вместо классической, причем не на лампах, а на полупроводниках. Родоначальник отечественных САУ для ракет, академик Пилюгин, отказался от нашего задания, заявив, что оно — неосуществимо. Взались харьковчане-евреи, главный инженер Гинзбург и ведущий конструктор Рубин. К сожалению, Рубин погиб в 1959 г. во время катастрофы на Байконуре, когда при предстартовой проверке днепропетровской ракеты Р18 (Сатана по западному) по ошибке включили двигатель второй ступени. Огненный вал горящего топлива поглотил человек 200 — 300, в том числе и маршала Неделина;

- компоновка ракеты предвосхитила крылатые ракеты. Четыре крыла, хвостовые стабилизаторы с элеронами, газовые рули. Газовые рули и воздушные рули-элероны вращались пневматическими рулевыми машинками, их кинематическая связь обрывалась после окончания работы двигателя;

- боевая часть — голова ракеты весом в 500 кг разрабатывалась в двух вариантах: обычном и атомном. Она мыслилась, как унифицированная для всех тактических ракет;

- двигатель: тонкостенный (сталь 30ХГСА, прочность 120 кг/мм²) с внутренней термоизоляцией;

- пороховой заряд — цилиндрическая шашка с фигурным каналом, покрытая снаружи и по торцам изоляционной «броней»;

- сопловая втулка из силицированного графита с напылением двуокисью алюминия.

Я фактически стал ведущим конструктором этого проекта, т.к. отвечал за компоновку и двигатель. Безусловно, в эту работу вно-

силы большой вклад и работники моей группы: Аркадий Круглов, Борис Спицын и Владимир Голубев, выпускники ЛВМИ. А рядом творили Виктор Тесленко из Днепропетровска (головная часть), Борис Латкин (хвостовой отсек), М.М.Марягина (приборный отсек) и другие.

Всю пневматику: шар-баллон, редуктор, запорный пневмоклапан и рулевые машинки, я «позаимствовал» в чертежах Грушина и КБ-1 во время командировок с помощью знакомых бауманцев. Использование серийных трудоемких узлов на много облегчило работу.

Надо сказать, что в стране социализма информация между разработчиками отсутствовала. Главные прятали друг от друга буквально все, но мы, бауманцы, при встречах обменивались исчерпывающей информацией и этим помогали и себе и ДЕЛУ, экономя мозги, время и деньги.

Виктор Щипачев, а он встал у истоков разработки мощных двигателей на твердом топливе в ОКБ Королева, брал у меня многое и также информировал о новшествах. Произошел один курьезный случай. Щипа еще работал в КБ Грабина (КБ любимца Сталина позднее «съел» Королев) и рассказал о разработке огромной пушки с атомными снарядами и со свободным откатом (19 век), ее стали показывать на парадах позже. Я о ней рассказал ФФ. Реакция была неожиданной: «Я, член коллегии Министерства об этом не знаю, а ты знаешь... Ты еще кому говорил? — Нет, только Вам. — Смотри же...»

Эта информация прочно вошла в его голову, и примерно через год он предложил мне взяться за разработку мощного орудия с активно-реактивным снарядом. Я мягко, но настойчиво отказался, мотивируя необходимостью завершить начатую работу. Старожилы, узнав об этом, сказали, что я поступил опрометчиво. После моего отъезда из Свердловска за эту работу взялся В. Голубев и стал Главным Конструктором. Я не знаю, сделали ли такую пушку, но в 1995 г. Владимира не стало.

Вернемся в лето 1957г. Трудились над техпроектом без выходных, а май-июнь были очень жаркими. Валя фактически была одна, ведь я возвращался с работы поздним вечером. Мы решили, что она уедет в Куйбышев к моим родителям и рожать будет там.

Я написал первый том Пояснительной записки к проекту и позволил себе в ней пофилософствовать. Все подписали, дошел до ФФ. Вечером он довольно едко прокомментировал мое творчество: «...мы люди маленькие, но твердо знаем, что у слона больше...», — но на мое предложение выбросить, сказал: «Оставь, читается хорошо».

30 июня техпроект отправили в Москву, а назавтра я взял отгул и поехал на озеро Шарташ, истосковался по воде. В полдень нашла большая черная туча, гроза, резко похолодало..., лето кончилось.

На заводе начали создавать опытный цех ракетной техники. Чтобы апробировать себя и производство выдали чертежи на модельный двигатель диаметром 180 мм. Когда вручную сварили корпус, он разорвался при гидроиспытании. Шум был большой, зато только это заставило начать осваивать автоматическую сварку под слоем флюса.

Утром 4 августа, в воскресенье, пришла телеграмма — «Поздравляем рождением дочки...». Я стал отцом. В сентябре, возвращаясь из Москвы, заехал на два дня в Куйбышев, где познакомился с дочуркой, маленькой, недоношенной, безволосой, но нашей. Возвращались врознь — я поездом, а мои женщины через два дня самолетом.

Было очень трудно. Купали дочурку ежевечерне, затем в этой же воде стирали пеленки, их сушили на батареях отопления в комнате. А в коридоре почти каждый вечер гремела радиола — танцы. Иногда и мы выходили, а чаще падали от усталости. Назвали Аллочкой.

7 ноября втроем (плюс коляска) поехали на свадьбу сослуживцев, далеко на Эльмаш. Дочка спала на кухне в коляске, но через 2 часа срочно эвакуировались — у Вали 39°. Погуляли.

Декретный и очередной отпуск закончились, Валя должна выходить на работу. Уговорили вахтершу, тетю Сою, нанять наше дитя. К малышке она относилась хорошо, все питание, что мы оставляли, давала в положенные сроки, но в промежутках подсовывала «стаканчик молока с печеньем». Дочь росла и толстела на глазах. Убедить т.Сою ограничить подкормку не могли. Кроме того она почти каждый день собирала у нас в комнате своих внуков и кормила их всем «вкусненьким», что было. Валя работала на нее.

Со стиркой стало легче, когда купили стиральную машину «Рига», а в феврале 58-го, получив огромную премию — 270 руб. — купили круглый стол и холодильник ЗИЛ-2. Последний вызвал бурные дебаты (и осуждение).

— Зачем он вам? И такой большой?

— Мой друг, Щипачев, говорит, что не представляет себе, как можно жить без холодильника, а я не знаю, как — с ним, хочу попробовать. Сидеть на нем не собираюсь, а площадь он занимает такую же, как и маленький «Саратов».

Через полгода самый ярый критик, Вася Мазаев, ахал: «Какой же я был глупец, что не последовал Вашему примеру!» Холодильники стали недоступными. Несколько строк о Василии Николаевиче Мазаеве

Крупный громогласный мужчина 1920 г.р., он выделялся своеобразной логикой и категоричностью, слыл «законником». Не в пример многим конструкторам знал ТУ ГАУ 4000-51, основной свод требований и правил ведения конструкторской документации для «оборонки». Фронтовик, всю войну был писарем и однажды сказал, что ему, писарю, пришлось разработать две боевые операции, на что я среагировал тут же — «Оборону Москвы и взятие Берлина» — хохот был всеобщий. Он страшно боялся летать самолетом и, когда его буквально принудили лететь в командировку на новом ТУ-104, об этом узнало все ОКБ — «...ладно, полечу, но зато Сережка (сын) будет с пособием...». У нас он был замом начальника отдела.

После нескольких пертурбаций начальником отдела у нас стал В.А.Рыженко, Бессменный парторг ОКБ, он делил коллектив на «партийных» и «безпартийных». Первых защищал неистово. Хороший конструктор — артиллерист к ракетной технике относился настороженно, советы и замечания не навязывал. Это он собрал молодых специалистов (без евреев) и прямо предложил, если хотите сделать карьеру, вступайте в партию. Когда я узнал об этом разговоре, дал зарок (опять дурак), что ради карьеры в партию не пойду, хотя мечтал об этом. Большинство участников встречи подали заявления о приеме в партию. Одного из них по моей активной подаче «зарубили» на комсомольском собрании из-за абсолютной аполитичности.

Вернусь к ТУ ГАУ. Еще в первом году работы мне пришлось составить СД (список документов) на пушку Д-56Н. По совету «бывалого» я взял за образец серийное СД. Трудно описать, как меня повозил «носом о стол» Пьянков, начальник отдела танковой артиллерии, к которому я попал. С тех пор я приучил себя читать первоисточники, а не слушать комментарии к ним, и это значительно облегчало работу.

В ноябре 1958 г. мы представляли рабочий проект ракеты Д200 на техсовете минобороны, готовился докладывать Кострулин, но вошедший в зал Заминистра Зверев потребовал, чтобы докладывал ФФ. Зрелище было жалкое, тем не менее проект одобрили. В перерыве меня и Вальтера Лаврентьева (нач. группы порохов, мой постоянный оппонент) пригласил к себе директор НИИ130 Жуков Б. П.

НИИ130 располагалось в пос. Дзержинский в Люберцах, сейчас рядом с московской окружной дорогой. Это — головной пороховой институт, специализировавшийся на ракетных порохах. Они проектировали и изготавливали заряд для нас. После разговора о текущих делах БП стал расспрашивать нас о многих деталях Д200

(где, что, как?) и признался, что хочет делать целиком двигатели или даже ракеты, а для этого ему нужны специалисты. Намек был более чем прозрачен. Ответили, что подумаем.

Соблазн был велик, Москва рядом. Ведущий институт и научная перспектива. У меня истек обязательный трехгодичный срок молодого специалиста, у Вальтера оставался один год. Вернувшись домой, я стал советоваться с женой. Объяснил, что такое предложение может стать единственным вариантом возврата в Москву, где столько родных и друзей, что единственная и главная трудность — полгода прожить порознь, до получения жилья. Почему-то мысль о съеме квартиры (комнаты) даже не рассматривалась. Ответ был категоричным — нет!

Мы с Лаврентьевым договаривались никому о предложении Жукова не говорить, но он проговорился в курилке. Вскоре Игорь Путинцев, сокурсник-бауманец, напросился в командировку и предложил Жукову свои услуги, а также соавторство в разработке варианта «отсечки» — остановка двигателя, которую он выполнял по моему заданию, как плановую. Собственно и цель его командировки состояла в поиске недостающих элементов, о том, что взрывные жгуты выпускаются серийно, мы тогда не знали. Путинцев вскоре стал переманивать к себе наших работников.

С ноября 58 г. я стал начальником сектора с окладом 1800 руб., началась РАБОТА.

Сейчас трудно поверить, с каким трудом внедрялась и осваивалась автоматическая сварка тонколистовой высокопрочной стали! А как «дошли» до эффективной термоизоляции внутренней поверхности стального корпуса! Асбестовая ткань толщиной 5 мм пропитывалась формальдегидной смолой, прижималась к стенкам и полимеризировалась при температуре 150-180⁰С. В качестве сопловой втулки силицированный графит не стоял, пока его не покрыли тонким слоем двуокиси алюминия по технологии НИИАвтоген с помощью газовой или плазменной горелки (шапирование коленвалов!). Труднее всего было с «грушей» — регулятором критического сечения.

Честно говоря, трудно описать, сколько неприятностей мне лично принесла эта «груша» и сколько раз бессонными ночами, находясь уже далеко от Свердловска, я корил себя за проявленную слабость. Внутренний голос твердил — нужно закрыть и термоизолировать ракету, ввести зимний подогрев, — а разум — «это очень дорого!». Я внял разуму. А зря!

Первый щелчок получил сразу. Во избежание прогара центрального стального стержня-направляющей «груши», надел на него графитовую трубку, При первом же испытании стержень

оборвался. Я уже писал, как ФФ три дня подряд после работы приходил и пытал меня за то, что «так бездумно сжег 3 тонны сливочного масла (сливочное масло и порошок были по стоимости равноценны) и...». Кончилось моей истерикой и его рассказом. Но «груша» не стояла. К ее спасению приступили испытатели из отдела Сергея Пуховца. Они рыскали повсюду и находили «надежные» варианты, но они не спасали.

12 апреля 1959 г. ФФ из Москвы затребовал меня, поселил в своем номере гостиницы ЦДСА и объяснил, что «делом груши» занялось Министерство и, если проблему не решим в короткий срок, тему закроют. Я напомнил ему о «молибденовом» варианте, который предлагал раньше — закрыть докритический конус груши и ее критическую часть втулкой из молибденового листа. Тогда в ответ звучало одно — «Ты не понимаешь, что молибден — стратегический дефицитный материал...». В этот раз выслушал спокойно мои аргументы и связал меня с Главным металлургом 1 Главного Управления МОП, армянином, умнейшим и опытнейшим инженером (склеротик я, фамилию не помню). Он работал с Г.Ордженикидзе и как-то уцелел от репрессий 30-х годов.

Вникнув в суть проблемы, он связал меня со специалистами ЦНИИЧерМета и Института Металлургии им Байкова Академии Наук. Первые предложили поставлять круглые болванки диаметром 130 мм, из которых делать диски с последующей раскаткой на токарном станке. Вторые — изготавливать втулки нужной формы методом спекания из порошка, но для этого необходимо было изготовить дорогую и трудоемкую пресформу. Естественно, что на этапе опытного производства первый вариант был предпочтителен.

После достаточно скрупулезной проработки с обоими институтами, ФФ повел меня к начальнику Техуправления МОП Антонову, который по заданию Министра курировал этот вопрос. Я объяснил суть проблемы и высказал предложения. Слушал он очень внимательно и, когда я закончил, спросил — «Вы головой ручаетесь за работоспособность такого решения?». Я несколько опешил и ответил — «Моя голова ничего не стоит, а вот Федору Федоровичу приходится отвечать за все». Удовлетворенно хмыкнув, Антонов тут же позвонил директору НИИ-13 (технологии) и предложил сделать все возможное для отработки требуемой технологии.

Короче, в конце мая молибденовая «груша» успешно прошла огневые испытания.

Вечером в гостинице ФФ сказал: «Ты хорошо ответил Антонову, а то до тебя, этот сопляк Савельев (испытатель), не задумываясь, ответил — да, отвечаю».

Общаясь с названными металлургическими институтами, я столкнулся с очередным типично советским идиотизмом. Между ними (один ведомственный, другой академический) шла жесткая конкуренция и вражда, но оба института возглавлял один и тот же академик. Мне продемонстрировали несколько достаточно резких писем, адресованных самому себе.

Вообще ведомственная неприязнь была характерна, и с ней сталкивался я на всех этапах, где бы ни побывал, даже в Кремле.

Летом 1959 г. к нам прибыла ведомственная комиссия «для проверки», а фактически для ознакомления с нашими работами. В ее составе кроме министерских чиновников находились зам Королева Игорь Николаевич Садовский, Главный Конструктор НИИ-1 («Луна») и другие конструкторы из «старых» ракетных КБ. Они до тошно изучали чертежи и схемы. После нас направились в Пермь, к Цирульникову. ФФ согласовал включение меня в состав комиссии. Меня там знали, тем более что здесь работал Коля Романов, их настороженность по отношению к «шпиону» ощущалась, но показали все. Мнение у всех было одинаково: у Петрова делают опытные образцы, а Цирульников еще выбирает окончательный вариант.

Вначале 1960 г. Н.С.Хрущев в рамках компании по сокращению армии подписал Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о закрытии ряда тем. В их число один из генералов свиты вписал и нашу «Онегу». 15 высших офицеров ГРАУ (Главное ракетно-артиллерийское Управление) направили письмо-протест в ЦК. Письмо, адресованное лично Хрущеву, с обоснованием необходимости продолжения работ написал и я. ФФ его оценил хорошо и слегка отредактировал. Когда несколько месяцев спустя, я поинтересовался судьбой письма, он с досадой ответил: «Ты думаешь, что эти письма дошли до Хрущева? Хрен тебе! Они лежат в чемодане у Сербина...»

Сербин был многолетним заведующим отделом ракетной техники ЦК. Он дал указание о продолжении работ, включая летные испытания, но без огласки.

В мае 1960 г. наша экспедиция «высадилась» на первом советском ракетном полигоне Капустин Яр в 100 км от Волгограда в Астраханской области. Здесь испытывались многие ракетные системы, начиная с Р-1, содранной с немецкой ФАУ-2, тактические, метеорологические, зенитные и т.д. Невдалеке во Владимировке располагались авиаторы. Здесь летом 1962 г. я наблюдал запуск из шахты днепропетровской ракеты со спутником «Космос 3».

Подготовка к пуску шла очень трудно. Неприятности подстерегали повсеместно. Вышла из строя рулевая машинка. Слесарь-виртуоз сумел к ней добраться, стоя спиной к люку. Не нашли ни-

велир для выставки ее нулевого положения, прислали солдата — теодолитчика для этой работы, оказалось, что он не умеет работать с теодолитом. Пока мы с ним разбирались, наблюдавший за нами вместе с главным инженером Первого ГУ Хворостинным Кострулин начал активно критиковать нас за медлительность. Я не выдержал и громко послал их к... Они удалились, мы выполнили работу.

Вскоре мы с Хворостинным подались в столицу. Нас довезли на волгоградский аэропорт, и оказалось, что билетов нет. Он, очевидно, забыл, когда в последний раз сам доставал билеты, и растерялся. Пришлось мне с его удостоверением добраться до начальника смены, который на ближайший самолет, винтовой ИЛ-14, дал ему место в салоне, а мне в багажнике до Воронежа. Пока сидели в порту, Евгений Александрович рассказывал о своей работе у Грабина в годы войны и после. Поучительные истории. Я их помню, но пока воздержусь...

В Москве, в НИИ Автоген я встретил Шипу, и он меня спас, т.к. к тому времени я от зубной боли чуть не терял сознание. Он отвез меня на ВДНХ в поликлинику, к дяде Яше. Когда мне вырвали зуб, и вылился поток гноя, врач удивленно воскликнул — «ведь Свердловск — большой город!». Как мне было ему объяснить, что дело не в Свердловске, а во мне. Еще в марте мне рассверлили четыре больных зуба и назначили дату пломбирования, но я не пришел... Они ломались один за другим.

Больше всего было отказов в приборах САУ. Качество проводников было ниже всякой критики.

Ранней осенью 1960 г. на полигоне состоялась операция «Клен». Невдалеке от нашего МИКа (монтажно-испытательного корпуса) выставили все новые образцы наземного оружия для демонстрации в боевых условиях Хрущеву и его окружению. Военные хотели показать и нашу «Онегу», но царедворцы из ЦК заставили ее убрать. ФФ был представлен новой танковой пушкой Д-125Т2С, выдвинутой на Ленинскую премию. Стрелять из нее должны были по тяжелому танку. Накануне провели проверку — ОК! При показе ни один снаряд не попал в цель, Хрущев аж приседал от досады при каждом выстреле. Прощай премия! В чем причина, разобрались быстро. Вечером перед показом к наводчику подошел полковник из Генштаба, стал убеждать в необходимости идеальной стрельбы и поинтересовался, есть ли что-либо, усложняющее прицеливание. Тот ответил, что это — пуленепробиваемое стекло в смотровой щели танка. «Умник» предложил снять стекло. А ведь пристреляли с ним!

7 ноября 1960 г. был осуществлен успешный запуск первой управляемой советской ракеты на твердом топливе на дальность

60 км. Она упала примерно на 200 м от «столба» при заданной точности +/- 500 м. Мы торжествовали, но обещанной большой премии не дождались. Тема-то закрыта, а идти к Хрущеву никто не решился. Поскольку была также закрыта пермская «Ладога» на дальность 120 км, МАП и ГРАУ предложили ФФ взять на себя эту разработку под другим названием. Так появился «Байкал».

8.3. МР-12, Д-220 «Байкал», сын.

До этого весной Центральная аэрологическая обсерватория (ЦАО) предложила нам сделать метеорологическую ракету на высоту свыше 180 км. При активной помощи Виктора Тесленко удалось убедить ФФ взяться за эту тему. Тесленко был ответственным, а мы должны были спроектировать двигатель и хвостовой отсек. Когда я вернулся из КапЯра, чертежи на двигатель были фактически готовы в кальках, оставалось подписать у Главного Конструктора. Просмотрев их, я потребовал внести принципиальные изменения:

— убрать «грушу», предусмотрев комплект сменных сопловых втулок;

— вместо стали 30ХГСА использовать 25ХГНФА толщиной 3,5 вместо 4 мм.

Не знаю, удался бы этот мой шаг, если бы Петров и Кострулин не были в это время на полигоне, но замещавшего их Швецова я убедил при пассивном сопротивлении Рыженко, который потребовал, чтобы установленный приказом срок выдачи чертежей в производство был исполнен. Оставалось 8 дней. Мы навалились на чертежи и все сделали.

В этой работе большую часть взвалила на себя Ада Демидова, которая чуть ли не ночевала в конструкторском зале. Малорослая, ладно скроенная, прекрасная бегунья, она отличалась необычной работоспособностью, я скажу «страстью к работе», и умом. Схватывала многое на лету, особенно механику. К сожалению, большой нос «картошкой» искажал ее миловидное лицо, она это сильно преувеличивала и, после одной неудачной попытки влюбить в себя одного парня, лишила себя всякой личной жизни. Мы с ней работали долго.

При первом огневом испытании двигателя МР12, он взорвался. Спор шел вокруг конструкции порохового заряда между мной и В. Лаврентьевым. Выпускник Днепропетровского ГУ строго следовал теоретическим канонам, определявшим требования к конструкции заряда. Еще до войны академик Ю. Победоносцев установил предельное значение соотношения геометрических параметров пороха к величине критического сечения сопла (кап-

па Победоносцева), которое не должно превышать 130 во избежание взрыва при запуске. Это ограничение неимоверно усложняло конструкцию двигателя и заряда и вызывало у меня внутренний протест. Я, как говорится «нутром» чувствовал, что ограничения для многошашечного заряда не годятся для одной бронированной шашки. Спор завершился тем, что по возвращении из очередной командировки я ознакомился с утвержденным Лаврентьевским вариантом, пошел к ФФ и заявил, что он утвердил неправильное предложение. Думаю, что в 98 случаях из 100 другие Главные просто выкинули бы меня из кабинета. Петров немедленно созвал техсовет. В итоге, я вместе В. Нестеренко, который меня поддержал, выехали в Пермь, в Закамский НИИ-129, где выполняли наш заказ. Руководители этого Института были только недавно реабилитированы, но выслушав мои страстные доводы, согласились на эксперимент с каппой, равной 190. Правда, попросили разрешить при этом не измерять тягу, чтобы не повредить мерную мездозу. Целую неделю мокли мы под непрекращающимся холодным сентябрьским дождем в ожидании, когда изготовят заряд.

Испытание. Я еле сдерживал внутреннюю дрожь. Запуск, взрыва нет, нетипичный монотонный шум, «как примус» сказал моторист. 21 сек. длились томительно долго. Останов. Тишина. Поздравления.

Задним умом понимаю, что надо было тут же «застолбить» авторский приоритет и делать диссертацию, как сказал при встрече в подмосковной электричке Юрий Александрович Победоносцев, но... работа — прежде всего. Двигатель МР12 пошел, для «Байкала» — Д220 остановились на каппе 210.

В Д220 максимально использовали все, что можно было взять от «Онеги». Кое-что нужно было и не брать. О «груше» упоминал, не нужно было использовать «ампульную батарею». Изготовили всего 6 двигателей: 3 — для стендовых испытаний и 3 — для летных. Такой авантюризм ракетная техника не прощает.

В ходе стендовых испытаний на одном двигателе обнаружили одно маленькое (до 1,5 мм) отверстие над держателем груши. Два испытания прошли успешно, и «совет мудрецов» определил прожиг случайностью.

В Кап. Яре я побывал у Главного Маршала артиллерии С.С. Варенцева. У нас вышел из строя компрессор СМ-14, смонтированный на шасси большегрузного автомобиля. Запасного на полигоне не оказалось, и ФФ направил меня на армейский учебно-испытательный центр, расположенный в пределах видимости от нашего МИКа.

В этом центре, которым командовал Маршал, проходили проверку, включающую ракетные стрельбы, части ПВО Советской армии и армий стран Варшавского договора. ФФ не поехал сам по той же причине — «старший младшему не откажет», а ему лично следовало представиться гораздо раньше.

Когда меня привели в рабочий кабинет — спальню и попросили подождать, поразили аскетизм и простота. Стандартный письменный стол с вертушкой и полевым телефоном, небольшой сейф, маленький холодильник «Саратов», и металлическая складная кровать, заправленная по-солдатски. На стене вешалка с плащ-палаткой и умывальник.

Маршал вошел, опираясь на палку, ранение, выслушав меня, попросил рассказать, что мы испытываем. Я постарался дать краткую, но исчерпывающую информацию, после чего он по телефону попросил, чтобы какой-то полковник незамедлительно с ним связался..., затем достаточно твердо попросил помочь нам и в ответ на очевидные возражения добавил, что «эти ребята делают очень нужное дело и им надо помочь, ...обслуживать будут сами, ...вернут через три дня». Я просил на два.

Назавтра компрессор был у нас. К сожалению, в дальнейшем судьба С.С. Варенцева оказалась не легкой. Это он рекомендовал на видную должность в Госкомитете по науке и технике бывшего адъютанта, фронтовика-сослуживца Пеньковского, которого завербовала английская разведка. После разоблачения шпиона Главного Маршала разжаловали в генерал-майора и лишили звания Героя Советского Союза. Жестоко!

Прервусь на семейную тематику. Дочка росла, в первой группе детского сада она была выше всех, очень любила рассказывать воспитательнице обо всем, что происходит в нашей семье, вплоть до «вчера папа пил пиво». Август 1961 г. провели в Гаграх, Аллочку «бросили» к бабушке в Волгоград. 12 апреля 1961 г. к нам прилетела моя мама, которая оставалась у нас до начала июня. Этот день — день триумфа советской космонавтики, день полета Гагарина, день — всенародного торжества. Мы планировали оставить дочь с бабушкой и поехать в Крым. Я твердо настроился на второго ребенка, для чего проверил на себе и близких все модные теории определения пола будущего ребенка, построил графики и нашел, что май-август — самый оптимальный срок для зачатия сына.

В последнюю субботу апреля перед отпуском меня позвала в расчетный отдел одна девушка и показала черновик доноса в КГБ на меня, написанный ее начальником Гагаевым, который обнаружила в его секретной тетради, она убедила меня «не возникать», чтобы ей не аукнулось. Трудно описать свое состояние в такой мо-

мент... К сожалению, это был далеко не единственный донос, с которым я столкнулся в жизни. Главное было скрыть это от Вали.

Мы поехали в Ялту через Москву. Откровенно говоря, отпуск в Крыму был особым в нашей жизни: мы не считали деньги и ни в чем себе не отказывали. Купили Вале что-то из одежды и потратили 11 тысяч руб. Автомобиль «Москвич» стоил 16 тысяч. Завтракали и обедали в ресторане «вместе с Утесовым», он был на гастролях в Ялте. Валюшу с большим и продолжительным трудом удалось уговорить «пойти за сыном».

28 апреля 1962 г. родился наш сыночек Аркадий. Правду говоря, я часто путал эту дату с 27 апреля, когда после того, как Валю увезли в роддом, наша сборная выиграла у Уругвая 4:0. Время было суровое, я с трудом «уговорил» продавщицу молочного магазина оставлять нам 2 литра молока.

А уже 12 мая мы улетели из Свердловска, Я — в Кап. Яр, Валя с детьми — в Куйбышев. Лето 1962г было жарким, готовили к летним испытаниям сразу две системы «Байкал и МР12. На МР12 наложили руки атомщики, которые накануне заключения договора о запрещении ядерных испытаний готовили серию мощнейших взрывов и нуждались в средствах контроля атмосферы. Приборы, которые должны были проверяться при запусках ракеты, были сырыми и часто отказывали при предстартовой проверке. С двигателем проблем не было. В итоге, все пуски прошли нормально, атомщики были довольны.

3 сентября по инициативе атомщиков состоялся пикник в лучших российских традициях. На двух «Победах» с армейскими водителями, в которые загрузили ящик водки (20 бут.), колбасу, консервы и др. закуску, мы доехали до Волги попали в рай. Иначе деревню с пристанью Грачи назвать нельзя. Представьте себе: моросит меленький теплый дождик, а около пристани сидят женщины и продают... Помидоры, каждый грамм на 400, мясистые, сладкие — 1 руб. за ведро; огурцы малосольные — 1руб. ведро; виноград — 1 руб. ведро; огромные груши — тоже; наконец, большая миска, переполненная черной икрой, — 3,5 «с миской». Так может быть только в раю!

«Байкал» тормозила САУ. В МИКе работает, выезжаем на старт — не проходит предстартовые комплексные испытания. Наконец, первый пуск, на первой же секунде отказала ампульная батарея. Из-за сбоя САУ ракету кидало, как раненную утку, двигатель работал нормально. Улетела на 45 км. А затем два неудачных пуска из-за прогара днища над держателем «груши».

Это был удар, страшный удар! Я принял всю вину на себя, хотя никаких оргвыводов никто не делал. В середине сентября приле-

тел в Куйбышев и узнал, что Валя с детьми уже дома. Там встретился с пятимесячным сыном, у которого уже прорезались два зуба, и с измученной женой, Тогда созрело решение уехать из Свердловска. В конце декабря взял отпуск и через Москву поехал в Куйбышев на юбилей отца и свадьбу Лени.

Леня в 1962 г. закончил Куйбышевский индустриальный ин-тут и распределился в Свердловск, но, после моего категорического возражения, перераспределился в Сызрань. Там он познакомился с очень красивой и умной Людмилой, которую «отбил» у «законного жениха», и 30 декабря они сыграли свадьбу. Эта свадьба была несоизмеримо богаче и многочисленнее нашей «комсомольской», приехали родственники даже из Батуми, Москвы и др. городов

В январе 1963 г. я начал энергичный поиск места работы в Куйбышеве. Большую помощь оказал знакомый отца, который в Совнархозе ведал авиационной промышленностью.

В здании Совнархоза я встретился с Николаем Александровичем Дондуковым, короткий разговор решил мою дальнейшую судьбу. Мы почувствовали взаимную симпатию, и я предельно откровенно поведал ему о своей трудовой биографии и оговорил условия: квартира и оклад не менее 200 руб. Он в принципе дал согласие и обещал прислать письменный вызов от Генерального Конструктора Н.Г. Кузнецова.

По просьбе отца я также встретился с директором Нефтяного ин-та, он предложил мне должность «главный инженер проекта», работу по «шланговому бурению» и гарантировал жилье. Это было оформлено официальным вызовом.

С нелегкими раздумьями возвращался в Свердловск, многократно обговорили все с Валею и, получив по почте вызов от Дондукова, решили ехать. ФФ думал, что я блефую и держал без подписи мое заявление о переводе дней 8 без движения. Затем собрал «ближний круг» и стал меня уговаривать остаться. Я извинился за то, что они тратят время на эти уговоры и сказал, что «не люблю раков и назад не ползаю», после чего он написал отказ в переводе. Зная его нрав и мстительность, я приложил вызов из Нефтяного института.

Распродав по дешевке часть вещей и мебели, мы отправили контейнер и 23 февраля вылетели в Куйбышев.

8.4. Избирательная комиссия

Хочу остановиться еще на одной свердловской теме. Теме достаточно характерной — о выборах. Я раза три проработал в составе участковой избирательной комиссии. Выборы тогда проводились практически ежегодно, то в Советы разных уровней, то

судей и народных заседателей (позднее заседателей выбирали в «открытую»). Но вне зависимости от важности данной избирательной компании требовалось «обеспечить полную явку избирателей». Для этого привлекалась большая армия агитаторов. За каждым из них закреплялась определенная группа избирателей (дом, подъезд, или этаж в общежитии), с которой он формально должен был проводить агитационную работу, а на деле обеспечить их явку на избирательный участок для проверки наличия в списке до выборов, а в день выборов — для участия в голосовании.

Члены комиссии по очереди после работы дежурили до 9—10 часов вечера на участке, где сверяли списки, выдавали открепительные талоны, записывали наказы, предложения и жалобы. Надо сказать, что угроза неявки на избирательный участок в день выборов была весьма эффективным (подчас и единственным) способом решения многих жилищно-коммунальных проблем. Когда весь дом угрожал: «Голосовать не пойдем, если НЕ (устранят течи на крыше, сделают ремонт водопроводы или канализации и тд и тп)», — местные власти вынуждены были принимать срочные меры.

Во всех сводках об итогах выборов, как правило, фигурировала: явка — 99,5%, «за» — 99,7%. Что же было на самом деле?

Будучи членом избирательной комиссии, я не мог понять, зачем и для чего нужны эти неправдоподобные цифры. Фактически в выборах участвовало не менее 85,5% избирателей. Внушительное число, которым можно было бы гордиться, но «требовалось» больше. Это достигалось исключением из списков избирателей лиц, которые по тем или иным причинам отсутствовали. К концу дня жилконтора или комендант выдавали справку «об убытии», на основании ее корректировался список, — «ни какой фальсификации».

При подсчете голосов, «против» учитывался только, когда четко зачеркнута полностью фамилия кандидата. Во многих случаях человек, вычеркивавший фамилию, волновался, торопился, и карандаш «прыгал» в его руке — засчитывали «за». Но и таких «спорных» бюллетеней было не более 3—5 %.

Главным дирижером в день выборов являлся не председатель комиссии, а представитель райкома партии или парткома Уралмашзавода. На последних выборах с моим участием произошло два инцидента, переполнивших мое терпение, после которых я отказался от дальнейшего участия в этой работе. Конечно, сославшись на крайнюю занятость по работе.

После неоднократных обращений агитаторов о принципиальном отказе одной избирательнице придти на участок к ней домой поехал я и зам секретаря парткома Серафим Вилесов, он до это-

го работал у нас в ОКБ-9 начальником производства, и у нас с ним были прекрасные отношения. Женщина, замученная невыполненными обещаниями зампреда райсовета, была более чем агрессивна. «Нет! Нет и нет!..» Минут 20 убеждали мы ее, в конце концов, она сдалась. «Черт с вами, проголосую, но этого гада я все равно вымарю...», — взяв у меня бюллетень, резко вычеркнула фамилию и отдала мне. Я опустил его в переносную урну... При подсчете голосов

Вилесов настоял на том, чтобы засчитать его «за», тк зачеркнутыми оказались только три буквы фамилии, далее линия пошла ниже. «Избиратель просто подчеркнул фамилию...» — утверждал он. Коллеги по комиссии понять не могли, почему я спорю с ним...

Минут за 15 до окончания установленного времени голосования Вилесов предложил «отбарабанить» в районную комиссию, что у нас голосование завершено. Ожидавшие этого рабочие приступили к демонтажу кабин, участок размещался в здании школы. И тут на участок буквально ворвались старенькие муж с женой, чтобы «выполнить свой гражданский долг, потому что опоздали на поезд из Первоуральска...». Их поблагодарили, выдали бюллетени из запасника, которые через 10 минут положили обратно. Этим гражданам уже «лишили права голоса» по справке. Меня как по сердцу ударило, и я высказал Серафиму почти все, что думал по этому поводу.

Лет через 20 в Куйбышеве мы с женой на всех выборах принципиально голосовали «против», против безмолвных фрезеровщиц и доярок, против засидевшихся в своих креслах партбюрократов, но, конечно, не против советской власти и системы. И после каждого выборов сначала с удивлением, а потом с восторгом узнавали, что на нашем участке Октябрьского района голосов «против» нет. В это же время одна из конструкторов на филиале при заводе «Металлист» Надежда Б., очень активная член партии, неизменный член участковой избирательной комиссии в Советском районе, на мой вопрос о количестве проголосовавших «против» недоуменно воскликнула — «Конечно, нет! А зачем?!». За каждое вечернее дежурство ей предоставляли отгул, а за день выборов — три. Такие настали времена.

9. КУЙБЫШЕВ

9.1. Моторный завод — КМЗ

Поселились в двухкомнатной квартире родителей в доме дирекции мельзавода. Река Волга была рядом. «Какая большая лужа!» — воскликнула дочка, увидев ее. Для шести человек в двух

смежных комнатах было тесновато. Мы с Валею оформились к Дондукову и 19 марта вышли на работу. Там я узнал историю этого коллектива.

В начале 1946 г. части МГБ окружили небольшой городок в Восточной Германии, где располагался завод и КБ, разрабатывавшие газотурбинные авиационные двигатели. Жителям дали 24 часа на сборы, погрузили в вагоны и... в путь. Конструкторы и испытатели, рабочие и технологи, бухгалтеры и парикмахеры — все, как один, жители, станки, стенды, столы, стулья, папки для бумаг, чертежные кульманы и корзинки для мусора заполнили охраняемые эшелоны. Разгружали в Куйбышеве и на машинах везли в поселок Управленческий (20 км от города) на высоком берегу Волги. Сюда во время войны эвакуировался опытный завод № 2 Авиапрома.

Создали опытное КБ, которое возглавил выпускник МВТУ и воздушной академии полковник Николай Дмитриевич Кузнецов (далее НД). Он умер в 1996 г. в чине генерала-лейтенанта. Все службы создавались по принципу 1:1. Немец и советский дублер. Оклад немца в 2 раза выше. Задача — создать турбовинтовой двигатель для сверхдальнего бомбардировщика ТУ-95, разрабатываемого в КБ А.Н. Туполева.

Так рождался двигатель НК-12 (мощность 12 мегаватт), самый экономичный в мире, который до сих пор используется в стратегических бомбардировщиках ТУ-95 и в их модификациях, использовался в пассажирских ТУ-114 и, после усовершенствования, — в транспортных АН-22.

К 1956 году немцы уехали, часть в ГДР, другие — в Австрию, где щелкнули по носу НД. Они оформили патент на редуктор, лишив страну возможности продавать двигатели за границу. Говорили, что крупнейшие двигателестроительные фирмы США и Англии пытались по вывезенным чертежам воспроизвести редуктор, но не сумели.

Старожилы рассказывали, что немцы загружали контейнеры дубовыми бревнами, поражаясь расточительством русских, непонимающих, какая это ценность и использующих дуб на дрова. Дубовые рощи и поныне украшают окрестности поселка Управленческий...

Пассажирский лайнер ТУ-114 — единственный в мире самолет, не претерпевший за годы эксплуатации ни одной катастрофы. Примерно в 1976 г. министры Дементьев (авиапром) и бывший брежневский пилот Бугаев (гражданская авиация) прекратили его эксплуатацию, что на многие годы создало серьезные проблемы с полетами на Дальний Восток и обратно. Очередная глупость!

Кузнецовцы создали газотурбинный двигатель НК-4 для самолетов ИЛ-18 и АН (-10, -12, -24), причем для них на заводе им Фрунзе уже изготовили оснастку, но по «совету» Хрущева на эти самолеты поставили украинский АИ-20 (А. Ильченко). Двигатель НК-12 усовершенствовали и, как НК-14МА, они успешно стоят на АН-22 (Антей). С их помощью этот самолет установил 14 мировых рекордов. Когда же составлялись списки на Ленинскую премию, Олег Антонов «забыл» про двигателистов. Больше НД с Антоновым не сотрудничал, хотя тот приезжал с извинениями и заманчивыми предложениями.

В конце 50-х Сергей Павлович Королев «разошелся» по вопросам перспективы для мощных ЖРД с В.П. Глушко. Королев не согласился с утверждениями, что будущее за экзотическими компонентами (азотная кислота уже широко использовалась, шли испытания на ядовитом фторе), он настаивал на безопасных — керосине и кислороде. Наверное, причины их разногласий были значительно шире и глубже. СП пригласил НД и предложил «утереть нос Глушко», разработать жидкостные ракетные двигатели на керосине — кислороде для «глобальной ракеты», которая, как спутник, будет вращаться по орбите и по команде с земли сможет поразить цель в любой точке земного шара. При этом двигателям были заданы исключительно высокие параметры по удельной тяге (экономичности).

Совмещать авиа и ракетные двигатели оказалось не возможно, пришлось разделить КБ на два ОКБ. Первое делало мощные двигатели НК-8 для самолетов ТУ-154 и ИЛ-62 и двигатели НК-44 для сверхзвуковых самолетов Туполева. Он при согласовании задания на двигатель для сверхзвукового пассажирского ТУ-144 втихую убедил НД делать двигатель двойного назначения — и для стратегического, который создавался на фоне «модернизации» далеко не лучшего бомбардировщика ТУ-22, т.к. на новый ему денег не давали.

Попытка одним выстрелом убить двух зайцев ударила по ТУ-144. Для пассажирского самолета с классической параболической траекторией полета был целесообразен экономный турбореактивный (одновальный) двигатель, а для стратегического, у которого большая часть времени полета проходит на «дозвуке» и на достаточно низкой высоте и только уход от места бомбежки — на «сверхзвуке», — нужен был двигатель двух — или трехвальный. Такой и делал Кузнецов, ухудшая экономические показатели пассажирского самолета, который полетал в убыток и тихо скончался. А стратегический ТУ-22М (по НАТОвски — «Бэкфаер») наделал много шума в 70-х, такого у них не было.

В середине 60-х взлетел ТУ-154, который стал основой пассажирской авиации СССР, и только через 15-17 лет на этот самолет стали ставить более экономичные пермские двигатели.

Костяк ОКБ-2 Кузнецова составили выпускники КуАИ 1952 г., а возглавлял работу Николай Демидович Печенкин, талантливый конструктор и организатор с весьма сложным характером, настроенный по отношению к евреям, а они в этой команде были. Были разработаны двигатели большой мощности по принципиально новой «замкнутой» схеме с небывало высокими характеристиками: удельная тяга (это отношение тяги к расходу топлива) равнялась 328 (довели до 350), а в существующих — не превышала 315.

Уже в 1961 г. на параде в Москве продемонстрировали «глобальную ракету», Это был макет для «устрашения», но резонанс в мире был велик. Вскоре в ООН был наложен запрет на использование космического пространства в военных целях. Президент Дж. Кеннеди объявил национальной задачей высадку человека на Луну, для выполнения ее ассигновали 25 миллиардов долларов.

В СССР вызов был принят, но окончательное решение было оглашено лишь в 1964 г. Предложение Королева закрыть несколько тем и сосредоточить ресурсы на этой задаче, было отклонено, так же, как не согласились создать стенд для наземных испытаний блока первой ступени ракеты-носителя Н1, что сказалось самыми пагубными последствиями.

Конструктивная схема ракеты Н1 была такова: 1 ступень — 6 двигателей в центре и 24 по периферии, тяга каждого — 150 тонн; 2 ступень — 6 двигателей с тягой 180 тонн; 3 ступень — 4 двигателя с тягой 40 тонн каждый; 4 ступень — один двигатель с тягой 40 тонн; 5 ступень и головная часть — лунный модуль. Первые три ступени выводят на круговую орбиту, 4-я придает вторую космическую скорость, преодолевая земное притяжение, 5-я выводит на лунную орбиту лунный модуль со спускаемым аппаратом.

Я говорил, что двигатели первых четырех ступеней были Кузнецовские. За основу взята схема и наработки для глобальной ракеты. Двигатели 5-й и 6-й ступеней разрабатывались в королевском ОКБ под руководством «ученого еврея-двигателиста» (так он сам себя определил) Александра Мельникова. Центром изготовления ракеты и двигателей стал Куйбышев (Самара), где находились Головные заводы — «Прогресс» и моторостроительный им Фрунзе.

Небольшое отступление в части детища Н. Хрущева — совнархозов. После его смещения и сейчас в их описании преобладает черная краска. А ведь еще в 1978 г. в санатории 4-го Управления (оно рьяно охраняло здоровье власти) «Дубовая Роща» в Железноводске отдыхавший там начальник подотдела Госплана

поведал, что никогда за годы Советской власти Новая Техника не внедрялась так быстро и эффективно, как при совнархозах, а после их ликвидации «мы проспали научно-техническую революцию 70-х годов».

Я убежден, что только совнархоз смог незамедлительно привлечь к выполнению лунной программы разноведомственные куйбышевские заводы: Гидроавтоматика, Metallist, Сталелитейный, Аэродромного оборудования и др. При этом на них были внедрены самые прогрессивные технологии: точное литье по выплавляемым моделям корпусных деталей из титана и высокопрочной стали, уникальные штамповки из титана, электронно-лучевая сварка титана, титана и меди и т.д. В иных условиях годы ушли бы на переписку и согласования.

Электро- и гидропривода, датчики управления и телеметрии, резинотехнические изделия и другие комплектующие элементы и заготовки выполнялись заводами разных городов: Москва, Свердловск, Львов, Краснодар, Пермь, Подольск и др. Всего были привлечены сотни тысяч специалистов, рабочих и служащих. Но повсеместно не хватало жилья, новые производственные площадки строились с большими задержками. С большим опозданием ввели 2% премиальный фонд и 10% надбавку к зарплате, когда высококвалифицированные специалисты стали уходить из-за низких заработков.

Вернусь к Н1. САУ проектировала фирма Пилюгина. О «кажущейся скорости», ламповых устройствах уже не могло быть и речи. Не было и привычных рулей. Впервые ракета управлялась изменением величины тяги диаметрально расположенных двигателей или качанием двигателя в кардановом подвесе. Впервые (по крайней мере, в СССР) двигатели 3-й и 4-й ступеней не «захолаживались» протечкой жидкого кислорода до запуска, что позволило соответственно увеличить вес полезного груза. Впервые эти двигатели должны были выключаться по полной выработке одного из баков. На полигоне Байконур построили огромный МИК, стартовый комплекс и городок из пятиэтажных домов для монтажников и испытателей.

По настоящему требованию С.П. Королева Кузнецов создал на территории завода им Фрунзе филиал, который возглавил Н.А.Дондуков (сокращено Дон). Вскоре после моего прихода филиал вошел в состав куйбышевского конструкторского бюро машиностроения (ККБМ), которое вместе с казанским КБ входило в состав научно-технического объединения под руководством НД. Главный конструктор ККБМ Михаил Романович Флиссский, лауреат Ленинской премии, руководил нами недолго, т.к. тяжело заболел

и уехал в Москву. Одно его высказывание запало в душу — «Запомните, человека обмануть просто, а вот технику не обманешь... Это вскрыется в самое неподходящее время». Мудрейшие слова! Жизнь подтвердила их справедливость. Сколько бед и неудач связаны с попытками «обмануть технику» и себя волевыми решениями и недалёковидностью! Особенно ярко и трагично это проявляется в ракетной технике, когда «для экономии средств и времени» пытаются заменить кардинальное решение «примочками». Шатлы в США...

В конце 1966 г. я поселился в одном номере старой гостиницы «Армения» вместе с Доном, назначенным и.о. главного конструктора. Он пошел навестить Флисского, пришел вечером явно взволнованный и рассказал, что, очевидно, это была последняя их встреча, и Михаил Романович дал ему последние наставления. Некоторые были неожиданными: «Если хочешь погубить дело, доверь его Косте Жукову (его первый зам) или Мише Курушину (нач. отдела прочности)... Если хочешь, чтобы дело было сделано, поручи его евреям. Они не подведут, расшибутся, но сделают...». Я был ошеломлен, такое услышать от Главного в то время, когда антисемитизм начал цвести и пахнуть, — необычайно.

9.2. Работа на новом месте

9.2.1. Окружение

Трудно найти подходящие эпитеты для характеристики Дона. Достаточно сказать, что это был Человек, Человек с Большой Буквы. И, конечно, ему, как и любому нормальному человеку, присущи были все человеческие качества, - только положительные преобладали. Необычайно коммуникабелен, он умел при каждом разговоре окрылить и одарить человека верой и энтузиазмом, даже при острой критике. Он видел способности человека и старался максимально их использовать. На мой взгляд, некоторых людей он переоценивал, часто из-за присущей ему обязательности. Достаточно было сделать для него лично любую мелочь, чтобы он не вернул ее сторицей. Некоторые этим умело пользовались. Только он смог создать работоспособный творческий коллектив, собранный на первых порах почти из случайных людей, поставив во главе основных подразделений умных, энергичных руководителей.

Сначала во главе ракетного КБ встал Мовша Нехамович Карпилов, но ему не хватило кругозора и умения работать с людьми, поэтому он стал Ведущим конструктором. Его заменил Николай Григорьевич Трофимов.

Вторым ведущим был Николай Иванович Степанов (Степа). В отличие от вышеназванных он никогда не стоял за чертежной

доской и слабо ощущал тонкости работы конструктора — творца, хотя обладал хорошей памятью и смекалкой, а также непоколебимой верой в свою исключительность. В его лексиконе слова — прочерти, проработай, — заменялись «нарисуй». Высшая похвала — «даже я до этого не догадался». Бывало, вызовет: «Мы едем к НД поднимем вопрос о..., объясни суть...». Подробно все рассказываю и не только «об этом», но и о сопутствующих проблемах. В ответ: «Я все понял, больше ты мне не нужен!». В итоге, я стал говорить только «об этом», и когда НД начинал вникать в глубину, Степа — ни бэ, ни мэ. В подобных случаях и Дондуков и Трофимов брали с собой ответственных исполнителей, и мы докладывали Генеральному о сложных проблемах.

Степанов никак не мог осознать, что целесообразно до принятия решения узнать мнение о нем тех, кого оно касается, и при необходимости внести соответствующие коррективы. В Свердловске ФФ мог, взглянув на документ, вернуть его — «виз мало», — а Степа на своей оперативке (он стал начальником ОКБ) зачитывал очередной приказ «по гарнизону», вызывающий вопль отрицания своей непродуманностью и недостаточным пониманием сущности нашей работы. Такие приказы, как правило, готовились в бригаде техдокументации. Как-то, заслушав очередную директиву — «как надо подтираться», — я сказал:

— Николай Иванович! Можно прокомментировать в стихах...

— Давай!

— Сей документ так важен и так сложен,

Что к жопе должен быть приложен.

Если добавить не очень скрываемый антисемитизм, то мне, с моим не очень гибким и достаточно прямолинейным характером, работать с ним было очень не просто.

Во главе отдела сборки стоял Володя Черкасов. Мы с ним были одноклассники в школе № 13. К несчастью он заболел раком легких и умер в 1979 г. Характер у Володи был взрывной и прямой, по текущей работе сталкивались неоднократно, поэтому не очень умные люди считали нас недругами. Хотя, не смотря на любые разногласия, оставались «однокашниками». Часто он мне доверительно передавал, что ему говорили обо мне за глаза. Характерный эпизод.

М. Карпилов мог остановить конструктора и дать ему задание технического характера, минуя начальника отдела или начальника бригады. Некоторые эти задания, на мой взгляд, были не приемлемы. Однажды узнав о таком задании, я запретил всему отделу принимать такие задания и поставил об этом его в известность. Произошел достаточно острый обмен «любезностями» при зри-

телях. Когда мы разошлись, Степа обратился к потрясенному Черкасову: «Не волнуйся! Это — евреи, они всегда договорятся друг с другом...». Володя с возмущением поведал мне об этих словах. Я опешил, а затем... пошел к Карпилову. Толковали долго, но договорились о порядке взаимоотношений, устраивающем нас. Евреи договорились!

Отдел № 2 — турбонасосный агрегат. Его сначала возглавлял Исаак Михайлович Дорфман, прекрасный производственник, но не конструктор, потом его сменил Марк Семенович Гоберштейн, бывший работник совнархоза, фронтовик, работоспособный еврей, не сумевший до конца овладеть искусством конструктора, чего требовал такой сложный и ответственный узел. Долго он не продержался, его снизили до нач. бригады. В дальнейшем его судьба сложилась драматично. Их сын блестяще окончил математический факультет Саратовского университета и был оставлен в аспирантуре. На защите кандидатской диссертации его завалили, после чего его научный руководитель-еврей уехал в США и через Израиль прислал вызов. Из-за отъезда сына Гоберштейна принудили уволиться «по собственному желанию» и вскоре случился инсульт, который привел к инвалидности. Сын за несколько лет достиг высокого положения в среде математиков Штатов и через советское консульство пригласил родителей в гости. После издевательского шоу райком партии отказал Марку, поехала жена. Второй инфаркт. Смерть. Очередная жертва антисемитизма.

Упомяну еще одного начальника отдела, Льва Александровича Новицкого. Типично еврейская внешность и акцент, жена — тем более, но — белоруссы. В 1999 г. при встрече я поделился с ним мыслями об отъезде в Израиль, и когда он опять начал мямлить о белорусских корнях, мне стало тошно.

Бригаду камер сгорания, а затем отдел сборки возглавил Эдуард Израилевич Фрейдин, очень пробивной и жизнерадостный человек. Как-то Дон сказал мне: «Вы — разные. Фрейдин берет числом, а вы умением». Речь шла о том, что я отбирал состав отдела достаточно критично, а он — всех подряд.

9.2.2. Первые шаги

Я стал начальником бригады автоматики с тремя подчиненными, вечерниками, среди них — Василий Николаевич Романов, обладавший талантом изобретателя, но не воспринимавшим важности доводки. Не сразу, но мы достаточно скоро притерлись друг к другу. А состав бригады пополнялся. На первых порах надо было обеспечить постоянное конструкторское сопровождение изготовления узлов автоматики — клапанов на заводах им Фрунзе и

«Гидроавтоматика». Предполагалось, что все действия мы будем согласовывать с соответствующим подразделением Головного КБ Кузнецова, а после освоения все чертежи я передам в специализированное ОКБ, которым руководил В.М. Квасов.

Конечно, такой характер работы и ее перспектива меня абсолютно не устраивали, но я понимал, что утвердиться можно только работой, отличной работой. Уже через 4,5 месяца по просьбе Главного Инженера «Гидроавтоматики» я получил от Генерального право подписи отклонений от чертежа, что позволило самостоятельно решать большинство вопросов и предложений от производства. При этом я ни на секунду не забывал, что каждое мое решение, каждая подпись будут пристально проверяться моими визави из Управленческого: Анатолием Федоровичем Катковым и Леонардом Брейво. «И были схватки боевые,... еще какие». Но я неизменно обосновывал правильность своего решения или действия.

Люди ко мне прибывали, я старался сразу внушить им необходимость научиться, грамотно читать и видеть чертеж, научиться делать чертежи и размерные расчеты. Что значить грамотно? Я не пишу учебник, но в нескольких словах поясню. Надо знать и правильно использовать действующие нормативные документы; размерные расчеты выявляют ошибки и неудачно выбранные базы размеров. По их результатам в Головное КБ на согласование пошел поток «извещений об изменении чертежа». К чести авторов чертежей они, активно сопротивляясь, все же уступали перед нашими доводами, и доверие стало расти.

Уже летом 1963 г. ко мне пришли грамотные конструктора Владимир Быков, Игорь Дворянинов, приехала из Свердловска Ада Демидова; она без промедления включилась в работу, надежно прикрыв мои тылы. От Квасова был командирован Юрий Кондрашов.

На заводе им Фрунзе очень тяжело осваивались пиросвечи — устройства для зажигания топливной смеси в камере сгорания и в газогенераторе. Брак был невероятный. Дон попросил меня взять их к себе вместе с группой конструкторов во главе с Ефимом Вайнбергом. Пять человек на узелке из четырех деталей! Невероятно! Я оставил Вайнберга и еще двоих, изучил статистику и ахнул. Браком считалось выделение трех пузырьков воздуха в одну минуту при пневмоиспытаниях под давлением 325 атм. К тому времени на клапанах я доказал, что выделение трех пузырьков воздуха — это не негерметичность, а температурная и деформационная компенсация. Проверили техпроцесс, нашли и устранили недостатки, через 3 месяца о проблеме забыли. На пиросвечах остался один человек.

Круг моей ответственности разрастался. Пневмогидравлическая схема двигателя, агрегаты регулирования, с 01.01.64 г. пре-

образовались в отдел, в который добавили телеметрию и Систему КОРД. Эта система — совместная разработка Королева и Кузнецова — контроль одиноко работающего двигателя, предусматривала установку на каждом двигателе нескольких датчиков, осуществляющих контроль определяющих параметров его работы и состояния. При сигнале любого из них о выходе за пределы установленного диапазона, система анализировала совокупность всех параметров и, при необходимости, выдавала команду на останов аварийного и диаметрально ему расположенного двигателя. Жизнь показала, что логика и размещение составляющих элементов системы на ракете были недостаточно продуманы разработчиками ракеты. Телеметрию и КОРД вела бригада Харченко.

Основу работы в первые годы все же составляли клапаны. В первоначальном варианте они были одноразовые, т.к. управлялись срабатыванием пиропатрона, что в большой степени упростило их конструкцию по сравнению с общепринятыми, которые управлялись громоздкими механизмами.

9.3. Семья, быт, дети

От дома родителей, где мы разместились, до места работы было 1—1,5 часа езды на трамвае. Быстрее и надежнее — троллейбусом до вокзала и на электропоезд. Так и делали.

Валя по гороскопу Лев, моя мама (как и я) — Скорпион. Ужитья им на одной кухне было очень трудно, и каждая доказывала свою правоту мне. Уже в августе я зашел к Дону, кратко объяснил ситуацию и предупредил, что если в ближайшем времени не получу квартиру, вынужден буду уволиться и уеду в Обнинск, где уже обосновался Виктор Тесленко и набирал команду. Я блефовал, договоренности с Тесленко не было, но я был убежден, что мы договоримся. Дондуков к тому времени оценил меня и пошел к НД, который предоставил мне двухкомнатную квартиру на Управленческом. Мы с радостью туда въехали, хотя от работы было 20 км, зато регулярно ходил служебный автобус. Конечно, «квартира какому-то Затуловскому с Безымянки» вызвала далеко не одобрительную реакцию среди очередников старожилов, но генеральское слово — закон.

Вспомнил один эпизод. Мы втроем с дочкой поехали смотреть новую квартиру, 4 этаж, угловая, комнаты отдельные, нормальный коридор, кухня 5 кв. м, совмещенный санузел. Я «сел его обновить». Слышу вскрик, и хлопок закрывшейся двери. Тишина, вышел, в квартире никого нет. Открыл входную дверь и вздрогнул: лестничный проем весь в дыму, огонь бушует в центральной шахте, где находятся все электрокоммуникации и электросчетчики,

огонь подбирается к нашей двери. Быстро заполнил кастрюлю водой и сбил пламя со стенки, еще раз, еще, еще... Чувствую, дышать становится невозможно, закрыл нос рукой и рванул вниз. Очаг возгорания (замыкание) был на третьем этаже, Пока я достиг второго, казалось, что легкие разорвутся, еле отошел. Пожарные приступили к тушению только после отключения электричества. Я, выливая воду, очень рисковал, зато спас от огня свои двери и стену.

— Почему ты мне не сказала о пожаре?

— Спасала дочь...

Мой отец устроил внучку Аллу в очень престижный детский сад в центре Куйбышева, она жила у них, и только в субботу после работы я приезжал за ней, а вечером в воскресенье отвозил обратно. С сыном было труднее. До 3-х лет оставляли у няньки, одна, другая... далеко не лучшие. Он стал часто болеть, и началось у Вали «сидение на справках».

Где-то в конце 63 г. группа техдокументации, где работала Валя, «восстала» против своего начальника Горбмана, племянника жены К.Ворошилова, и Дон назначил Валю на его место. Прекратились ссоры, склоки, группа стала работать спокойно и продуктивно, что не осталось не замеченным, Карьера вроде обеспечена. Но удаленность от дома, болезни Аркаши и, главное, необходимость с осени 64 г. отдать Аллу в школу заставили Валю обратиться к Дондукову с просьбой о переводе на Управленческий. Тот принял «соломоново решение»: она остается у него, а работает там, в бригаде техдокументации. «Очевидно, для вас семья и дети важнее карьеры...» — сказал он. Кстати, Валя была на «самоконтроле» и добросовестно отмечала все дни своего отсутствия, на что как-то Дон мне прозрачно намекнул, что это — совсем не обязательно. Мы, идиоты, конечно, оставались кристально честными, хотя денег не хватало хронически.

Летом 1964 г. измученная няньками Валя дала взятку директорисе детского садика, и мы стали его водить туда. Садик был достаточно далеко от дома, и водил сыночка туда я. Весной 65-го, опаздывая на автобус, я решил рискнуть, и «под секретом от мамы», 3/4 пути сын проделал сам. Так воспитывалась самостоятельность.

1 сентября 1964 г. дедушка отвел внучку в 1 класс. Честно говоря, мы по неопытности этот процесс «пустили на самотек», недооценили важность квалификации учителя с 1 класса и ее влияние на последующие годы учебы. Когда хватились, было поздно.

Летом 1965 г. «закинули» по пути трехлетнего внука бабушке в Волгоград и втроем улетели в Хосту, где доченька впервые окунулась в Черное море, там же и поплыла сама «аж до буйка».

Отец ушел на пенсию и стал работать внештатным (без оплаты) инспектором Обкома профсоюза нефтяников и газовиков. «Обкомсоюза» — часто звучало в семье и, кажется, было одним из первых слов внука. На отца возложили самую неблагоприятную с точки зрения профбонз работу — разбор жалоб по жилищным вопросам, адресованных в ЦК партии, в Правительство и в Президиум Верховного Совета. Он целиком отдался этой работе, вкладывая все. Конечно, это не могло ни отразиться на его здоровье. Какую надо было иметь черствую душу, чтобы без гнева и боли читать письма фронтовиков, гниющих в сырых подвалах или в переполненных комнатах без удобств. Отец сражался за этих людей, не думая о последствиях. После очередного конфликта с председателем завкома крупнейшего нефтеперерабатывающего завода, я спросил:

— Папа! Это же очень тяжело. Зачем тебе?

— Я защищаю Советскую власть!

— А я думаю, что ты защищаешь людей от Советской власти...

— Может быть, ты и прав...

9.4. Трудовые будни

9.4.1. Производство, военная приемка

30 сентября 63 г. в конце рабочего дня мне позвонил главный инженер завода «Гидроавтоматика» Г.Е. Гоман и попросил незамедлительно приехать к ним на завод, потому что под угрозой выполнение плана месяца и квартала. Я объяснил, что паспорт и военный билет на прописке, попасть на территорию завода «Прогресс» не могу. Минут через 15 снова звонок: «Приезжайте, обратитесь к такому-то, и вас пропустят». Поехал, обратился...

— А вы точно Затуловский?

Никаких документов у меня не было, пропустили. Думаю, что для ракетного з-да это был уникальный случай. План был спасен, домой, на Управленческий, меня привезли в полночь.

Еще в Свердловске я определил свой стиль взаимоотношений с производственниками:

— никаких личных просьб, никакой зависимости;

— тщательный анализ причины возникшей проблемы совместно с теми, кто к ней причастен;

никаких капризов и эмоций вроде «мне надоело», «сколько можно», «вы всегда так» и т. п., кроме прямых обращений к рабочему — «объясни, почему так...», «понимаешь важность этого раз-мера...» и др.;

— никогда не прятаться и не уходить в сторону. Если считаешь, что можно допустить, то твердо доказывай это кому угодно. Я ни

одного раза не мямлил, что согласен, а дальше (военпредам) доказывайте сами, как многие «добрые»;

— если я забраковал, то не допущу, чтобы руководитель дезавуировал мое решение. Из-за этого были конфликты, к счастью, редко, я все-таки находил управу на такого начальника;

— изредка чисто в педагогических целях и для заводчан и для начальства я уклонялся от решения и говорил, что не могу решить этот вопрос самостоятельно, обратитесь к Главному. Главного или Зама я предупреждал, предлагал вариант положительного решения (в 90% случаев) и излагал его в их присутствии;

— в особо сложных случаях я советовался с начальством или коллегами с Управленческого».

Также поступали и мои ответственные исполнители. Мы заслужили понимание и уважение производственников от цеховых до заводских руководителей, хотя на заводе им Фрунзе было несколько стычек, о них по ходу. «С такими конструкторами, как Вы, мы легко осваивали бы все новое» — неоднократно слышали мы на «Гидроавтоматике». Дело в том, что им ежегодно добавляли номенклатуру агрегатов от разных авиационных КБ и часто они сталкивались с табу на любые изменения и уточнения чертежа, даже когда они были более чем очевидны.

Я никогда не смотрел на чертежи, как на нечто неприкосновенное и неизменное. Иногда это встречало недоумение со стороны тех, кто пришел с производства и был убежден, что теперь, когда он стал конструктором, его слово — закон для производства. Меня коробило от такого эгоцентризма.

В основном у меня складывались нормальные, не побоюсь сказать доверительные отношения с представителями заказчика — военпредами. По-моему им импонировало то, что я старался вовлечь собеседника в творческий процесс, не скрывая «узкие места» и сомнения, и делился мыслями о путях совершенствования. На фоне распространенной скрытности и взаимного недоверия такой подход давал положительные результаты, и выигрывало ДЕЛО. Хотя бывали и исключения.

Я был приятно удивлен, когда подполковник Сергей Иванович Сергеев, глава приемки на «Гидроавтоматике», вынужденный в силу личных обстоятельств уволиться из армии и уехать из Куйбышева, пригласил меня на прощальный банкет. Из штатских было двое — новый главный инженер и я. Мой тост разнесся по Безымянке. Звучал он примерно так:

— Сергей Иванович! Каждый из присутствующих здесь рано или поздно снимет форму и станет штатским. Я желаю вам и каждому военпреду, чтобы в той, другой жизни он сталкивался с та-

ким же военпредом, каким был сам. Вам с таким будет легко и приятно работать!

На моих глазах институт военной приемки с каждым годом все больше и больше терял эффективность, погрязая в болоте бюрократии, когда контроль производства подменяется контролем сопроводительных бумаг, уклоняясь от проверки фактического состояния. Особенно этот формализм поражал, когда столкнулся с авиационными военпредами.

Как и всюду в приемке встречались разные люди, с разными взглядами и подходами, были умные и гибкие — люди дела, были и тупые служаки типа капитана Филатова, встречались и откровенные рвачи и карьеристы.

На Урале Райинженер (забыл!) как-то преподавал мне, молодому специалисту, урок. По заданию начальника отдела я собрал статистику допущенных отклонений по несоосности цапф люльки одной из пушек и подготовил отчет с выводом: «допуск +/-0,05мм изменить на +/-0,08». Подписали все, включая ФФ, Гл. инженера и старшего военпреда. Внимательно прочитав, он обратился ко мне: «Хороший отчет, убедительный, но я Вам его не подпишу... Я почти каждый день допускаю несоосность — 0,08, но если ее внесем в чертеж, то через полгода ко мне будут приносить журнал с 0,1 мм. Чертеж трогать не будем!». В Куйбышеве я неоднократно слышал: «если ты считаешь такое отклонение допустимым, исправь чертеж».

На Управленческом вблизи от нас жили военпреды с Завода им. Фрунзе. С Володей Зеленским и Евгением Смирновым дружили семьями. Они — выпускники Академии им. Дзержинского. Зеленский работал в цехе ракетной автоматики № 10, а с 1972 г. стал там старшим, естественно, что это сильно помогало в работе. Остановлюсь еще на некоторых.

Полковник Вениамин Исаевич Снегирев — райинженер (еврей). Таких людей называют — «штучный товар». Как-то в Москве его прямо с поезда увезли в госпиталь с прободением язвы желудка. Вскоре он вышел в отставку и уехал в подмосковный Калининград (Королев), где ему сразу дали квартиру. О нем сохранилась самая добрая память на долгие годы.

Антипод ему — руководитель авиационной приемки на з-де Фрунзе, подполковник Н.П. Кузнецов. В последнее воскресенье июня, когда завод «делает план полугодия», он работал на постройке своего гаража. Чтобы вытащить его на завод, директор вынужден был прислать бригаду строителей. Об этом диком поступке сообщили в Москву в Управление Заказов, — через пару месяцев он стал полковником.

Подполковник Федор Пивоваров — умный, грамотный, въедливый, но был твердо убежден, что конструктор — обманщик и недруг. Сколько нервов и крови он испортил, действуя строго по правилам и инструкциям! Его на посту руководителя приемки при нашем ОКБ сменил полковник Владимир Иванович Плехов. В преддверии скорого ухода на пенсию он подписывал все подряд — готовил «теплое место в ОКБ».

Братья-близнецы, Виктор и Владимир Русяевы. Украинцы, после окончания КуАИ работали в цехе сборки. Виктор женился на дочери одного из секретарей Обкома партии, жил у тестя в обкомовском доме. Они на балконе в 20 кв. м заливали каток. После окончания смены Виктор звонил в гараж, и за ним присылали «Волгу». Вскоре они перешли в ОКБ в мой отдел. Первым делом стали мне рассказывать о цеховых «секретах», как там обманывают нас. Стало противно, я прервал эти излияния. Работали они ни худо, ни бедно, а затем перешли в военную приемку. И начались чудеса: Володе дают вне лимита 3-х комнатную квартиру, пошел быстрый карьерный рост до полковников. НОМЕНКЛАТУРА! Когда Ф. Пивоваров поведал об их (его подчиненных) рассказах обо мне, я в сердцах перефразировал Ильфа — «Два брата — ренегата! Витя — гад, и Вова — гад!».

9.4.2. Клапаны, ДК и РРы

По конструктивной схеме ракеты Н1 двигательные клапаны на магистрали подачи горючего были единственными запорными устройствами при заправке бака горючего. Поэтому их герметичность и надежность в начальном положении была жизненно необходима. Об этом много раз напоминал к.т.н. Анатолий Аркадьевич Танаев, зам главного конструктора по испытаниям. Между тем, начальное положение клапана определялось чекой, которая выдергивалась пиропатроном, Назвать эту конструкцию абсолютно надежной было трудно. Я видел надежную схему такой: клапан мембранный, мембрана рвется газами пиропатрона, ударяющего по центральной втулке клапана, и он открывается до упора в чеку останова.

Начала разработку Демидова, но «текучка» заедала, и я передал работу В. Романову, который сделал изящный вариант. Мы повезли конструкцию в Головное КБ, А.Ф.Катков сопротивлялся, но Печенкин одобрил и подписал протокол о внедрении. Только дружеские отношения с руководством «Гидроавтоматики» помогли избежать скандала — изменялись корпусные титановые штамповки, которые поставлялись по кооперации. Вскоре такие клапаны начали устанавливать на двигателях 3-й и 4-й ступени. Это было

первое оформленное мое изобретение. «Лиха беда — начало», за ним пошли и другие...

Между тем, участились случаи неоткрытия клапана окислителя на стартовых двигателях — не выдергивалась чека. Давление при срабатывании пиропатрона должно было порвать мембрану чеки и выдернуть чеку из центральной направляющей втулки клапана, на которую воздействовал пакет мощных тарельчатых пружин.

Я попросил Ю. Кондрашова провести эксперименты и определить усилия, необходимые на разрыв мембраны и на выдергивание чеки. Результаты нас не обрадовали, запаса по усилию фактически не было, напрашивалась дифференциация воздействия от пиропатрона. «Раздельную чеку» прочертил В. Романов, и мы повезли чертеж к Печенкину. «Все это мы проходили» — сказал он и показал практически такую же проработку, но прочитав отчет об отсутствии запаса, предложил внедрять. Василий Романов настаивал на оформлении заявки на изобретение, но мы, боясь обвинений в плагиате, отказались. Очевидно, напрасно, авторское свидетельство и премию получил один Романов.

Затронул я отдельные эпизоды тогдашней работы. Пожалуй, этапным для нас и завода было решение Министерства передать изготовление регуляторов расхода горючего (РР) и дроссельных кранов (ДК) на завод им Фрунзе. Ранее аналогичные агрегаты изготавливал специализированный завод в Перми и поставлял в Куйбышев. Чертежи на эти узлы были разработаны в московском КБ Главного Конструктора Федора Амосовича Короткова. Он получил Ленинскую премию за агрегаты для двигателя НК-12.

Конструкторское сопровождение ДК и РРов было возложено на меня и вновь созданную бригаду, которую возглавила Ада Демидова. Ознакомившись с чертежами, мы поняли, что нас ждет. Они отражали подход, типичный для опытного производства и неприемлемый для серийного неагрегатного завода.

Началось не просто с драки, а с прямых обвинений нас в неграмотности, непонимании специфики, конструкторском неумении и т.д. и т.п. Менее чем через полгода, появилась дружба и, главное, доверие. Теперь в Москву для утверждения «Извещений на изменение чертежа» кроме меня стали ездить А. Демидова и Валерий Шубняков. Эти поездки позволяли дотошно изучить опыт изготовления специфичных деталей на опытном заводе с очень квалифицированными работниками.

Нагляден случай с фторопластовой манжетой, предназначенной для уплотнения подвижного поршня. Прочертили по чертежным размерам и ужаснулись — сделать эту стандартную деталь невозможно! Я убедил ведущего конструктора этих агрегатов

Сергея Ивановича Преснякова вместе пройти в цех на рабочее место. Седой токарь на мой вопрос усмехнулся и признался, что делает эти детали уникальным собственным резцом и не по чертежным размерам. Стандарт был исправлен.

Как у большинства талантливых конструкторов, у Сергея был далеко не ангельский характер, но мы подружились, а не просто притерлись. Нам было интересно друг с другом, я не раз бывал в гостях у него дома и был свидетелем семейной трагедии. Их единственный сын учился в Новосибирске и сгорел там от рака. Через Сергея я сблизился со старшим военпредом на предприятии, подполковником И.И. Скрыбиным, родным племянником Вячеслава Молотова, который до войны был вторым лицом в государстве после Сталина.

Очень простой, без гонора и заносчивости, он близко знал многих видных деятелей и военачальников. Они его «прятали» от глаз Хрущева, которого он ненавидел и коллекционировал карикатуры на него со всех журналов мира. Ему их подбрасывали видные знакомые. Одна из них, из итальянского журнала, стоит перед глазами: во весь разворот обложки звездное небо и земной шар, на переднем плане трос, по которому на одноколесных велосипедах едут навстречу друг другу Кеннеди и Хрущев, жонглируя атомными и водородными бомбами. Каждый одет в борцовку из национального флага, у Хрущева на одной половинке попы — серп и молот, а на другой — примостился Фидель Кастро. Великолепная иллюстрация ракетного кризиса в ноябре 1962 г.! В начале 70-х Скрыбина взяли в Генштаб.

Доводка и испытания двигателей продолжались. Замечания и дефекты лезли, как трава после дождя. Тяжелей всего продвигались насосы окислителя. Дефект насоса, как правило, приводил к разрушению двигателя. В 1967 г. Дон предложил мне возглавить отдел ТНА. Я взмолился: «Николай Александрович! Помилуйте! Только сейчас я полностью стал своим в Автоматике и... опять сначала. Поймите, огромный вал вопросов решаю я сам, к Вам доходят единицы. Убежден, что без меня они вас захлестнут». Он этот вопрос снял.

9.5. Партия

В это же время Дондуков поставил вопрос о моем вступлении в партию. Я 4—5 раз в году готовил открытые парт собрания, на которых рассматривались самые злободневные вопросы жизни коллектива. Дон мне сказал: «Неужели Вам не противно, что на закрытых парт собраниях вас поливает всякая мразь, а вы не можете даже ответить... Я дам рекомендацию».

Я был воспитан в духе преданности коммунизму и, подобно многим, был твердо убежден, что все плохое — это пережитки и ошибки отдельных личностей, хотя Ирина Эренбург и Щипа убеждали, что виноваты пороки Системы. Главным тормозом моей партийности была практика, что только партийность — ключ к карьере. И я трезво понимал, что на фоне нарастающего антисемитизма выше начальника отдела для меня пути нет. Я им и так был.

Надо самокритично остановиться еще на одном моменте. О нем уже пенсионерами мы говорили с В. Паком. Каждый из нас не был добреньким, мы называли вещи своими именами безо всяких ухищрений. В коллективе, наскоро собранном, не имеющим конструкторских традиций, это воспринималось болезненно и нелюбезно. Одно дело, когда мне Катков, Крючков или Печенкин скажет (или скажу я), что это «херня» или глупость, другое — когда такое слышит человек неподготовленный и убежденный, что его просто унижают. Безусловно, эта прямота, присущая почти всем Затуловским, сильно усложняла нам жизнь.

Тем не менее, меня приняли в члены КПСС. При окончательном утверждении в парткоме завода, — он был на правах райкома, — Секретарь В.И.Горбунов представил меня так: «Это — главный по ДК и РРам» — и напоследок задал провокационный вопрос: «Вы, конечно, ознакомились с «Программой КПСС. Как вы относитесь к утверждению, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Вы верите в это?» Все замерли. Я внутренне вздрогнул — «вот сволочь», собрался и ответил: «Вопрос состоит в том, что понимать под «нынешним поколением», если — я, то не доживу, а если — мои дети, то верю. Иначе и жить нельзя». Сошло.

У меня всегда складывались непростые отношения с теми лицами, которые фактически делали «общественную работу» своей основной специальностью, подменяя ею основную. В большинстве это были довольно скользкие и мстительные люди, четко улавливающие все колебания «линии Партии», особенно в вопросах отношения к евреям. Среди них водились и «наши». Антисемитов я ощущал «спиной» и физически не переносил. «Любовь» была взаимной. А тут еще стычка с нач. первого отдела полковником МГБ в отставке Гавриловым. Мразь это была первостепенная и большой любитель женщин. С женой он не разошелся (нельзя!), но открыто жил с моей сотрудницей, незаурядной женщиной, хорошим организатором, окончившей Бауманское. Зачем-то она решила подучиться и в авиационном, хотя я ее предупреждал, что учеба не даст ей возможности полностью раскрыться на работе, а на карьере вряд ли повлияет. Она не вняла моим словам и после получения второго диплома прибавлений не получила, «работай в

полную силу и начнешь расти» — был мой ответ. Она внешне восприняла это спокойно, но сожитель несколько раз упрекнул меня.

В КБ попала самиздатовская книга английского автора «Новое в технике современного секса». Размножил ее и распространил помощник Главного конструктора Дима (русская интерпретация татарского имени) Манеев, бывший парторг, считавшийся моим недругом. Гаврилов «засек» его со своей инспекторшей, которой «пользовался» сам и жаждал мести.

Один экземпляр этой книги был у меня, и в столовой я рассказал ее содержание своим мужикам. Один из них донес Гаврилову. Убеденный, что я с удовольствием утоплю «этого татарина», стал ласково меня расспрашивать, цель разговора я раскусил мгновенно и невинно спросил — «У вас с этим проблемы? Я вам достану такую книжку. Она издана в ГДР и ее купили в Москве». Это была чистейшая правда, только я говорил о другой книге.

До него это дошло, тон стал суровой и требовательней, но «продавать» кого бы-то, ни было, я не собирался, и получил открытого врага.

Вообще доносы на себя я ощущал всю жизнь. В Свердловске писал «партийный активист» Виктор Гагаев, об остальных — ниже.

9.6. Семья, окружение

Когда Аллочка пошла в школу, Валя успевала в обед прибежать с работы покормить ее. До возвращения мамы дочка в основном была у подруги Ольги Блиновой, которая жила с мамой, врачом-педиатром Марией Андреевной. Надо признаться, что их влияние по некоторым вопросам на нашу дочь было неимоверно большим. Конечно, доченька, ты с этим не согласишься, нас этот факт также не украшает, но куда от правды денешься.

«Спорт портит фигуру девушки!» — и дочь бросила волейбольную секцию, где играла весьма успешно. Также прекратила делать утреннюю зарядку, к которой приучали в детском саду. «Все мальчишки — дураки, с ними нечего дружить...». Оля росла нескладной и некрасивой, зато с очень большим гонором. Мы неоднократно пытались убедить Аллу, что не всегда и не во всем Блиновы правы, но... думаю, что это она поняла только после своей свадьбы.

Между тем тайное стало явным. Директора детсада, куда водили сына, уличили во взяточничестве, всплыла и наша фамилия. Когда я приехал с работы, Валя рыдала: «Теперь меня посадят, куда деть Аркашу?». Пришлось звонить Дондукову и честно рассказать обо всем. Он удивился, почему не сказали ему раньше об этой проблеме, и в ответ на мое мычание предложил завтра же задержаться здесь, на Управленческом, и успокоить жену. Утром с

моим заявлением он пошел к директору Моторного завода Маркину. Через полчаса вернул его трех минутах ходьбы от дома. Заведовала им умная и «неберущая» жена полковника Плехова. Она долго болела и рано умерла.

А 1 сентября 1969 г. торжествующий дед отвел внука в школу. На этот раз мы тщательно продумали этот акт. Узнали, кто будет вести первые классы, и с трудом убедили, чтобы его взяла к себе очень опытная и умелая преподавательница. Также, как и Аллочка, до школы он умел читать, складывать и вычитать. А вскоре на примере наружного термометра я пояснил ему, что такое отрицательные числа и как с ними обращаться. Однажды я попал домой днем и вижу — сын лежит на диване и читает какую-то книгу.

— Что ты читаешь?

— «Чрево (ударение на О) Парижа»! Такая интересная книжка...

Этот роман Золя я пытался осилить несколько раз, но так и не смог одолеть до конца. А тут первоклашка! С большим трудом убедил его, что есть книги гораздо интереснее, особенно Дюма, А. Гайдар, Н. Островский и др. Правда уже седовласый, сын упрекнул меня в том, что не приучили его к поэзии, да и книги «были не те». «Насчет» стихов — справедливо, а «Как закалялась сталь», на мой взгляд, — стоящая книга.

Мне было уже за 75, когда и дочь достаточно веско начала меня упрекать в том, что не пошла в танцевальный кружок, о котором мечтает всю свою жизнь. Она и сегодня танцует очень неординарно.

— Так ты же об этом ни разу не обмолвилась!

— Я уверена, что ты бы запретил?!...

Этого абсолютно не могло быть, потому что мы только бы обрадовались тому, что она как-то оторвется от влияния Блиновых.

Весной 1970 г. отцу дали однокомнатную квартиру (кухня — 4,5 кв. м, совмещенный санузел). Дом престижный, в хорошем районе, недалеко от Волги. Он был заполнен отставными гражданскими и военными пенсионерами. Вокруг не было асфальта, машина с вещами застряла в грязи.

Из всех «начальствующих» жильцов председателем домового комитета избрали беспартийного В.И. Затуловского. У него не было ни дачи, ни машины. Через год двор был признан образцовым.

В 1964 г. у Лени с Людой родилась Танечка, а года через 1,5—2 он с семьей поехал в длительную командировку в Венгрию на строительство нефтеперерабатывающего завода, где пробыл более 2-х лет. Как в раю! Только что, по его рассказам, атмосфера в среде советской колонии была настолько отравлена крохоборством, подозрительностью и доносами, что он запросился домой досрочно. В Сызрани не остались, а устроились на строящемся

автогиганте в Тольятти. Леня стал начальником Монтажного отдела Промышленного УКСа, Люда — в проектно-монтажном отделе.

От них мы узнавали новости и особенности Автозавода. Удивляли многочисленные ошибки в итальянских документах. Их устраняли наши и за свой счет, хотя по правилам за каждую ошибку можно было брать с них неустойку и почти на треть сократить затраты, но никто не решался портить отношения с итальянцами, а венгры этим пользовались довольно эффективно.

На ВАЗе ставку сделали на молодые кадры и отобрали работоспособных, деловых и энергичных. Инициативу всячески одобряли, что нетипично для советской экономики, в которой преобладали «инициатива наказуема» и «пусть хуже, но по — моему».

Послевоенная изоляция СССР и «холодная война» во многом заставили промышленность вариться в собственном соку. Поскольку основное внимание уделялось оборонным отраслям, то необоронные оказались в застое. Это не могло не отразиться и на оборонных, т.к. станочный парк устаревал, современного оборудования не хватало. Сильно отставало качество металла из-за того, что планировалось только количество в тоннах. Поэтому ВАЗ стал образцом современного производства, как по технике, так и по организации. Чего только стоила вазовская система питания — 15—20 минут на обед при отличном разнообразии меню, — на авиазаводах еле-еле укладывались в 1 час.

Меня поразило, что Куйбышев с Тольятти связывало узенькое, разбитое, вечно забитое машинами шоссе, хотя Куйбышев был перевалочной базой для поставок в Тольятти. На простоях в пробках терялись миллионы рублей. Лишь в середине 70-х выделили деньги на строительство двухполосной бетонированной автостреды, в 2/3 которой с помощью обкома партии уложили непрочный доломит вместо гранитовой щебенки по проекту. «Экономия» привела к необходимости постоянных затрат на ремонт.

Членство в партии требовало участия в общественной работе, которую после выхода из комсомола я не переваривал. Выбрал то, что мне было по душе — лекторскую работу в обществе «Знание». Руководитель общественно-политической секции заводского отделения, Л.А. Зуева, начальник 1 отдела завода, кадровый чекист, была ЧЕЛОВЕКОМ в самом хорошем смысле. Она сделала меня своим заместителем, и мы вели борьбу за качество лекций, как по содержанию, так и по умению довести его до аудитории. Учитывая, что лекции такой тематики были популярны, и этим часто пользовалось начальство и его приближенные, эта сторона нашей деятельности положительно воспринималась далеко не

всеми. Мы не пропускали текст, переписанный из газеты или журнала, что многим очень не нравилось.

Впервые я почувствовал это, когда представил на обсуждении лекцию о первом советском президенте — Я.М. Свердлове. Я перелопатил массу книг и узнал много нового о нем:

— во время ссылки в Туруханский край он и Сталин из друзей стали недругами, — Сталин отказался делиться посылками из Грузии с неимущими политссыльными;

— только Свердлову абсолютно доверял Ленин, вплоть до заключительного слова на ряде ответственных собраний;

— только Свердлов поддержал в вопросе о Брестском Мире Ленина;

— погубил он себя в возрасте 37 лет, когда, возвращаясь из Харькова в Москву с температурой около 40°, не мог не выходить из вагона на всех крупных станциях и не произнести речь перед ожидавшими его тысячными толпами.

Критика Сталина была встречена членами секции негативно, с предложением смягчить текст я не согласился, и... пошли анонимки о сионистской направленности моих лекций.

Конечно, можно было бы, как сейчас принято в Израиле, назвать себя «борцом за сионизм». Этого не было, просто я в своих лекциях на международные темы (они были популярны — Затуловского заказывали) избегал освещения событий на Ближнем Востоке, благо тогда было много более злободневных событий.

В начале 80-х Зуева, уходя на пенсию, рассказала мне, что в 71 г. после очередной анонимки в парткоме было предложено запретить мои лекции. Она взвилась — «Это ложь! Это от зависти! Я найду этого мерзавца. Предлагаю записать на магнитофон его лекции и прослушать, только после этого принять решение». Так и поступили. Тайно записали три моих беседы в разных местах и... успокоились, очень понравилось. «Мерзавца» она нашла. Это был один из замов начальника производства, активный член нашей секции, но очень косноязычный.

Примерно в тоже время я почувствовал изменение по отношению ко мне со стороны Дона. Иван Чезганов узнал, что в партком на меня поступило очередное заявление...

Суть дела. При появлении очередного дефекта на регуляторе РР15 военные остановили цех 10 до получения согласия Москвы на предложенные нами мероприятия. Я позвонил в Москву Сергею Преснякову, умоляя его согласовать их со Скрябиным и срочно сообщить мне по телефону. Около 10 час вечера он позвонил мне домой и передал телефонограмму. Я немедленно связался с дежурным в приемной директора, попросил принять телефоно-

грамму и передать в цех 10. «Это не мое дело». После долгих и бесплодных попыток уговорить его, я вскрикнул — «Дубина ты, неумная», — и бросил трубку. Он тут же накатал «телегу». В ней было — «...об эту дубину споткнулась германская армия» и т.п. Кроме того, лично пожаловался Дондукову. Тот пообещал ему наказать обидчика.

Узнав об этом, я решил упредить события и зашел к Главному Инженеру завода П.А. Захарову и рассказал обо всем. Тот вскрипел: «Так ты же интересы завода отстаивал,...не дубиной его назвать надо было, а послать...(он указал точный адрес)» схватил трубку прямого телефона и обратился к Дону: «... не смей за это Затуловского пальцем тронуть! С парткомом я сам разберусь». Вопрос был решен — обиженный Шляпников забрал свое заявление.

Вернусь к лекциям. По собственной инициативе я подготовил лекцию о Фридрихе Энгельсе. Я перерыл кучу источников и был очарован этим человеком. Вот уж действительно ПРОРОК! Советская официальная пропаганда не очень разливалась по его биографии и трудам. Поздний Энгельс находился фактически под запретом из-за высказываний, идущих вразрез с партийной идеологией. Приведу два примера:

— вооруженная борьба (революция) — необязательное условие достижения власти рабочим классом, возможен и парламентский вариант;

— пока действующая экономическая система не исчерпает ВСЕ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ, она — непобедима.

Жизнь показала справедливость этих слов.

В начале 71 г. я опять в порядке инициативы создал (именно, создал, т.к. не пользовался никакими «подсказками») лекцию «Наш советский образ жизни». Она всегда вызывала активную реакцию аудитории, иногда переходящую в дебаты, потому что содержала три положительных момента и пять критических под соусом — «что не ценишь, то легко потерять» и «чтобы улучшить нашу жизнь, необходимо периодически критически ее анализировать». Я постоянно вносил в нее актуальные коррективы и читал до 1987 г., несмотря на запрет в 1982, об этом позже. Из того, что обо мне писали, как о лекторе, сохранил и привез заметку в заводской газете, которую написала сотрудница газеты — профессиональная журналистка. Ее оценка мне очень дорога.

Часто «выходил в народ» с лекциями редактор многотиражки. Грамотный, интересный текст доносился монотонным, безучастным и бесчувственным речитативом. Все попытки как-то раскачать его были безуспешны. От газетчиков я узнал секреты редакционной кухни. 80% заметок писали члены редакции под

псевдонимами, а остальные — они же, но согласовывали с «авторами». Как все это похоже на русскоговорящую прессу Израиля.

Вернусь к детям. По настоянию бабушки и при его содействии купили пианино. Уговорили дочку посещать кружок при Доме Культуры. Первые уроки делали вместе. Затем она начала немножко играть, но что самое важное, у нее прорезался музыкальный слух и интерес к музыке, которые ранее не просматривались. Года через три попытались уговорить сына. Его категорическое «нет» преодолеть не смогли, только в 8-м классе, получив в руки гитару, он признал, что «наверно, надо было...».

Валя почувствовала что-то неладное с первоклассником Аркашей. Стала водить по врачам. «Все в норме, просто горе от чересчур грамотных родителей». Она не успокоилась и дошла до Неврологического института, где предположили, что это — хорея, ревматизм нервной системы. Лечили долго и не очень успешно, пока мама Валя категорически не настояла, чтобы я нашел в Москве гомеопата. С помощью родственников нашел старого врача, окончившего еще до революции Дьертский (ныне Тарту) университет. Я описал все симптомы, он вздохнул — «Первый раз в жизни лечу отсутствующего больного», — и выписал рецепты. **ВЫЛЕЧИЛ.**

Поселок Управленческий находился в 15 км от окраин города. Кругом лес. К сожалению, грибы в нем при нас быстро вытоптали. Жителей, 85% из них — работники Моторного завода, объединяла одна страсть — стремление приобрести личную автомашину. Люди лезли в долги, перебивались «с хлеба на квас», чтобы занять «авто». В московском автомагазине на Бакунинской удивлялись: «Что в Куйбышеве на улице С.Лазо живут самые богатые люди?», — т.к. преобладали покупатели с этой, самой длинной в поселке улицы. В этой атмосфере моя жена не могла ни заразиться. Начались разговоры на тему «у всех есть...»

Я был пассивен, может быть, просто боялся. Ведь сидеть за рулем не приходилось. Я с помощью арифметики доказывал, что при таких страшных ценах проще всю жизнь ездить на такси. В марте 1969 г. мне на работе предложили «взять» «новый «Запорожец». «Берем...» — настаивала Валя. «Так у нас же нет таких денег!» — надо было 3000 руб. «Найдем, одолжим, отдадим!», «Начинай собирать...»

Где-то года за три до этого сослуживец попросил меня сдать в автомагазин в Москве открытку с его данными для записи в очередь на автомобиль «Волга». После, когда на черном рынке цена «Волги» достигла 20 тысяч при номинале 5,5, я понял, что я — простофиля. Надо было также отдать открытку на себя или на отца. Один бывалый человек по такому поводу выразился так: «Если будет очередь даже на никелированные бульдозеры, — я запишусь».

Я говорил, что у нас с деньгами было очень трудно из-за болезни сына и связанного с этим «сидения Вали на справках». В 1966г Валя с сыном уехали в Евпаторию на два месяца. Она взяла все наши деньги. Как-то после работы столкнулся с бывшим моим работником. Увидев меня, он очень обрадовался: «Е.В! Выручайте! Я могу купить кооперативную квартиру, но не хватает двух тыс. руб. Одолжите, пожалуйста! Хотя бы на три месяца под расписку...». «Виталий, пойдем ко мне, сколько есть — все твои». Пришли, я достал из ящика две сберкнижки и дал ему. Перелистав, он с потухшими глазами обратился:

— Зачем мы шли сюда?

— А, не увидев, ты разве поверил бы!

— Нет...

В одной оставалось 45 руб., в другой — 10. За все время суммы в 2000 руб. не было. Хотя злословный пересуд — «Затуловские покупают «Запорожец», как будто «Волгу» не могут» — доходил до нас. Пожалуй, наиболее четко сформулировал подобные настроения позднее в разговоре с Валею «старейший член КПСС ОКБ-2» Феофан — «у всех евреев всегда много денег и золота».

Надо было думать о гараже. Года за полтора до этого мне предложили вступить в гаражный кооператив. Цены на стройматериалы были очень низкие, новый гараж обошелся бы рублей в 250. А гараж нашла Валя за 600. Дешево! Когда я впервые в него зашел, в нем стояла «Волга». Полез в погреб и вздрогнул: потолок из 20—25 мм, сгнивших, засыпанных землей досок, Автомашину убрали только через месяц, и тогда пошли в гараж я и Ваня Чезганов. Я взял его за руку и ударил одной ногой по автомобильному следу — перекрытие погреба рухнуло.

За лето убрали землю, углубили и расширили погреб. Это была каторжная работа — 2/3 высоты и пол — из доломита. Вырыли смотровую щель посередине гаража. Погреб обложили кирпичами солдаты за 25 руб. с их раствором, а смотровую яму — я сам с помощью жены. Мастерок взял в руки впервые в жизни. Процесс перекрытия погреба описан Чезгановым в поэме к моему 50-летию. Затем мы с Валюшей перекрыли крышу рубероидом на битумном горячем растворе. Надо было бы учиться вождению, но все свободное время съедали гаражные хлопоты.

В начале ноября в автомагазине предложили ехать за автомобилем в Запорожье и гнать ее от туда самостоятельно, в таком случае завод продаст вариант с мощностью двигателя 40 л.с. вместо положенной — 32. Я согласился, и 2 декабря наша группа «смелых людей» попала в Запорожье. Этот вояж был бы не мы-

слим без помощи Дона. Вместе со мной «в командировку» выехал старший мастер цеха сборки Володя Усачев.

Все предложенные машины имели окраску цвета светлой синьки, одну предложили за дополнительные 200 руб. экспортную — белый перламутр. Ее взял я... и вляпался.

В сумерках 3 декабря в дождь мы взяли курс на Харьков, ехали одни, остальные — часом раньше. Через 50 км пути выяснилось, что не работает бензиновая печь-обогреватель и стучит один из клапанов.

В Харькове в гарантийной мастерской нам отрегулировали клапан и наладили печь. Когда выехали, пошел снег, и печь опять не включилась, а вскоре застучал все тот же клапан.

Примерно в 50 км от Белгорода мотор заглох, попытались снова отрегулировать клапан. Остановился «дальнобойщик», загородил кузовом от ветра и помог наладить двигатель. Затем предложил нам ехать впереди его «на всякий случай». Доехали до автокемпинга на въезде в город, площадка перед ним забита машинами. От денег добрый человек отказался, от спирта — нет. Ночевали в туалетном домике в умывальной комнате на столах. С рассветом тронулись в путь по голому льду. Дважды при обгоне сваливались в обочину, засыпанную снегом, поэтому даже царпин не осталось. На подъезде к Орлу посередине длинного подъема заглохли опять. Остановили и уговорили молоденького водителя грузовичка взять нас на буксир. Он согласился только до пригорода. Пока ехали, я рассказал о нашей одиссее и, когда начали отвязывать буксировочную парашютную стропу, он сказал, что отвезет нас через весь город до «гарантийки», иначе мы не успеем. Довез и отказался взять обещанные деньги — «Вам еще они понадобятся». Все — таки, хороших людей много!

В 16.45 мы зашли в мастерскую, слесаря уже сидели за праздничным столом, ведь назавтра, 5 декабря, — День Конституции. Я взмолился о помощи и, в конце концов, заехали в помещение. Диагноз был скор — сломалась штанга толкателя. О скором ремонте и продолжении пути не могло быть и речи. Мы добрались до ближайшей гостиницы, поужинали и стали думать о дальнейших шагах. Чем ждать 3 дня до конца праздника, решили как-то добраться до Москвы. Доехали до трассы, договорились, погрузили «Запорожец» в кузов и... вперед через Курск, Тулу в столицу. Вдоль всего пути попадались разбитые машины — следствие вчерашнего гололеда.

Тетя Белла активно воздействовала на дядю Мишу, и он поехал с нами в Теплый Стан, где с трудом нашли запорожский центр. Там мне за один день заменили двигатель новым. Без д. Миши эта

операция длилась бы неделю. Дорога в Куйбышев была чистой и печка работала. Из нашей группы одна машина разбилась основательно, а две ремонтировались в пути. Так началась моя автомобильная биография.

31 мая 1970 г. я экстерном сдал экзамены и получил водительские права. Буквально на следующий день пришлось ехать через весь город в больницу к Аркаше. Езда в городе была тогда очень тяжелым делом, т.к. правила движения были весьма сложны и ими практически никто не руководствовался. На Управе действовал не писанный закон — «в город новичку можно только через год».

10. ОТДЕЛ № 6

10.1. Помощники. Кадры

Окончательно мой отдел сформировался к 1967 г., он состоял из следующих подразделений:

— Бригада клапанов двигателей ДМ (3-я ступень) и Л (4-я), которые мы вели полностью самостоятельно. Возглавил ее В.В. Быков, грамотный конструктор и организатор, он значился моим замом, но в работу соседей не вникал. К сожалению, с каждым годом его все более занимали проблемы симбиоза с двумя женами, поэтому моя потребность творить новое вызывала у него пассивный протест и недоумение — «зачем это надо, ведь только начали нормально работать». К счастью создание нового активно поддерживал Василий Романов, хотя во все заявки на изобретения мы вносили Быкова всегда.

— Бригада РР и ДК, Ада Демидова. После клапанной горячки первых лет эти агрегаты стали вопросом №1. Деятельность завода по освоению и их производству находилась под постоянным контролем Министерства. Характерный случай. Я шел по министерскому коридору и встретил группу во главе с НД и директором завода Л.С. Чеченей. Кивнув мне, Генерал сказал — «Идемте с нами». Мы вошли в кабинет зам министра Ворожбиева, где после краткого доклада о состоянии со сборкой двигателей, Леонид Степанович произнес следующее: «... так работать не возможно! Нас замучили изменениями. Вот полюбуйте: какой-то Затуловский пишет начальнику цеха о необходимости изменить размер в детали, а весь задел забраковать. И это в нарушение всех правил и согласованной инструкции о порядке внедрения изменений через Комиссию при Главном Инженере». Он передал Ворожбиеву какой-то листок, тот прочел и обратился к Генеральному: «Нико-

лай Дмитриевич! Это безобразие! Это недопустимо! Такие поступки требуют сурового наказания...»

«Промедление смерти подобно» — дошло до меня. Я подошел к зам министра и со словами «Я — тот самый Затуловский» попросил этот листок. Это была Служебная записка с напоминанием о том, что с такого-то числа внедряется извещение №..., согласно которому изменяется размер..., а задел бракуется. Фамилия моя, подписала Демидова. В конце я сказал, что вижу эту записку впервые и, если бы пришлось подписывать, то добавил бы номер протокола Комиссии. На Чеченю смотреть было жалко, Ворожбиев развел руки в стороны, НД перевел разговор на другую тему. А если бы меня не было в кабинете, появился бы приказ по ЗГУ с оргвыводами.... Это типичный пример поведения на производственных совещаниях тех времен: главное, найти отсутствующего и свалить на него все, а пока разберутся, доделать недоделанное. Очень точно, по-моему, отразил этот настрой в стихотворении «Волчья стая» сослуживец Верещагин.

Демидова погрузилась в работу целиком, иногда приходилось притормаживать ее требовательность к подчиненным.

— Бригада телеметрии и КОРД возглавлялась Володей Харченко. Бывший начальник техбюро цеха испытаний ракетных агрегатов быстро вошел в курс дела, но так и не сумел постоянно контролировать и распределять работу подчиненным. На его рабочем столе под стекло я положил записку — «Помни!» — своего рода напоминание о качестве работы с составом бригады.

— Группа регулирования и пневмогидравлических схем во главе с Леонидом Тишанским работала на «удовлетворительно» без особого энтузиазма. На него неоднократно жаловались подчиненные. Я пытался его перевоспитать, т.к. мне импонировало то, что он при работе со смежниками без дрожи входил в любые кабинеты и неплохо решал текущие вопросы, а их было много. Честно говоря, то, что я от него не избавился, дорого обошлось впоследствии.

— Бригада клапанов двигателей С (1-я ступень) и СВ (2-я) состояла из работников КБ Квасова, работала под моим контролем, но все техдокументы утверждались в Головном ОКБ на Управленческом. Ею руководил Юрий Кондрашов из бывших комсомольских кадров. Он считался моим «любимчиком», т.к. меня восхищала его старательность, преданность работе и организаторские способности, особенно в первые годы становления бригады, когда его «натаскивала» Демидова, жадность, с которой он вникал в азы и практику конструкторской работы. Я при любой возможности старался «сделать чужаку премию». Хотя однажды он меня

огорошил возгласом — «...10-м цехом правят одни евреи!». Позднее я понял, что это — следствие настроения в семье.

Кадры были далеко не равноценны, даже при одинаковой должности и зарплате, как по умению, так и по отношению к работе. С какой тоской вспоминал я ребят из ОКБ-9. Если бы не жилье, многие бы приехали, а не только одна Демидова.

Вася Романов имел изобретательский дар, но доводку как-то не воспринимал. А вот Володя Лакеев был доводчик, но не творец. Прекрасно работала Нина Сидоренко, она у нас защитила диплом и стала конструктором, достигла 2-й категории, а вот 1-ю я ей дать не успел, а жаль. Вместе с ней защищала диплом Людмила Чижова (Постникова). Она была в числе первых трех моих работников, но работала всегда «от сих до сих». Валерий Шубняков, техник по образованию, отличался обстоятельным и глубоким подходом к любому заданию. С таким человеком без колебаний можно идти в разведку. Николая Малохатку я оценил поздно. Его надо было ставить вместо Тишанского. С моей подачи его взял к себе Чезганов и искренне благодарил за такого работника. Валентин Мысин входил в работу непросто, вначале были к нему серьезные претензии, но стал хорошим конструктором, я в нем не ошибся. Заметен был Олег Ионин, грамотный, толковый инженер был крайне робок в командировках. От алкоголизма избавился только благодаря моей настойчивой угрозе исключить из партии, хотя его жена, также работавшая у меня, была убеждена, что он «пьет, как все».

Я упомянул далеко не всех. В целом подобрался здоровый, работоспособный и дружный коллектив. Летом мы работали 7 дней подряд на 1 час больше, а затем по договоренности с Доном в пятницу устраивали «день автоматике» в разных живописных местах окрестностей Куйбышева. Общий стол, танцы, вода, футбол... сплачивали людей. Это мероприятие было с завистью и недоброжелательностью воспринято окружающими и после нескольких наветов пришлось его прекратить, но вспоминали еще многие годы.

10.2. Взаимоотношения

То, что в Свердловске называли «обслуживанием производства» отнимало почти 100% рабочего времени. Я повторяюсь, может быть, но требования в чертежах были очень жесткими и по точности и по составу испытаний, подчас из-за перестраховки, а иногда из-за не достаточного понимания физики процесса, да и оснащенность производства была еще не достаточной для обеспечения заданных требований. Отклонений от размеров было много, и по каждому надо было принять и обосновать перед ОТК и

военпредом решение. По агрегатам 1 и 2 ступеней, а также по общим документам надо было согласовать и с Управой. Во многих случаях при анализе причин отклонения от чертежного размера мы убеждались, что требуется корректировка чертежа, также не менее часто настаивали на жестких сроках уточнения техпроцесса, изготовления необходимого инструмента, оснастки, мерителей и т.п. Мы старались изъять популярную причину отклонения — «ошибка исполнителя», за которой прятали истинную. Иногда в спорах доходили до личностных выпадов, особенно в первые годы работы. Со временем большинство производственников осознали положительную роль ОКБшников при заводе.

При разборке двигателя С после стендового испытания на регуляторе РР-15 обнаружилась трещина на золотниковой втулке дифклапана. Шум поднялся невероятный, ведь более двух десятков двигателей было уже смонтировано на ракетный блок. На завод приехали ученые-металловеды из ВИАМА (институт авиаматериалов), Зам гл. конструктора и Пресняков от разработчика, другие специалисты из Москвы. Активное участие в исследованиях принял тогдашний главный инженер завода Петр Акимович Витер. После долгих разбирательств и споров заключили, что причина дефекта — это большие поверхностные напряжения при шлифовании высокопрочной стали 9х18. Мероприятия мы внесли в общие техусловия на двигатели: ограничили величину захвата металла на проход круга, ввели отпуск в кипящем масле не позднее 6 час. после операции и обработку холодом. Все было внедрено немедленно, но только в ракетном производстве. С аналогичным дефектом мне пришлось столкнуться еще два раза, но уже в авиации. Дикость! Но это — лирика. Как быть с двигателями, установленными на ракету? Я предложил прорентгенировать каждый регулятор с помощью переносной камеры. Методику на практике отработали в течение 2-х дней, сначала в лаборатории, затем в сборочном цехе, Конечно, мы старались максимально уберечься от Re-лучей, но кто знает... Я только в лаборатории провел непрерывно две смены. Результаты нашей работы удовлетворили даже военпредов. Обученную бригаду послали на полигон. Выявили один двигатель с аналогичной трещиной, его сняли, остальные нет.

Н.Д. Печенкин не скрывал, что считает Дондукова «высочкой», тот платил ему адекватно. Все это, конечно, сказывалось на взаимоотношениях с коллегами из Головного ОКБ. Вроде бы «притерлись» с А. Катковым, как пришлось все начинать с Александром Ивановичем Крючковым, Константином Шмагиным и Александром Крюковым (благословенна память всех их). У многих так и лезло наружу чувство превосходства, я называл его «упра-

вленческий шовинизм», Безусловно, во многих вопросах они поначалу были впереди, но в особенностях работы с серией отстали далеко. Сказывались и мои личные черты. Я никогда не мог (и не могу) терпеть, когда мне без моей просьбы навязывают «как это сделать», достаточно того, «что надо сделать», а «как» только, если попрошу. Однажды перед командировкой в Арзамас Печенкин начал мне подробно объяснять, что я должен говорить при неоднозначной моей миссии. Он дошел до таких деталей, что я не выдержал и перебил его: «А на это они мне скажут — пошел ты к е...!» Он и окружающие не ожидали такого, но он, не изменяя тона, продолжил: «...на это ты скажи...». Я поднялся: «Николай Демидович! Простите! Если Вы мне доверяете, то не волнуйтесь... выкручусь. А если нет, пусть едет другой! Мне задание понятно, а как пойдет разговор, предугадать не возможно». Все оказалось не так сложно.

«Текучка» меня тяготила и не удовлетворяла, тянуло к творчеству, и я старался увлечь к нему своих. Понимали меня не все. Опирался на Романова, Демидову и Кондрашова. Медленно, но постоянно появлялись новые конструктивные предложения, оформлялись заявки на авторство. Кстати, ни одного отказа мы не получили.

10.3. Байконур, ЛКИ

В январе 1968 г. я впервые попал на космодром Байконур. Настоящий поселок с таким именем расположен примерно в 600 км восточнее, а этот южнее Аральского моря у желдорстанции Тюра-Там. Центральный городок — Ленинск, как называется сейчас — не знаю. Наша площадка находилась в пределах видимости примерно в 50 км от «Гагаринского Старта» (площадка № 2).

Поразил своей громадой МИК: площадь — больше футбольного поля, высота — не менее 60 м. Фантастически выглядела ракета Н1 и составляющие ее блоки. Кое-что резало глаза, особенно, открытость кабелей КОРДА. По приезде я рассказал об этом и др. более мелких вопросах Дону и предложил доложить Генералу. Он подумал и сказал — «Лучше не надо, а то обидится Танаев (зам по испытаниям)». Настаивать я не стал, а зря. К сожалению, я неоднократно не прислушивался, а то и противоречил тому, что называют «внутренний голос», и чаще жизнь была за это.

Стартовый комплекс еще был готов, но его габариты впечатляли. Пребывание на полигоне омрачала погода — мороз -40° С с ветром, тепло было только в МИКе, а в гостинице квартирного типа ночью укрывались всем, что есть. Вторых одеял не хватало. Запомнилось раннее утро отъезда. Нас обязана была со-

проводить до наружного КПП (контрольно-пропускного пункта). Галочка в кожаных сапожках, бедная. Я в зимних сапогах-ботинках думал, что потеряю замерзшие ноги. С боем взяли такси и еле-еле успели на скорый поезд Ташкент-Москва и отогрелись только в мягком вагоне. На станции Казалинск (Аральское море) платформа была заполнена продавцами замороженной рыбы. Положенный под мягкий диван замороженный жерех длиной более метра благополучно доехал до дома.

Второй раз попал туда в конце мая. Жара — свыше 30°, регулярно налетает «Бабай», двух — пятиминутный порыв ветра с мельчайшим песком скоростью свыше 20 м/сек. В Ленинске около реки Кызыл-Дарьи мою голубую, нейлоновую рубашку «Бабай» за считанные минуты перекрасил в желтовато-песчаный цвет. В это время я, как и все, стоял, плотно закрыв глаза. Приятно удивили магазины городка изобилием всего, что считалось недоступным, глаза разбегались. Отсюда мне ребята-испытатели прислали холодильник «Ока-3».

21 января 69 г. состоялся первый пуск комплекса Н1-Л3. На 68 сек. по ложной команде системы КОРД, вызванной перегревом ее проводов, остановились все двигатели 1 ступени. Неудачу «предсказывали» опытные «пускачи» — после установки ракеты на старт бутылку с шампанским бросила не женщина, а мужик, и бутылка разбилась не об корпус ракеты, а об ферму.

Второй пуск Н1-Л5 состоялся 3 июля 1969 г. и закончился катастрофой. Я присутствовал на заседании аварийной комиссии в зале НТС на Управленческом. Присутствовали видные специалисты из ОКБ-1 (Королевское КБ возглавлял тогда академик В.П.Мишин), КБ Н.Д. Кузнецова, НИИ-1 Минобщемаша (ракетная промышленность), НИИ-4 Минобороны, ЦИАМа (ин-т авиамоторов) и др.

Вначале показали цветной документальный фильм об этом пуске. Уже на старте произошел хлопок около двигателя №8 и повалил черный дым. Ракета пошла вверх, и на 5 сек. вдруг все двигатели выключились. Столбчатая громада, заполненная керосином и кислородом, рухнула на старт. Взрыв, огромный пожар уничтожили стартовое сооружение полностью.

В процессе обсуждения бросалась в глаза удручающая картина — каждый выступающий защищает «свое ведомство», а не пытается объективно установить ИСТИННУЮ причину произошедшего. Специалисты ОКБ-1 и сегодня утверждают, что причиной аварии было разрушение насоса окислителя двигателя №8, а кузнецовцы после скрупулезного анализа записей телеметрии и «останков» убеждены, что из-за плохой очистки осталось масло в полости датчика пульсаций в магистрали окислителя, которое

привело после соприкосновения с кислородом к локальному взрыву и отрыву мембраны датчика. Мембрана попала в насос окислителя ... и взрыв.

Все понимали, что советская лунная программа затормозилась минимум на 2—3 года, т.к. раньше восстановить стартовый комплекс было не возможно, а американцы уже гуляли по Луне. Жизнь доказала, что система, основанная на выборочном испытании одного двигателя от партии вместо испытаний каждого двигателя, себя дискредитировала.

11. «МНОГОРАЗОВЫЕ» ДВИГАТЕЛИ

11.1. Разработка. Наш вклад

Стала очевидной необходимость огневого испытания каждого двигателя. Проблема заключалась в одноразовости всех запорных узлов — клапанов с пиротехникой. Их замена на новые, непроверенные после испытания отнюдь не повышала надежность. Сложилась патовая ситуация. И тут конструктор Бобух предложил использовать нарастающее давление компонента при раскрутке насосов для самооткрывания клапана, отказавшись от принудительного открытия по команде от системы управления. При этом качественно упрощалась конструкция двигателя и система его запуска, а если обеспечить полное удаление горючего из «заклапанного» объема, то исключалась необходимость переборки двигателя после огневого испытания. Он становится как-бы многоразовым. Революция в ракетном двигателестроении! Естественно возникла необходимость в гарантированной герметичности посадки клапана на седло при закрытии, а также возникли и другие сложные вопросы практически по каждой составной части двигателя.

Коллеги из Головного ОКБ приступили к интенсивной работе. Узнав об этом, я предложил своим начать аналогичную разработку для наших двигателей и доложил об этом Дону. Тот одобрил мои планы, но первый зам, ответственный за ракетную тематику Н.Г. Трофимов, предложил подумать, «а нужно ли это для двигателей 3 и 4 ступеней?». Мы работали, а «мозговой центр» в составе Трофимова, Черкасова и Балаклеяца при активном содействии Степы пытался обосновать ненужность этой работы.

Поскольку названные лица сыграли немалую роль в моей биографии, остановлюсь на них подробнее.

Николай Григорьевич Трофимов из «управленческих кадров» заменил Карпилова на посту начальника ОКБ-2. После первых встреч с ним я «влюбился». Спокойный, внимательный, умеющий быстро вникнуть в суть и объективно оценить работника — идеальный руководитель. Когда Дон стал Главным, он вопреки требованиям «авиационников» и, очевидно, под влиянием «завещания Флисского» отказался назначить своим первым замом К.Жукова, а посадил в это кресло Трофимова. Мы были в восторге. Но мои восторги стали вскоре гаснуть, тк все, что касалось техники, особенно, в тактике осталось неизменным, но как только дело касалось взаимоотношений и необходимости принять по ним решения, проявлялся совершенно другой человек — трус, антисемит и скрытый пьяница с достаточно ограниченными потребностями и кругозором.

Как-то мой В.Харченко попросился в командировку в Ростов, где заболел его отец.

Я разрешил. Через 2 месяца аналогичная просьба.

— Володя! Хватит! Надо и совесть знать...

— Ты только не возражай, Трофимов мне разрешит, т.к. я ему пообещаю привезти «Спидолу».

— Где ты ее возьмешь?

— Я меня есть возможность купить здесь, в Куйбышеве.

Он уехал, «Спидола» нужна была и мне, но я промолчал. Подобные случаи «платы» Трофимовым за личные услуги становились достоянием многих. Этим эффективно воспользовался и Тишанский. Когда в 1974 г. Дондуков заменил Ворожбиева на посту зам министра, Трофимов стал Главным и еще раз подтвердил истину, что «хороший зам, как правило, — не лучший Главный». Такое произошло с В.Мишиным, с Балабуевым, сменившим в Киеве Антонова (Самолеты АН) и с Гриценко, занявшим кабинет НД. Генеральные Конструкторы Ильюшин, Ивченко и Соловьев подготовили себе достойную замену. А вот А.Н.Туполев «протолкнул» на свое место сына, который довел КБ почти до краха.

О Степанове и Черкасове я написал ранее.

Иван Иванович Балаклеец — одноклассник Дона, его жена была одним из лучших невропатологов города, Дон их очень уважал и толкал Ивана наверх. Объективно, И. Балаклеец был неплохим конструктором (не изобретателем) и прекрасным специалистом по технической эстетике, Картинки, плакаты, витражи и т.п. — здесь ему не было равных. Но как руководитель, организатор — ноль. Его кредо «получил задание — выполняй» исключало свое личное активное участие в выполнении и решении сложных вопросов. «Пропустив» его через парторга, Дон назначил его зам нач. ОКБ-2.

Его «метода руководства» со мной не срабатывала. Тем более что, хотя мы соприкасались по работе очень редко, я чувствовал открытую неприязнь. Как парторг, он попортил мне крови. «Затыловский» — такое обращение приводило меня в бешенство. Наверное, Дон в личных беседах ставил меня в пример, а это — нравится не каждому. Взаимная неприязнь стала открытой. В ноябре 71 г. он организовал мой «провал» на выборах в Партбюро. А через месяц я на очередном партсобрании чуть не довел его до инфаркта своим вопросом-выступлением, обращенным к Трофимову:

— Николай Григорьевич! Как известно, должность и зарплата руководителя определяются той мерой ответственности, которую он несет за свой участок работы. Объясните, пожалуйста, за что конкретно в ОКБ-2 отвечает заместитель начальника И. Балаклеец?

Собрание одобрительно гикнуло, а после внеразумительных фраз Трофимова, я сказал — «Я так и не понял, что он делает и за что отвечает». Дон наказал нас обоих, задержав на полгода персональную надбавку к зарплате — 10 руб. Я был убежден в антисемитизме Ивана, но оказался неправ. Просто сидел человек не на своем месте.

Вернусь к теме. Нам с В. Романовым удалось сохранить имеющиеся штамповки, а в клапане горючего предусмотреть для повышения надежности пневматический подпор в положении «Закрит» после заливки горючего. Спроектировали для этого дополнительное Управляющее устройство. За всю разработку получили авторское свидетельство, а вот Бобух — нет, опередил какой-то еврей-американец.

Работу «мозгового центра» прекратило распоряжение Печенкина — сделать двигатели 3 и 4 ступени «многообразными» по подобию 1 и 2-й. Мы опередили другие подразделения примерно на полгода и передали в производство чертежи одновременно с «головниками». Сохраненные нами штамповки позволили начать испытания многообразных двигателей 11Д53 и 11Д59 раньше, чем 11Д51 и 11Д52.

Это была Победа! Тем более что Печенкин дал указание — после первых трех летних комплектов двигателей переделать клапаны горючего по нашему образцу.

11.2. Доводка «новых» и ЛКИ «старых»

Двигатели гоняли на стенде по полному ресурсу до трех раз без съема. Такого для маршевых двигателей с многотонной тягой в ракетной технике еще не было. Всем было ясно, что это принципиально новое качество. Но учитывая большую временную задержку и затраченные средства, было решено продолжить испы-

тания ракет Н1-Л6 и Н1-Л7 со старыми двигателями, а новыми комплектовать, начиная с Л8.

Н1-Л6 был запущен 27.06.71 г. Ракету закрутило, и на 50-й сек. двигатели были остановлены, она упала и взорвалась. Официально причиной закрутки был «неучтенный мощный поток воздуха в донной части», а по данным «разведки» — просто при монтаже ракетчики перепутали полярность прибора, управляющего включением движков крена.

В блоке 4-й ступени сопла крена входили в комплект двигателя. По моему предложению, чтобы увеличить их эффективность, их начали ставить не на срез сопла, а на раму блока.

В конце апреля 1970 г. в ОКБ-1 для окончательного согласования ТТ (тактико-технические требования) на модернизированный комплекс Н1 выехала группа ведущих конструкторов во главе с Печенкиным и Трофимовым. От ККБМ взяли еще В. Пака и меня. Мы, трое, сели в поезд прямо с работы и пошли ужинать. У коллег с Управы «все с собою было». Заказали и выпили бутылку шампанского, Трофимов попросил повторить, потом еще, потом еще, Он увлекся, а нам с Володей это было ни к чему, да и дорого, Мы начали слабо возражать, на что Трофимов нас успокоил, что платить будет он. Седьмую бутылку он взял в подарок Печенкину, а маленький счет разделил на троих. Стало не понятно и противно, лишь гораздо позднее до меня дошло, что в его представлении — это нормально. Он числился соавтором десятка моих изобретений, но мизерные авторские деньги ему получать не разрешало министерство. По моей просьбе он отказался от своей доли и ее делили на остальных соавторов. Я, глупый, не догадался, что надо было его отблагодарить хорошей выпивкой в ресторане или втихую собрать и отдать его долю. Опять судил по себе.

В просторном бывшем королевском кабинете собралось человек 25—30, за письменным столом — В.П. Мишин и два генерала Кузнецов и Карась. Вначале шел общий обмен мнениями на фоне американских лунных достижений и наших неудач. Мишин весьма убедительно стал объяснять, что это естественно, т.к. в США выдали на «Лунный проект» 25 млрд. долларов, а у нас с трудом удалось «выдавить» 5 млрд. руб., они дважды провели наземные испытания разгонного блока, а все доказательства С.П. Королева об их необходимости отвергались, Если бы потратились на такую установку, то не пришлось бы дважды возводить Старт, что несоизмеримо дороже. Мишин напомнил также об отвергнутом предложении « не разбазариваться на параллельные проекты», большой задержке со строительством Старта и др. Затем достаточно быстро и спокойно началось согласование каждого пункта

ТТ. Споткнулись на требовании военных записать надежность — 0,99, как на «семерке» (Р7 — первая межконтинентальная ракета, основа советской космонавтики, действующая и сегодня с 1956 г.). Мишин и Кузнецов резонно не соглашались, аргументируя тем, что надежность устанавливается из множества испытаний, а не по единичным пускам. Мишин напомнил о большом числе первоначальных запусков «семерки», когда «ракеты падали за бугор одна за другой». Карась: « я в принципе понимаю, но меня обязывают требовать цифру надежности все директивные документы...», — на это резко ответил НД: «Вы — генерал, а не солдат на КПП, который талдычит — «Капитана не велел!». После долгих препирательств нашли компромиссный вариант. Мы оказались молчаливыми зрителями этого спектакля, т.к. ни одного технического вопроса не возникало.

Доводка «многообразных» двигателей шла достаточно гладко. У нас с Демидовой наибольшие затруднения были с титановым корпусом дроссельного крана ДК-15 из-за микропор, которые обнаруживались после окончательной мехобработки уплотнительных поверхностей. Самым трудным было убедить К.Шмагина проверить огневыми испытаниями допустимый (на мой взгляд) вариант. Так и сделали, но в процессе долгих переговоров ведущий конструктор В.С.Анисимов с Управы сумел «сделать» для себя пару лодочных моторов с кучей запчастей за копейки. Открытый недруг «Фирмы Дондукова», большой мастер саморекламы и умелому уходу от решения технических вопросов, он был прямой противоположностью своему предшественнику А.А. Танаеву.

Я упоминал, что В. Пак со своими работниками предложили отключать двигатели 3 и 4 ступеней по выработке одного из компонентов топлива и отказаться от общепринятого «захолаживания» магистрали окислителя — предварительная заливка жидкого кислорода до выравнивания температуры. Это позволяло значительно повысить эффективность использования топлива. Однако после нескольких удачных испытаний стали выявляться трещины на корпусе насоса окислителя. И опять «мозговой центр», опять мелкие и безрезультатные мероприятия, основную цель которых можно было озаглавить «За две копейки пятаки купить». Наконец, вмешался Дон и настоял на повышении пластичности корпуса за счет уменьшения прочностных характеристик алюминиевого сплава. И точка. Наш главный металлург Ромуальд Шидловский на этом быстро сделал кандидатскую диссертацию.

Еще один случай. Ведущий конструктор двигателя Л. Синотин решил внедрить революционное рацпредложение, исключая переборку после испытания линии подачи горючего в газогенера-

тор от регулятора расхода. «Втихаря» опробовали на одном двигателе и подготовили второй. Т.к. разрешение на пуск должен был подписать каждый начальник отдела, я категорически отказался, назвав эксперимент преступным и безграмотным. Синотин предварительно уже договорился с Трофимовым, и мне пришлось объясняться с ним. После того как мы слили полстакана керосина из этой трубки и продули ее, я повторно отказался подписывать, Трофимов закипел и потребовал, чтобы я письменно оформил свое мнение. Я написал и в сердцах добавил — «если есть на небе кто-то, то двигатель взорвется при запуске». Так и произошло, вот и скажи, что «бога нет». Об этом инциденте стыдливо промолчали...

23.11.72 г. произошел последний пуск ракеты Н1-Л7 с двигателями старого образца. Перед пуском, когда ракета стояла на стартовом столе, прошел сильный дождь, который промочил многие электроцепи ракеты, сухими остались только кабели двигателей благодаря настойчивости Танаева, про которую зло шутили конструктора — «Танаев готовит подводный старт». Он оказался пронизательнее шутников. «Сушили» ракету несколько суток. В это время Начальник Главкосмоса Минобороны генерал Карась, узнав о «водостойкости» двигателей, вызвал Райинженера на заводе им Фрунзе полковника Шапкина и учинил ему разнос (!??). Шапкин вышел и горько пошутил: «Послали меня к ... матери, а в какую сторону идти, я так и не понял». Вместо благодарности разнос — типичное явление.

О пуске. По летному заданию на 96 сек. полета произошел одновременный останов всех 24 периферийных двигателей. Мгновенное снятие движущей силы в 900 т могло привести к резкому инерционному оттоку жидких компонентов топлива в баках и, как следствие, разрыву непрерывности потока в трубопроводах и возникновению низкочастотных колебаний рамы, на которой располагались все 30 двигателей, далее поломка труб и пожар. На 107 сек. по сигналу «пожар в отсеке двигателей» отключились все двигатели. И опять начались взаимобвинения. Кузнецова упрасивали, чтобы он взял вину на себя — ведь все последующие двигательные установки принципиально новые. Он уперся.

Межведомственные испытания двигателей 11Д53 прошли чисто, а вот на 11Д59 трижды примерно на 46 сек работы, появлялось пламя в районе регулятора расхода РР-21. При разборке на каждом агрегате обнаруживались отклонения от плоскостности, которые могли явиться причиной дефекта. Комиссия обязала нас ликвидировать дефект до начала летных испытаний.

Одинаковость проявления негерметичности меня озадачила. На трех двигателях в одно и то же время... ясно, что дело в чем-то

другом. Надо было думать. В отличие от своего собрата по конструкции, двигатель 11Д59 был однорежимный, его тяга в процессе работы не должна была изменяться. Подняли статистику, и оказалось, что в постоянном режиме до официальных испытаний работало всего два двигателя, и на каждом проявлялся такой же дефект, который списывали на многократное использование регулятора (они были очень дефицитны). Появилось подозрение на резонанс при длительной работе на данном режиме. Когда определили частоту вибраций узла пирозатвора (на нем проявлялся дефект), оказалось, что она близка к его собственной частоте колебаний. Затем провели эксперимент с участием военпреда: на лабораторном вибростенде установили регулятор, заполнили его керосином и подали во внутрь давление 325 атм, включили вибрацию и постепенно стали приближаться к требуемому значению. Через 1 мин тряски в «нужном» режиме регулятор потек. При изменении частоты колебаний течь прекращалась и так неоднократно. Теперь стало ясно, что делать — надо просто несколько увеличить вес пирозатвора. Только изменить чертежи не успели.

11.4. Крах или «волевое решение»

Со слов Дондукова: академик В.П. Глушко зашел в кабинет Брежнева и уговорил его подписать Постановление ЦК и Совета Министров о закрытии темы Н1, которое датировалось 14 мая 1974 г. Содержание сов. секретного документа было ужасным и абсолютно нелогичным. По существу предлагалось:

- немедленно прекратить все работы по теме;
- разобрать и отправить в металлолом всю изготовленную материальную часть, включая два, готовых к летным испытаниям модернизированных ракетных комплекса;
- освободить от занимаемой должности В.П.Мишина;
- объединить ОКБ-1 (Королева) с КБ Глушко (в Химках) в научно-производственное объединение «Энергия» во главе с Глушко;
- поручить НПО «Энергия» в 3-х летний срок создать новый ракетно-космический комплекс со стартовыми двигателями в 800 т;
- «генеральному конструктору Н.Д.Кузнецову сосредоточиться на авиационной тематике» (цитата).

Это постановление было подобно террористической бомбе и ошеломило всех. В один день без работы остались сотни тысяч человек: конструкторов, инженеров, рабочих, испытателей и служащих. Запрет на продолжение испытаний не позволил проверить многие десятки принципиально новых технических решений и разработок. Это был бессмысленный и необъяснимый выброс на ветер огромного труда и миллиардов рублей. НИ ОДИН ЧЕЛО-

ВЕК из правительства, армии и Академии Наук не признался, что завизировал эту бумагу. «Дворцовый переворот!» — воскликнул НД, прочитав ее. В королевском КБ были убеждены, что это — надругательство, личная месть Сергею Королеву со стороны тех, кого он не очень уважал и не скрывал этого, со стороны В. Глушко, начальника ракетного отдела ЦК Сербина и президента Академии М. Келдыша.

Правоверный и дисциплинированный коммунист НД взял на себя смелость нарушить Постановление ЦК и СМ. Он распорядился законсервировать и перевести на испытательную базу Химзавод готовые двигатели и часть уникальной оснастки, которую согласились отдать директора заводов. На заводах были отданы распоряжения о сохранении оснастки и технологической документации. Все были убеждены, что это временный эпизод. Действительно через 2 года к НД приехали представители от Главного Конструктора Чаломея. Им продемонстрировали трехкратную работу двигателя без съема со стенда, они поразились — «Невероятно!». Стали готовить Постановление о разработке новой ракеты, оно было согласовано всеми министрами, включая и Минобороны Гречко, осталась только подпись Брежнева. И опять... вошел в его кабинет Глушко.

Причина такого беспримерного доверия Брежнева, предполагали многие, кроется в том, что в период становления «семерки» в 50-е, когда Брежнев в ЦК отвечал за ракетную тематику, они с Глушко сработались и подружились, память об этом отпечаталась в пораженных склерозом (или маразмом) мозгах Генсека.

Первой выразила свое отрицательное отношение к этому «действию» Академия Наук СССР осенью этого же года на очередном общем собрании своих членов, когда вопреки рекомендации ЦК КПСС большинство избрало Н.Д. Кузнецова действительным членом — академиком. В послевоенной истории Академии Наук это было второе протестное голосование. При Сталине 3 года подряд академики проваливали кандидатуру Главного Конструктора Яковлева за то, что он в бытность зам наркома авиапрома способствовал аресту академика Туполева.

Сосредоточив в своих руках могучий ракетно-производственный комплекс, Глушко многое сделал для увековечивания своего имени. Его фамилия стала преобладать во всех открытых публикациях. Но дело двигалось очень тяжело и медленно. Когда в КБ стали прорабатывать проект новой ракеты носителя, он запретил даже заикаться об использовании «непорочных» двигателей 3 и 4 степени Н1. Двигатель с тягой 800 т не «пошел» даже на бумаге, вынуждены были создать двигатели в 180 т (примерно), содрав по

максимуму главные кузнецовские новации: титановое сопло (на 100%), «закрытую» схему, самооткрывающиеся клапаны и др. Главное отличие — один турбонасосный агрегат на две камеры сгорания. О трехлетнем сроке просто забыли или не вспоминали. Только в середине 80-х взлетел носитель «Энергия».

Специалисты полагали, что майское «волевое решение» с подачи Глушко отбросило советскую космическую программу минимум на 15 лет. Ему этого не простили. В знак несогласия с его техническими директивами из королевского КБ ушло несколько ведущих деятелей. Из НПО «Энергия», громко хлопнув дверью, вышел Дмитрий Козлов, ныне почетный руководитель самарского ЦСКБ — Прогресс, стало самостоятельным и КБ Макеева на Южном Урале. Когда Глушко умер в 1989(?) г., его скромно похоронили безо всякой помпы и, конечно, не на Красной площади, о чем он мечтал. Кстати, уже при его жизни в прессе начали появляться правдивые публикации о Н1.

В это же время НД вывез на парижский авиасалон свои ракетные двигатели и раскрыл их технические характеристики. Они потрясли всех (через 20 лет!). Многие не поверили в их реальность. Одна из американских фирм купила несколько двигателей для самостоятельной проверки характеристик. В контракте была предусмотрена передача чертежей и консультации самарских специалистов.

Испытания проводили они на своем оборудовании и своими силами, наши наблюдали. Результаты ошеломили всех. Из-за лучшего качества средств измерений, замеренные тяга и удельная тяга оказались выше заявленных. Американцы предложили миллиардный контракт, предусматривающий восстановление производства в Самаре и поставку двигателей в США. НД допустил оплошность. Он публично заявил, что американские деньги пойдут на доводку и отладку серийного производства авиационного двигателя НК-93, который по своим данным тогда не имел себе равных в мире. О нем позже. Моторостроительные корпорации США, особенно Прат-Уитни и Дженерал Моторс, создали в Конгрессе мощное лобби против этого контракта, их союзником стало и Космическое Агентство России во главе с толстобрюхим Коптевым. Эта сволочь (иначе не скажешь) сугубо в ведомственных интересах выступил в защиту своего Химкинского предприятия, предложив в качестве альтернативы, доработать двигатель от «Энергии». Он сейчас (через 12 лет) начал устанавливаться на американском «Титане». Кроме того, Коптев заявил, что двигатели от Н1 будут использовать в новых российских разработках. На эту тему все кончилось разговорами. Американцы «для науки» ку-

пили еще с десятков двигателей, деньги от продажи помогли как-то выжить КБ на Управленческом.

Так закончилась эпопея с советским Лунником.

12. АВИАЦИЯ

12.1.1. Первые шаги

Нам пришлось начать «сосредоточение на авиационной тематике». Сколько далеко идущих замыслов и планов, идей и проектов вырвали с корнем, сколько человеческих судеб было просто растоптано! Такой удар пережить смогли не все. Мор прошел по ракетчикам Кузнецова, раковый мор... А.А. Танаев, А.И. Крюков, К.В. Шмагин, Краснов, Перминов, Чернилевский и др. — благословенна их память.

Всем нам запретили работать по профессии.

Дон нас сориентировал на серийное сопровождение авиационного двигателя Е для бомбардировщика ТУ-160. Двигатель разработали в авиа КБ на Управе. Мой визави А.Анисимов встретил нас далеко не радушно. Недоверие и недружелюбие не скрывалось и передавалось его сотрудникам. Объективно, для этого были основания. Раньше с авиацией дела не имел, в авиаинституте не учился — «куда прешься со свиным рылом? В Калашный ряд?!». Пришлось стиснуть зубы и с максимальной вежливостью задавать вопросы по тем тонкостям, которые не прояснялись чертежами.

Узнав о неопределенности перспективы моей работы, мой брат Леня через знакомую, Светлану Денисюк (через 8 лет она оказалась теткой моего зятя, сейчас живет в Нетании), организовал мне встречу с Ген. директором ВАЗа Виктором Николаевичем Поляковым. Я ему понравился, и он предложил мне переговорить с Главным Конструктором роторных моторов, которого просто принудил приехать немедленно в Дирекцию (в 10км от завода) и добавил — «Независимо от результатов вашей встречи, уведомите меня об итогах».

Он приехал с негативным настроением, я почувствовал неприязнь и нежелание брать меня. Доказывать ему свою нужность не хотелось, я подумал: «чего я здесь не видел? Ведь за Дондуковым я как за каменной стеной. Будет не работа, а борьба... К Полякову не пойду — не умею жаловаться...». Очередная ошибка! Оказалось, что в журнале приема (присутствовала секретарь) он сделал очень лестную для меня запись, а таких людей он не оставлял без внимания. Леняка справедливо возмущался моей не-

дальновидностью. Буквально через две недели дошла до нас новость — Дона берут в Министерство вместо Ворожбиева. Я чуть не взвыл от досады, но поезд ушел.

История с Дондуковым такова (по его словам в минуту откровения). Все в нем (думаю, и он сам) видели приемника НД. Директор завода Чеченя тяжело заболел, предполагали рак. Чтобы сохранить за собой завод, НД рекомендовал Дона на место директора. «Это ломало все мои личные планы, я был в ужасе, но сделать ничего не мог, и обком партии утвердил меня...вдруг министерство не согласилось с этим, т.к. я числился в их перспективных кадрах, вскоре пришел вызов от них». Конечно, «вдруг» произошло не случайно, а как вследствие его просьбы и больших связей.

Трофимов стал Главным, а Жуков — первым замом. Трофимову надо было принять решение — сохранить два ОКБ и разделить работу или объединить их в одно. Как-то при встрече он мне сказал, что озолотит того начальника отдела из ОКБ-2, который сам предложит объединить отделы и стать замом начальника такого отдела. Я промолчал — претила мысль о предательстве. Очередная ошибка!

В конце апреля 1975 г. под прямым нажимом Дона родилось решение: отдать в ОКБ-2 авиадвигатели МВ и МА и двигатель для газоперекачки НК12-СТ. С ними к нам перевели зам главного Г.З. Зарова, ведущего Рыжинского и несколько специалистов. Ко мне в отдел перешли Виктор Кораблин, Владимир Миронов Александр Амханицкий и др. В мою жизнь пришла авиация и газоперекачка.

12.1.2. Немного истории

В послевоенные годы стала неуклонно наращиваться газовая промышленность СССР, Вместе с добычей и потреблением росли диаметры и длины трубопроводов, ширилась география газовых промыслов и месторождений. Промышленность не справлялась с потребностями газопроводов в трубах и средствах перекачки газа — компрессорах. Увеличивались требования к их производительности и выходному давлению.

Первоначально в качестве привода газовых компрессоров использовались дизельные двигатели, работающие на газе, но их стали заменять газотурбинными установками, имеющими больший КПД и меньшую трудоемкость. У нас газотурбинные двигатели для газовой промышленности делали на двух заводах в Ленинграде, в Харькове и в Хабаровске (других — не знаю). Диапазон их мощностей был весьма ограничен и Мингазпром стал закупать приводные турбины за рубежом. Везли, не глядя и не скупясь, отовсюду: США, Австралия, Испания, Италия и др.

Н. Дондуков проникся идеей использовать для газодвигателей НК-12 и НК-14, выработавшие свой ресурс и отправляемые в металлолом, «утилизировать» их для дальнейшего использования на земле. Для этого, необходимо было изменить и приспособить основные узлы для работы на газовом топливе и фактически разработать новую автоматику и установить на выходе «свободную турбину», механически связанную не с валом двигателя, а с газовым нагнетателем (компрессором). Такие двигатели работают на вертолетах.

Под непосредственным руководством Дона эту работу возглавили Георгий Захарович Заров и ведущий конструктор Илья Рыжинский. В целом газоперекачивающий агрегат ГПА-Ц-6,3 был разработан в Казани. В чем была его принципиальная новизна и преимущества? Ранее используемые установки сравнимой мощности требовали постройки стационарных помещений и, как норма, вводились в строй за 3 года. Наш ГПА имел блочную компоновку — контейнер с двигателем подсоединялся к контейнеру нагнетателя, подводились трубопроводы и электропитание — три месяца и агрегат заработал. При одинаковой мощности авиапривод намного превосходил стационарный своими малыми габаритами и высокому КПД. Мне пришлось посетить КБ Ленинградского завода им Ильича и побеседовать со своим коллегой, Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Знающий все тонкости и детали своего дела, он пояснил причину их бед и отсталости — невозможность использования новых, сверхпрочных и жаростойких материалов и сплавов. «Представьте, чтобы употребить в автоматике нержавеющую сталь 3х13, я должен добиться разрешения от Госплана». Я внутренне сжался, эта хромистая сталь у нас не считалась нержавеющей. Все самые передовые марки сталей, титана и алюминия мы применяли безо всяких ограничений. Разрыв между оборонными и гражданскими отраслями промышленности был невообразимым.

Использование средств газопередачи от разнообразных зарубежных поставщиков позволило ответственным работникам Мингазпрома побывать во всех местах земного шара, не очень думая о пагубных последствиях, связанных с запчастями, ресурсом и ремонтом... Как-то я оказался в Сумах в одном номере с Главным Турбинистом Техуправления Мингазпрома Зайцевым. Бауманец, лет на 10 младше меня, интересно рассказывал о странах, где побывал, и о своих приобретениях в этих местах. «Даже трусы на мне импортные...» — похвастался он однажды утром.

— Я тебя ни разу не видел у нас в Куйбышеве...

— А на х... мне ваша голодная Самара!

Вот такие «государственные умы» заполняли кабинеты власти в столице. Им было глубоко наплевать на интересы государства, народа. Это поколение не имело ничего общего со своими предшественниками, легко представить, что было бы с газовой промышленностью после бойкота, объявленного Западом в 1980 г. (Афганистан), если бы не настойчивость и целеустремленность Н. Дондукова.

12.2. Семья, Жизнь, общество

В 40 лет я почувствовал свой желудок. «Гастрит с повышенной (вдвое от нормы) кислотностью». В апреле 71-го поехал по путевке на курорт Джермук в Армению. Он расположен высоко в горах (2 тыс. м), дорога через 2 перевала. Места пустынные, тк леса — ниже, зато вода изумительная. «Армянская Сибирь».

В ожидании автобуса побродил по Еревану. Все дома из красного туфа — красиво. В ресторане за мой столик села пожилая женщина в деревенской одежде. Я удивился — у нас в ресторанах таких не встречал. Официант принес ей тарелку с какими-то листьями, мне бутылку пива и борщ. Она пристально посмотрела на меня и спросила по-русски: «Простите, вы какой национальности?» Такие вопросы задавать было не принято, я не очень дружелюбно ответил: «Еврей. А что?» — «Странно, евреи — культурные люди, а вы не едите зелени». Мне стало стыдно, не знал, что ответить, а эту встречу запомнил. Действительно, как узок и малочислен был круг, вернее сектор, потребляемой нами зелени. Да и то только в летний сезон.

В Джермуке поразила убогость профсоюзного санатория. В двухместной палате имелся один стул, умывальник и 40 ватная лампочка под высоченным потолком, не было ни полочки, ни одного крючка для полотенца. Украли все, что можно унести. Кормили скудно, особенно за неделю до 1 мая. Зато праздничный ужин был великолепен — с мэром и армянским коньяком. Очень понравились врачи — молодые ребята.

Там было несколько забавных случаев. Безукоризненно одетый армянин никак не мог завести «Запорожец». Рядом топталась его жена. Ее внешность как-то диссонировала с ним: простенькая одежда, никакой косметики, невзрачный платок. Когда он открыл задний капот, я ахнул. Двигатель на два пальца был заляпан грязью. Водительских прав у меня еще не было, но новый «Запорожец» стоял в гараже и теоретически я был уже немного подкован. Предложил ему протереть свечи и снять одну. Он смутился, я понял, что такая операция ему не по силам. Объяснил, сняли свечи,

промыли бензином, уменьшили до нормы зазор, и двигатель завелся. Прощаясь, я привел его в восторг словами — «Двигатель — не жена, за ним ухаживать надо!»

Мы с соседом по палате, рабочим из-под Горького, как правило, после обеда ходили по окрестным горам и как-то увидели, что жители ищут и отрывают из земли какую-то зелень. Мы включились в этот процесс и набрали большой пакет. Когда принесли собранное, армяне взвизгнули от восторга и посоветовали пойти к повару. Тот взглянул и попросил нас не ходить на ужин и дожждаться его... Ужин был перворазрядным — зелень с яйцами и кусками мяса, водка и еще, и еще. Оказалось, что эти ростки по питательности и труднодоступности у них ценятся, как у нас белые грибы.

По возвращении до конца лета приводили в надлежащий вид новую квартиру, в ней раньше жил Трофимов. Третий этаж дома — сталинка (потолок 3 м), кухня квадратная — 12 кв. м, комнаты смежные. Заменяли всю сантехнику кроме ванны, газовый нагреватель, краны, выдернули два десятка 100 мм гвоздей из стен и оконных рам, в общем, пришлось сделать полный ремонт с побелкой, покраской и наклейкой обоев. Я поклялся, что никогда больше никакая сила не заставит меня делать ремонт летом. Клятву выполняли до сего дня.

Долги за «Запорожец» отдавались не просто, и мы решили сэкономить. Во-первых, посадить картошку, как делали все вокруг; во-вторых, летом 72 г. отдохнуть, как и в 2 прошедших года, на турбазе. Картофель посадили в мае, а 17 июня после дождя вдвоем с дочкой поехали полоть. На красноярской дороге при моей скорости 90 км/ч с обочины на дорогу выехал грузовик-цистерна. Столкновение стало неизбежным — навстречу поток машин, справа — узкая обочина и крутой обрыв. Я стал резко тормозить и взял максимально вправо, грузовик почему-то почти остановился. И мы медленно к нему приближались. «Валя! Держись!» — воскликнул я, и в этот миг левое крыло соприкоснулось с правым колесом грузовика, а бортовой трап ударил по левой окантовке ветрового стекла...

Валя, конечно, не держалась. Ее дернуло вперед, и она лицом ударилась об открывшуюся вверх пластмассовую крышку «бардачка» (придумал ее идиот, вскоре крышку убрали), а лбом о ветровое стекло, которое развалилось вдребезги. «Мама! Ты жива?» — закричала Аллочка... Пигментное пятно около правого виска осталось у Ваюши надолго. Только в 2007 г. в Израиле она от него избавилась.

И опять помогли д. Миша и Дондуков. Где покрасить после ремонта? Чезганов посоветовал обратиться к главному инженеру П.А. Захарову, при этом обязательно сказать «блатное дело». Я с заявлением зашел к Захарову — «Пал Андреич! У меня к Вам блатное дело...». У него загорелись глаза, — все было решено. Я оплатил цеху покрасок несколько рублей, а о покраске договорился с работницей этого цеха и с начальником литейного цеха, чтобы покрасить машину вечером в пятницу и затолкать ее в сушилку для крупных литейных форм, температуру в камере должен был поддерживать я сам. Так все и сделали, только с одной накладкой Я не сообразил предварительно слить бензин из бака, а когда хватился в спешке «отсосал» не только воздух из сливной трубки, но и изрядный глоток бензина, от которого еле-еле пришел в себя. Ночная «трудовая вахта» прошла нормально. Достаточно быстро справился с инерционностью нагревателей печи и как-то быстро встретил рассвет. Тишина, необычная для большого завода, караваны ласточек устремленных на юг..

Хочу остановиться на П.А.Захарове. Он олицетворял номенклатуру брежневской (вернее, после сталинской) эпохи. Неплохой организатор, знаток человеческой психологии, он был хорошим начальником производства. Думаю, инженерный диплом ему «сделали». После отъезда П.А. Витера в Казань, он заменил его. На технических совещаниях ему было скучно и не интересно, оживал только при решении проблем, связанных с людьми.

...В парткоме ККБМ шло бурное обсуждение кандидатуры конструктора, которого надо было послать в Египет на базу обслуживания советских самолетов с нашими двигателями. Искали того, кто знает двигатель, «как свои пять пальцев»... Телефонный звонок:

— Николай Александрович! Говорит Захаров. Что вы там обсуждаете?.. Поедет БАТУРИН и нечего размусоливать.

Поехал Батурин, его зять, инженер-конструктор второй категории, который совсем не соответствовал выдвинутым критериям. Вернулся с новой «Волгой» и начальственной должностью сразу в новую квартиру. Когда началась перестройка, он возник как зам главы Самарской биржи. А его жена (тоже наш конструктор) — работником банка. Своих номенклатура не забывает.

На завод пришло приглашение на конгресс математиков в Венгрии, в Будапеште. Поехал, конечно, Павел Андреевич... По возвращении в Москву он остановился в нашей ККБМовской квартире на чердаке дома по ул. К.Маркса рядом с Садовым Кольцом. Я оказался среди первых слушателей:

— Скажу вам, женщины в Будапеште совсем некрасивые — худые, без груди, одеты неряшливо... Не сравнить с нашими! Зато в магазинах изобилие... А какая все-таки сволочь Таций! (бывший зам главного инженера завода им. Фрунзе, перешедший на «Прогресс», тоже оказался в числе математиков. Он, действительно, был сволочь, которая обязывала начальников цехов ежедневно приносить ему чекушку (250 мл) спирта). Представляете, в нашем купе кроме него находились два профессора. Выпили, конечно. Хорошо выпили! Ночью Тацию не охота было слазить с верхней полки, и он нассал в бутылку. Один из ученых от жажды начал пить из нее...

В середине 70-х завод лихорадило. Чеченя болел, Захаров просто не мог справиться. Причины были не только в нем. Экономика страны безнадежно вползала в трясины застоя, а лечить ее пытались примочками соц. соревнования вместо коренных реформ. «Реформа Косыгина» умерла при родах, на старте, причину сформулировал Брежнев на очередном ноябрьском пленуме ЦК КПСС /цитата по памяти/: «Экономическая реформа, о которой на Западе говорили, что это величайшее событие после Октябрьской Революции, с треском провалилась, потому что права предприятий были узурпированы министерствами...». Я, как внештатный лектор обкома партии, имел доступ к полузакрытой информации.

Захарова сняли с работы и назначили директором небольшого завода в Подмоскowie. Последняя наша встреча произошла в коридорах Министерства. Он очень подробно расспрашивал о моих делах, делах завода и КБ. Мне показалось, что он подчас сопоставлял информацию. Потом я заинтересовался, что и как у него. На редкость откровенно, дружелюбно и подробно он стал говорить о том, что после завода Фрунзе такое производство — просто мелочь для него, но к нему часто обращаются работники министерства с личными просьбами. «Кому ворота для гаража, второму что-то для машины, третьему для дачи и т.д. Они все у меня здесь...» — и похлопал по карману. Вскоре он умер от гипертонии.

Одну его фразу со ссылкой на автора неоднократно я слышал от некоторых видных заводчан — «Жизнь дается человеку один раз, и ее надо прожить красиво!», когда надо было оправдать неблагоприятное дело. Каждый раз меня коробила эта бесстыдная откровенность, казалось, что это частные случаи. Глупая наивность! Так было повсеместно. При Брежневе стало нормой — пьянки и оргии партийных тетей, дорогие подарки «нужным лицам» за государственный счет в рабочее время, квартиры для любовных

встреч, золото и бриллианты на повседневной одежде или из «сэкономленной» премии коллектива, «подотчетные деньги», которыми оплачивались взятки и пьянки с нужными людьми.

В старой гостинице «Армения» моим соседом по номеру оказался армянин, инженер из Грузии. Видя, как он тратит деньги, я поинтересовался их источником, т.к. по должности и по зарплате он был гораздо ниже меня. Оказалось, что ему выписывают 10 командировочных удостоверений на разные фамилии, и он отчитывается за них, предъявляя купленные за рубли проездные и гостиничные документы. Нам платили за сутки 2,6 рубля плюс 1 при отсутствии гостиничной квитанции, если была — 4 руб. максимум. У него, как он уверял, выходило более 85. Можно было быть щедрым! Поэтому в столичных гостиницах и ресторанах доминировали выходцы с Кавказа и Средней Азии.

Безусловно, и моя «блатная операция» с завозом личного автомобиля на закрытый завод для окраски и сушки была доступна далеко не каждому.

«Запорожец» я восстановил, но, то ли испорченные нервы, то ли глоток бензина, то ли необычная жара сухого 72 г. спровоцировали у меня приступ острого панкреатита. Боли, испытанные мной, описать невозможно... Больница, диагностическое вскрытие (настоял привезенный на Управу лучший хирург Ратнер), диагноз, кусочек печени, вырезанной попутно, две недели без еды, только «на системе» — после чего пришлось заново учиться ходить, и голова поседела. С той поры и пошло — диета, желудочные санатории и больницы, болезни ливера.

В 1974 г. дочь заканчивала школу. В подготовке к выпускным экзаменам активно участвовал и я. По сочинению ей снизили отметку до 4 из-за нелитературного слова «хамство». Если бы тогда знали, что оно происходит от имени библейского персонажа, можно было бы оспорить оценку. Алла весь учебный год готовилась к поступлению в мединститут. Упор делала на биологию, химию и физику. На одном занятии пришла дочь Дондукова и от продолжения отказалась, прямо объяснив, что девочки настолько сильнее ее, что ей с ними делать нечего. По физике репетировал дочку Алик Сирота, бывший сосед, его «нашла» бабушка Маня. Сейчас он заведует кафедрой физики в этом институте, а тогда дал немало практических советов.

Конкурс был огромен. Городских девочек «давили», а с еврейскими корнями и подавно. При подготовке к сочинению делали шпаргалки на предполагаемые темы. Я написал сочинение на тему «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и попал почти в точ-

ку. Одна из тем была — «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой». У нее оказалась единственная «пятерка» на потоке. Набрал 23 балла из 25, Алла стала студенткой педиатрического факультета. Наташа Дондукова «сдала» все на 5 — она была в «директорском списке».

После выхода из больницы в декабре 72 г. мы продали «Запорожец», тк началась массовая продажа «Жигулей». Открытка из московского автомагазина пришла в январе 74 г., Валя отдыхала на курорте в Прибалтике, я начал лихорадочный сбор денег, как говорится, «с миру по нитке». В числе заемщиков оказался Гриша Улицкий, маленького роста еврей, который не очень тянулся к технике, но обладал недюжинной хваткой в финансовых делах (филателия, нумизматика, дефицитные книги). Я старался втолкнуть его в самостоятельную работу и, когда он спроектировал пресс-форму и «выдавил» ее из производства, увеличил ему премию. Тут же мне рассказали, что Гриша объясняет окружающим увеличение премии одолженными деньгами. Мне такое в голове не укладывалось, и я закипел, тут же одолжил требуемую сумму, вызвал его и отдал. Разговор был крайне жестким и однозначным с обилием матерных слов. С трудом подавил соблазн уволить его, понимая, что он просто не найдет себе работы. 14 мая 1974 г. на ВАЗе я получил «Жигули» 2101 палевого цвета. После «Запорожца» они казались волшебным сном. Теперь наша внерабочая жизнь была связана с автомобилем. Поездки за грибами, на озера, к брату в Тольятти, в город и в города с улучшенным снабжением — Мирный, Сургут, Димитровград (Мелекес) и др.

Обильные грибные места вокруг Куйбышева вытоптали. На обильную «грибную охоту» ездили за 200—300км в Ульяновскую область. Володя Черкасов знал там места, где была масса белых грибов. Долго уговаривал я его, безмашинного, съездить туда и он согласился на ближайшую субботу. В четверг позвонил Леня и попросил Валю, чтобы я приехал к нему в субботу помочь расставить мебель и кое-что доделать в полученной им квартире в Новом Тольятти. Я аж подпрыгнул — «А как же Вовка? Мы же договорились! Я приеду в Тольятти в воскресенье...». Валя была тверда — «Тебя родной брат просит помочь не каждый день... Я тоже поеду». Она не работала из-за обострения геморроя, и такое решение было не простым, тем более что между ней и Леной во время моей болезни пробежала «черная кошка», к сожалению, далеко не последняя. Назавтра В. Черкасов обозвал меня болтуном и твердо заявил, чтобы о грибных поездках впредь не было ни слова.

Конечно, братик к нашему приезду не подготовился, но два дня мы все вкалывали на совесть и расстались довольные друг другом. Во вторник приезжаю с работы, Валя плачет. Оказалось, ей позвонил Леня и радостно поведал, что почти все, что мы сделали, переделали нанятые им рабочие, не было и намека на элементарную благодарность. Она ни словом не обмолвилась, как ей больно.

Через несколько лет Леня купил дачный домик с участком в Переволоках, примерно в 70 км от Тольятти в сторону Сызрани. Дачный массив возвышался над Волгой. На фоне достаточно богатых двухэтажных дач Ленин кирпичный домик выглядел очень простеньким и маленьким. Участок был запущен донельзя. Брат попросил помочь, отказаться мы не могли. По его просьбе Валя начала постоянное и аккуратное давление на Люду, которая была категорически против этой покупки и не желала участвовать в садовых и огородных делах. Наш отдых был более чем активным, поэтому возвращался я домой просто разбитым, особенно утомляла дальняя дорога. Так продолжалось пару сезонов.

2.3. Доводка СТ, шаги в авиацию

Вместе с авиадвигателями и несколькими специалистами отдел получил 36 открытых дефектов.

«Система открытия дефектов» родилась на Управленческом и заключалась в том, что служба надежности по инициативе руководства открывала «дефектную карточку», которая требовала от конструкторского подразделения составить и утвердить план работ по устранению данного дефекта в узле или агрегате. Ход работы по каждому дефекту контролировался извне и влиял на оценку работы подразделения. Несмотря на бюрократический привкус, система была достаточно эффективной и, главное, не позволяла утопить в «текучке» не очень «страшные» недоработки.

Отделу пришлось без раскочки, с первых шагов совмещать изучение и постижение «тонкостей» с решением текущих вопросов и проработкой мероприятий по открытым дефектам.

Первой с нашими ГПА-ЦБ,3 вводилась в строй Красноармейская ГКС. С первых же запусков проявился дефект «засорение дозатора газа» Труба подвода топливного газа к фильтру состояла из 23-х сваренных вручную отрезков, а сам фильтр — «произведение» газовиков, не выдерживал критики — через него сварочный град и грязь беспрепятственно летели в дозатор. Мое решение было быстрым: в имеющийся корпус вставили пакет из 6 воздуш-

ных фильтров автомобиля ВАЗ, стянутый 3 болтами. Эффективность такого фильтра выявилась сразу, труднее было убедить газовое начальство внести это решение в проектную документацию. Для этого пришлось включить в «соавторы» начальника заводской службы эксплуатации и газового «чина». Но зато, на какую бы КС я не попадал, начальник станции одаривал одним или двумя дефицитными вазовскими фильтрами.

Трудно было воспринять логику управления режимом работы двигателя с помощью двух регуляторов. Достаточно быстро провели комплекс проверок и ограничились одним, значительно упростив управление двигателем. Самым сложным вопросом оставалась мизерная поставка комплектующих узлов от смежников — разработчиков и низкая надежность большинства из них, поскольку они не были рассчитаны на эксплуатацию в течение многих тысяч часов.

В сентябре 1975г Дондуков собрал у себя всех разработчиков и поставщиков комплектующих для нашего двигателя. Докладывал я и мой доклад вызвал неудовольствие Зам министра своим критическим настроением. Я говорил то, что есть, не думая о политике, о том, как не просто убедить матерых авиаторов заниматься какой-то газоперекачкой. Он был прав. Это совещание дало мощный толчок развитию участия авиапромышленности в газовом транспорте.

Как несправедливо то, что имя Николая Александровича Дондукова, человека который предвидел будущее, пробил сквозь толщу бюрократии и безынициативности застойных времен внедрение в нарастающих масштабах использования авиапривода в газотранспорте, незаслуженно не увековечено в России!

После этого совещания мы в министерстве целыми днями составляли и согласовывали планы-графики поставок по каждому узлу. Мы — Трофимов, Заров, Рыжинский и я. Каждый вечер Трофимов «организовывал» ужин, где выпивалось не менее двух бутылок водки. Деваться было некуда!

Попытки разместить на специализированных заводах изготовление дозатора газа и регуляторов оборотов не удалось из-за малого потребного количества. История повторилась, и снова пришлось взяться за это дело заводу им Фрунзе, естественно, нам с Демидовой. Разработчик тот же, Ф.А. Коротков в Москве, а ведущий конструктор другой, и снова пошел процесс «притирки». Честно говоря, я большую часть времени отдавал СТ, а в чистую авиационку вникал постепенно, поручив ее В.Быкову, хотя жизнь вносила коррекции.

12.3.1. Киев

Летом 1975 г. был снят досрочно с АН-22 двигатель по ложной команде одного из датчиков. Среди изготовителей мнения разделились — речь шла о крупном штрафе. Киевляне из КБ Антонова потребовали приезда специалистов. Мой визави, нач отдела Ю.Видманов, хороший мужик, понимая, что вопрос «дохлый», ехать отказался, поскольку двигатель отдали нам. Быков тоже отказался из-за отсутствия опыта. Пришлось лететь мне, Видманов дал помощника, рядового инженера В.Черногорова. По дороге он ввел меня в курс дела и пояснил, что вероятной причиной «ложного сигнала» стал перегрев датчика в моторном отсеке. Так впервые с 41 года я попал на родину, в Киев.

Разговор с антоновцами-двигателистами был трудным и долгим. Чем дольше спорили, тем яснее становилась слабость их аргументов. С нашими разногласиями пришли к первому заму, Балабуеву. Длинно и сумбурно докладывал их начальник группы. Я постарался изложить наши доводы четко, аргументировано и кратко. В итоге Балабуев согласился с нашим предложением сделать дополнительный «воробушек» (маленький воздухозаборник) в корпусе моторного отсека для обдува датчика. Снятый двигатель списали на «самолетчиков».

Не могу ни рассказать о своей пешей прогулке по Владимирской улице Киева от Ботанического сада до Софиевской площади с памятником Богдану Хмельницкому.

Все, что стояло на пути, запомнилось с детства: Университет, памятник Т. Шевченко, музей Ленина, оперный театр, Золотые Ворота, наш дом, «высокая» гостиница, здание МВД, — но насколько маленьким по продолжительности оказался этот путь по сравнению с памятью детства!

В Киеве навестил двоюродную сестру Иллочку, встретились после 23-летнего перерыва. Познакомился с ее мужем Харитоном Литваком, очень умным и обаятельным. Многие его школьные и фронтовые друзья занимали высокие посты в городе, от них он был в курсе событий и новостей «не для народа». Он поведал о вопиющих фактах внедряемого антисемитизма. Меня как по сердцу ударила показанная им фотография объявления, повешенного в Торгово-экономическом институте, где он, кандидат экономических наук, работал:

*«По результатам приемных экзаменов в КТЭИ принято:
Украинцев — 346 чел. Русских — 232 чел.
Евреев — 3 чел. Других национальностей — 47 чел.»*

«Отчитались», сволочи! По словам Харитона, он просил привести его в супер-сауну, в которой парилась элита, на что ему ответили: « Ты с ума сошел, тебя же там сразу вычислят и просто оторвут нам голову... Там такое говорят, что тебе нельзя слушать...». В частности там однажды завели разговор о смягчении гонения на евреев, ответ был прямой и резкий: «...евреи — умные люди. Если дать им волю, они захватят власть и нам придется убраться...»

Поучительна история и самого Х. Литвака. Он работал Главным бухгалтером Киевмебельторга, был на виду. Однажды его вызвали в горком партии и предложили стать директором Рыбного завода. Ему с большим трудом удалось отказаться от этого партийного задания и срочно «спрятаться» в институте. На мой недоуменный вопрос — «Почему?», пояснил, что не хотел стать «ширмой» мафии, ворочающей на заводе миллионами. «У них все схвачено: и прокуратура, и милиция и следствие...

Не будешь с ними, засадят в два счета, будешь — тюрьма в первую очередь».

В то время большинство его друзей-евреев обосновались в США и очень активно звали туда и его. Внутренние колебания разрывали его... Он заболел и вскоре скончался. В одной из нью-йоркских газет напечатали некролог о нем. Да будет благословенна память о Харитоне!

После 1975 г. мне пришлось побывать в Киеве еще несколько раз. Как-то зашел в бывший наш дом. Там разместился Интурист. «Длинный по памяти коридор» оказался коротким, а в нашей комнате сохранились лишь оконные рамы, сидящие в ней женщины-служащие, встретили меня не очень приветливо... Последний раз был в родном городе в декабре 1990г. Мрачно, грязно, неприветливо. В магазине помимо рублей требовали какие-то дополнительные бумажки, у нас это были талоны... Валюша очень хочет осмотреть этот древний и красивый город. Надо бы.

По возвращении я «пробил» вторую категорию Черногорову, удивив Видманова, что не переманил его к себе. Я подумал, что этим можно «столкнуть лбами» его и Амханицкого, который вел самый сложный авиационный агрегат — гидромеханический регулятор постоянства оборотов воздушных винтов. Основной загрузкой было участие в отладке и настройке агрегата перед монтажом на двигатель, при этом его роль была решающей. Как правило, эту операцию проводили во вторую смену, так что Саша набирал отгулов на дополнительный отпуск. Постоянное дежурство конструктора на

стенде, на сборке и на других производственных участках — традиция и стиль работы авиационного КБ. Меня такая «метода» коробила и возмущала, т.к. я понимал и понимаю роль конструктора однозначно — он должен довести конструкторские документы до совершенства, чтобы в них спокойно разбирался грамотный технолог, создающий соответствующий технологический документ, присутствие конструктора необходимо только на стадии внедрения и для систематического контроля. Наш разговор вкратце был таким:

— Саша, разве нам поставляют негодный регулятор? Его ведь принимают военпреды...

— Нет, конечно, он годный, но нам приходится отлаживать заново...

— А регулировочные и поверочные стенды у нас и у них согласованы?

— Что это такое?

Он понятия не имел (и его наставники тоже) про то, что в ракетной технике считалось азбучной истиной. Пришлось ему объяснить эту нехитрую вещь. Я потребовал, чтобы он с заводским технологом немедленно поехал в Уфу к изготовителям, там рассмотрели схемы стендов, согласовали их и техпроцессы отладки, если потребуется соответственно уточнить наши документы. «Срок — два месяца, после чего никаких вечерних дежурств!»

Месяца через три унылый Амханицкий пришел ко мне со словами — «Мне теперь делать нечего...», на что я ответил — «да нет, милый, теперь ты будешь заниматься конструкторской работой — конструкторской документацией». Он был умный парень и включился в работу. Досадно было, что вся проделанная им большая работа прошла мимо его непосредственного руководителя, Быкова.

Возникла проблема загрузки и сохранения в составе отдела бригады Кондрашова. Я предложил передать в отдел для него турбокомпрессорный стартер двигателей МВ, который оставили в ОКБ-1. «Насмерть» встал Юрьев, нач ОКБ-1, логики в его доводах не было ни на грош, сплошная демагогия — «нельзя обижать..., забирать...» и т.п. Пойти против и принять решение Трофимов не умел — бригаду, которую оплачивал Квасов, мы потеряли.

Через 2 года к вопросу о передаче турбостартера вернулись опять, теперь по инициативе Юрьева, тк тамошнюю бригаду расформировали, а начальника бригады Долотова сняли с работы, как не справившегося (редчайший случай). Вместе с агрегатом нам передавали только одного человека. Здесь уже я «уперся» и в самые решительные моменты сделал 2 глупости. Во-первых, не переговорив с Главным, написал ему докладную об отказе, а, во-

вторых, вечером не дождался его приезда для назначенного им разговора и уехал с работы. Он сразу подписал приказ о смещении меня с должности.

В итоге, приказ не был опубликован, мне со стартером дали на полгода очень толковую специалистку, но предупредительный «звонок» я не воспринял всерьез. В этом же, 1978 г., произошел еще один инцидент. В конце ноября Дондуков подписал у Министра приказ об объявлении благодарности за НК-12СТ с вручением именных наручных часов группе работников ОКБ, завода и Министерства. Среди них были я и В.Миронов. У меня сохранилась фотография группы в кабинете Дона. Вечером всех куйбышевцев собрали в каком-то закутке на Цветном бульваре за общим столом, на котором было много водки, хлеб, вареная колбаса и соленые огурцы. После первого полстакана, я почувствовал, что при такой закуске и моем панкреатите надо воздержаться. Вдруг слышу голос Трофимова — «А Затуловский почему не пьет?» Меня поразил не вопрос, а тон — откровенно враждебный, отталкивающий... Когда встали из-за стола, я подошел объясниться. Он овладел собой и стал доверительно объяснять, сколько ему приходится пить вопреки желанию. В ОКБ мне прояснили ситуацию: если секретарь говорит, что Главный в горкоме партии, это значит, что он на очередной пьянке. В «горкоме партии» звучало очень часто.

Я забежал вперед, надо вернуться в 1975 г. После совещания Дондуков обязал меня и начальника отдела комплектации завода, тихого, но очень работоспособного еврея, Зиновия Народицкого (благословенна его память), каждую неделю лично докладывать ему о состоянии с поставками комплектующих для СТ на завод. Возникает естественный вопрос — причем здесь конструктор? Дон прекрасно знал психологию производственников, для которых наилучшее объяснение непоставки — «не решены технические вопросы», мое присутствие на 90% снимало этот аргумент. На протяжении более 2,5 лет мы вынуждены были каждую среду, бросив все дела, вылетать утром в Москву заводским самолетом, из аэропорта — в Министерство, вечером — на Казанский вокзал в скорый поезд «Жигули». Получал я за такой вояж — 2,6 руб.+ проездные, тк день приезда и день отъезда считался как один, Это идиотское правило отменили позже. Наш семейный бюджет трещал по всем швам. Зато несведущие люди были убеждены, что частые командировки — манна небесная. Единственное, что я старался сделать, — купить мясо. У нас в магазинах его не было.

Компрессорные станции с ГПА-Ц6,3 стали вводиться в эксплуатацию по нарастающей. И если базовые двигатели имели

рабочий ресурс 3000 час, то для газовиков этого было мало. Дашь 30 000 часов! Полезли дефекты. Больше всего портил нервы и статистику опорный подшипник свободной турбины. У нас трескался сильфон в дозаторе газа, отказывала «катушка зажигания», «летели» датчики оборотов и вибрации. Выход из строя датчика приводил к «ложному» останову ГПА. Много остановов происходило из-за сбоев электропитания, из-за плохого качества системы управления ГПА, низкой квалификации обслуживающего персонала и т.д. и т.п. Мы впервые столкнулись с гражданской эксплуатацией, которая отличалась от военной, как небо от земли.

В армии, особенно в ракетных частях, утвердился достаточно четкий и однозначный порядок ответственности, гарантий и эксплуатации. На КС вновь набранные мотористы, воспитанные на традиции, что новый трактор или комбайн не работает, если его не переберешь до винтика, не имеющие представления о гарантийных правилах и гарантийном обслуживании, обращались с авиационной техникой как привыкли.

Только Дондуков смог пробить взаимное непонимание и наладить достаточно жизнеспособную систему эксплуатации наших двигателей. По его требованию и повседневному контролю на каждой КС постоянно находились 2—3 работника завода и один конструктор-испытатель. Они контролировали и активно воздействовали на процесс эксплуатации и устранения вскрывшихся неполадок. Он установил стимулирующую премию за работу на КС и обязал снабжать такие бригады продуктами и при необходимости приобретать или возводить жилье рядом со станцией. Большинство КС располагалось в глухомани без столовых и гостиниц. На заводе им Фрунзе были организованы 2—3-месячные курсы для персонала КС. Без удостоверения о сдаче выпускных экзаменов обслуживание двигателей запрещалось.

Нам приходилось вкалывать и вкалывать. Ракетный энтузиазм выкорчевали, и убедить людей в необходимости сверхурочной работы было трудно, да и премии сильно отставали от роста цен и расширения дефицита продуктов и ширпотреба. Без военной приемки качество изготовления снижалось, а новые агрегаты регулирования были сложными и требовали высокой квалификации. Чтобы устранить поломку сильфонов, мы с Демидовой установили буквально 100% конструкторский контроль цикла их изготовления, начиная с входного контроля заготовок, и добились качества.

В это время все большее распространение получали цифровые электронные приборы взамен аналоговых. В корпорации НД мы начали их внедрять одними из первых, Катушки зажигания и Сигнали-

заторы предельных оборотов поставлялись из Уфы. На территории завода располагались и разработчики. Молодые ребята из этого КБ предложили нам проверить на двигателях их новые разработки, что мы и сделали. Вместо серийного громоздкого датчика оборотов поместили вращающийся индуктор и миниатюрный датчик в изящной компоновке. Так же поступили с заменой прибора зажигания. В Ленинграде нашли разработчиков принципиально новой системы измерения вибраций. Она позволяла анализировать гармоники колебаний 2, 3 и более высоких порядков, что можно было использовать для диагностики состояния и раннего предотвращения проявления дефекта. К сожалению, после моего ухода энтузиастов продолжения работы в этом направлении не нашлось.

Когда получили безотказную наработку в реальных условиях более 10 тысяч часов, я предложил Зарову добиться серийного производства названных устройств в Уфе. Его однозначный ответ — «Пока эти вещи не востребует авиация, никто для газоперекачки их делать не будет! Нечего туда зря ехать!» — меня не остановил, я пошел к Трофимову и вскоре выехал в Уфу. Там, в КБ, узнав о цели моего визита, встретили с восторгом, тк сами совладать с руководством завода не могли, а серийное внедрение сулило немалые деньги.

Когда я шел по залу, уставленному кульманами, из-за одного из них раздалось:

— «Эту рожу я где-то видел!», — тональность была настолько теплой и дружелюбной, что вызвала исключительно положительный отклик. Вгляделся в говорившего и выпалил: «Лефортово? Шестой корпус? Общежитие...» — «Точно!» Мы там жили на разных этажах, учились на разных факультетах, никогда не общались, но видели друг друга постоянно, встретились, как родные. Он буквально затащил меня к себе в квартиру в центре города. Мужик любил выпить, поэтому жена, дочь башкирского министра, ушла с детьми. Мы проболтали всю ночь, а в следующий приезд я остановился там же.

Мы подготовили трехсторонний протокол о внедрении в серийное производство, и руководители КБ попросили меня самостоятельно зайти к директору завода — настолько сложными были их взаимоотношения.

Я никогда не играл в покер и о сути этой игры знаю немного, но в кабинете директора я блефовал по крупному, «по поручению и от имени Дондукова...», преувеличил статистику отказов, разъяснил спасительную роль проверенных новых устройств и т.п. Директор был на том сентябрьском совещании и знал о личной заинтересованности зам министра в газоперекачке, поэтому мои

доверительные слова, что «Николай Александрович, конечно, не может дать Вам прямого указания, но попросил передать просьбу о положительном решении», были восприняты серьезно и после 20 минутной дискуссии вопрос был решен. Я очень боялся, что мои слова дойдут до Дона, хотя сейчас думаю, что он бы их одобрил. Через пару лет электронная система зажигания стала нормой для всех новых авиадвигателей. В Куйбышеве мою миссию оценили как рабочую, уфимцы прислали 150 руб. за содействие

Между тем в военно-транспортной авиации произошло ЧП. Двигатель НК-14МА был снят по аварийному сигналу «стружка в масле» из-за поломки подшипника в электрогенераторе ГТ120. Это случай был не первым, и в Москве у разработчика собрались все заинтересованные стороны. От нас — Заров и я. Накануне встретились в узком составе. Я показал наш эскиз установки на выходе из генератора фильтра с «датчиком стружки», как простейший выход из сложившейся обстановки. Реакция было резко отрицательной, т.к., по их словам, они категорически возражали против установки генератора на картере компрессора без виброммортизаторов, и Флиссский обещал, что в случае неприятностей, к ним никаких претензий не будет. Назавтра на основной сбор я пошел один, Заров поехал на ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства), где Мингазпром организовал встречу с американской фирмой Sollar. Я «сражался» в одиночку и добился компромисса: приставка их, датчик наш.

Примерно в это же время (может быть ранее) произошла катастрофа самолета АН-22 в Индии. Во время полета над дремучими джунглями самолет упал, все, кто был на борту, погибли. Радио молчало. Аналогичный случай произошел с таким же самолетом в 1970 г на подлете к Перу, куда он вез студенческую медбригаду и товары помощи пострадавшим от землетрясения и бесследно исчез в океане.

Собрали всех, кто имел отношение к комплектации самолета. Первыми отпустили винтовиков — тут нет вопросов. Началась традиционная перепалка между самолетчиками и двигателястами, усугубленная тем, что, судя по обломкам, произошел обрыв лопаток компрессора одного двигателя, который «подбил» второй, соседний. Вина двигателя становилась очевидной, как вдруг из Индии сообщили, что найден один из винтов в 500 м от места падения самолета. Осмотр не оставил сомнений — усталостный излом. Установили, что по технологии после запрессовки внешней пластмассовой оболочки винта острым ножом удалялся об-

лой (лишние наплывы), который в ряде случаев оставлял на закаленном стальном основании надрезы — концентраторы напряжений, приводящие к поломке и обрыву винта. Так, безусловно, было и в Перу.

В октябре 1976 г. два зам председателя Совета Министров Л.А. Смирнов (оборонка) и Э. Дымшиц (энергетика) совершили инспекционную поездку по вновь построенному газопроводу с ГПА-ЦБ,3. В итоговом протоколе была относящаяся к нам запись: установить на входе в двигатель стопорный клапан, чертежи передать заводу до 1 февраля 1977 г. Нам дали 1,5 месяца.

Конструктивная схема вопросов не вызывала — самооткрывающийся, как на ракетной линии окислителя. Как управлять? На ракете использовали воздух продувки, а здесь его нет. За конструкцию управляющего устройства взялся В. Мысин... Я уехал в отпуск в санаторий 4 Управления «Дубовая Роща». Вернулся в двадцатых числах января. Чертежи в кальках ожидали только моего просмотра и утверждения Главным. По клапану особых вопросов не возникло, но когда взялся за управляющее устройство, закололо в сердце.

— Дайте расчеты?

— Они у Мысина — это Демидова.

— Ты что их не проверяла?

— Что я должна проверять конструктора 1 категории?

Это резануло слух, такого в нашей совместной работе еще не было. Когда Мысин показал бумажку с расчетом, стало ясно, что такое устройство не работоспособно. Было уже поздно, вернулся домой с тоскливым ощущением провала. Ночью мучительно искал решение и понял, что предполагаемый простой вариант не пройдет. Утром попросил В. Быкова как можно быстрее раздобыть у своих бывших коллег схемы ЭПК (электропневмоклапан), которые используются на «семерке» Глушко. Володя понял серьезность ситуации и часа через 1,5 принес просимое. Вместе сели разбираться и нашли, что нужно. Ясно, что использовать ракетный узел в гражданской продукции без согласования с разработчиком — незаконно, только согласование не возможно, учитывая специфику взаимоотношений Глушко и Кузнецова. Пошел в цех 10, цех автоматки, к начальнику, Михаилу Данишевскому, которого я неоднократно выручал в сложных ситуациях, особенно в «уговорах» Зеленского. Он согласился с моими доводами о преимуществах использования ЭПК, прошедших типовые испытания, и использования деталей, непринятых военпредами и имеющих отклонения, согласованные с нами.

За два дня перескоблили кальки сборочных чертежей и выдали комплект в срок. Об этом никому не доложили. Через полгода меня пригласил к себе зам главного конструктора филиала, который вел на заводе «семерку», Валерий Копп, умнейший еврей. Он, по сути, вел все дела на производстве, а их главный в основном сидел на Байконуре, где получал хорошие деньги за «участие» в запусках «Союзов». Я честно все объяснил Коппу, и мы договорились, что из сборочных документов мы уберем ссылку на их ЭПК, перечертим их чертежи по ЕСКД со своими обозначениями и с второстепенными изменениями, оговорив в техтребованиях возможность использования прототипа. Так делалось и до моего отъезда в Израиль.

Очень жаль, что Валерий Копп очень рано ушел из жизни, не успев даже выйти на пенсию. Да будет благословенна память о нем! Равноценной замены ему не нашлось.

В это же время НД через свой филиал при казанском авиамоторном заводе энергично ставил в серию новый двигатель для аэробуса ИЛ-88. От Кузнецова работу возглавил Н.Д. Печенкин, который не очень «вписывался». Как-то при встрече в министерстве он молвил: «Я — как тряпка, о которую все вытирают ноги...». Горечь несправедливого запрета на работу съедала и его. Ведь к маю 74-го был сделан и в элементах опробован солидный конструкторский задел по созданию мощного ракетного двигателя на жидком водороде. Частично эти разработки были позднее использованы для переделки двигателя НК-16 (самолеты Ту-154 и ИЛ-62) на жидкий пропан, но на доработку самолета не было денег и желания (в послесоветское время).

12.4. Рабочие будни

Серийное изготовление ГПА-Ц6,3 осуществляло машиностроительное объединение им Фрунзе в Сумах на (сегодня «в») Украине. Конструкторскую документацию из Казани передали в московское СКБ ТХМ (тяжелое химмашстроение). Там преобладало еврейское руководство. Когда они приехали представляться в Куйбышев, их Главный доверительно попросил меня передать ему список поставщиков комплектующих автоматики двигателя. На мой настороженный вопрос — «Зачем он вам?» — последовал невнятный ответ, что-то вроде — «мы хотим вам помочь и Делу». Очень вежливо я объяснил, что список секретный и дать его не могу, а вот для Дела целесообразно аналогично практике ракетной техники создать «Совет Главных конструкторов» и при нем «Совет по автоматике», куда привлечь всех, кто влияет на Дело.

Он так и сделал. Эти «Советы» стали собираться примерно 1 раз в квартал и очень способствовали налаживанию нормальных контактов и взаимопонимания. Тогда же Дон дал мне прямое указание максимально автоматизировать управление ГПА и двигателя. Пришлось вникать в основы электронной автоматики, мне было абсолютно ясно, что будущее за электроникой. А вот визави из химмаша этого не ощущали, да и газовики тоже. Я стал «пламенным борцом за комплексную автоматику» (из телеграммы СКБ ТХМ к моему 50-летию). Новую САУ ГПА разрабатывали в харьковском филиале «Союзгазавтоматики», туда я и начал стучаться. Ответы были расплывчатые и неопределенные: «Еще не время, работы ведутся, о результатах доложим по выполнению...» Главный инженер Лернер огрызнулся, что нам, очевидно, делать нечего, лезем в чужие дела вместо устранения своих недостатков, «вы не понимаете, что вся электроника отдана на оборону и у нас ее можно будет использовать лет через 15—18».

Мои доклады Дондукову были неоптимистичны и не были победными реляциями. Ему это не очень нравилось, но он понимал, что кавалеристскими наскоками эту застоявшуюся глыбу не сдвинешь с места. Он договорился, что меня и вновь назначенного зам нач. 3 ГУ примет зампредсовмина Л.А.Смирнов. Мы пошли в Кремль. Бюро пропусков у Спасских ворот. Здание Совета Министров со скругленным углом и круглой башней с флагом, Поразило следующее:

- пропуск проверяли на каждом лестничном пролете;
- полное безлюдье, кое-где промелькнет человечек;
- гардеробщицы громко и без оглядки обсуждают, кому какой дефицит достался. Подобные дебаты я с безразличностью слышал в бухгалтерии Обкома партии, когда отчитывался по командировочным расходам;

- крыло, где находился Министр обороны, охраняли не КГБшники, а люди в военной форме.

В приемной Смирнова за старомодным столом без тумб сидела немолодая секретарь с каменно- непроницаемым лицом. Она поведала, что Л.А. «вызвали наверх» и нам лучше встретиться с референтом.

Референт, молодой человек с достаточно развязными манерами, одетый «с иголки», с дорогими швейцарскими часами и американскими сигаретами. Начался разговор в курительной комнате, продолжился в его кабинете. Там он не курил. Я в доступной форме ввел его в суть проблемы комплексной автоматизации

при транспорте газа с использованием отработавших ресурс авиадвигателей. Он пришел в восторг:

— Леня (Л. Смирнов) любит такие вещи. Представляете: на Совете Министров он воткнет Дымщицу в жопу эту иголочку...

Он попросил подготовить докладную с небольшим плакатиком и заказал нам пропуска на «через три дня», как я попросил. Когда мы вошли в кабинет «самого», я очень кратко пояснил цель визита и передал записку на 2,5 листах, плакат оставил у себя референт.

— Благодарю! — аудиенция завершилась.

Никаких громких акций, на которые, по- моему, рассчитывал Дондуков не последовало. Но через 3 месяца Мингазпром забраковал харьковский проект, передав разработку АСУ ленинградскому институту. Она эксплуатируется и сейчас. Конечно, по — человечески было жалко харьковских коллег, они сделали то, что умели и знали, а умели они работать с громоздкими релейными схемами без электроники. Лернер уже «репатриировался» в США.

Одной из серьезных проблем, ограничивающей исключения человека из процесса управления ГПА было отсутствие защиты от снижения оборотов при малой загрузке, которое может привести к срыву компрессора в помпаж. Более 2,5 лет Просвиринов искал решение. Мы шли от простого к более сложному, т.к. необходимо было задержать падение оборотов не по фиксированной частоте фактических оборотов, а по «приведенным оборотам», зависящим от окружающей температуры и давления воздуха. В итоге пришлось спроектировать новый прибор, который и обеспечил требуемое. Оказалось, что наличие такой защиты позволило увеличить температуру газа перед турбиной, что увеличило КПД двигателя и принесло многомиллионную экономию топливного газа. Нас «по наглomu» «кинул» Трофимов с оплатой признанного изобретения. В нем в соавторах был записан уже покойный Г. Заров, а не он. Даже писать про эту подлость противно...

12.5. Незабываемые эпизоды

13 декабря 1979г я вышел из больницы и назавтра, поехав на работу, дал жене слово, что вернусь во время. По дороге в микроавтобусе Степанов предупредил меня, что завод стоит, т.к. «не регулируются дозаторы газа», «больше ничем не занимайся». Мои мудрецы, Кораблин, Миронов и Демидова, — были в панике: все сделано по чертежам, «все проверили с контролерами, а дозаторы не перестраиваются с «малого газа».

Наметили с десятков версий, в том числе и полуфантастических, и пошли в сборочный цех, где дозаторы собирали и отлажи-

вали. Там столкнулись с замом главного инженера по надежности В. Стариковым, и Степановым, которых сопровождали несколько работников отдела надежности. Стариков, бывший конструктор ККБМ, зять одного из боссов, слыл специалистом по «нахождению причин дефектов в конструкции». Он уже имел «готовый диагноз» — его спец сложил арифметически все допускаемые отклонения по радиальным биениям (несоосность) и получил возможность возникновения натяга в 0,01 мм, — поэтому сразу перешел в атаку:

— Из-за вашей говенной документации завод стоит и проваливает годовой план...

Я пытался ему объяснить, что биения надо суммировать алгебраически и что эта версия уже проверена поворотом двух деталей на 180°. В ответ мат и угрозы. Степанов молчит. Когда Стариков перешел на личные оскорбления, я ответил ему тем же. Он полез с кулаками, я схватил трубу... Нас развели, и тут же подошла секретарь начальника цеха и передала просьбу зам директора по производству А.Коршунова срочно зайти к нему.

Еще в ракетные времена, когда он был начальником техбюро цеха, мы всегда находили общий язык. Его обращение лично ко мне, а не к начальству, было свидетельством доверия и уважения:

«...Не обижайтесь, но очень прошу вас немедленно позвонить в Москву и вызвать разработчика. Звоните с моего телефона...»

Я связался с московским Ивановым, объяснил ситуацию и попросил срочно вылететь к нам. В это время в цеху проверяли версии. После обеда я присоединился к этой работе, т.к. ничего не нашли. Попросил повторить кое-что. Оказалось, что если новый узел перестройки заменить старым, все работает нормально. Я потребовал сорвать пломбы и начать постепенную разборку обоих узлов. Первой сняли ввертную цилиндрическую опору пружины. Одного взгляда было достаточно, чтобы все встало на свои места — в «новой» не была выполнена расточка, из-за чего пружина оказывалась пережатой, далее не сжималась. Так была изготовлена вся партия этих деталей.

Я побежал звонить в Москву, на что ответили — «Иванов не собирался к вам...», затем зашел к Зарову. Там шел «сабантуй» по поводу систематических поломок подшипника свободной турбины с участием Старикова и Степанова. Я отозвал в сторону М. Карпилова, он был «главным от ОКБ» на филиале завода, где изготавливались детали для дозатора, и начал ему рассказывать об обнаруженном. Вдруг Стариков спокойным и очень дружелюбным тоном попросил меня повторить сказанное. Я повторил, и он

сел за телефон докладывать, гневно обличая бракоделов из Винтая..., домой я попал далеко не вовремя.

Дефект с подшипником свободной турбины очень типичен для ОКБ-2 времен Трофимова. «Работа» по его устранению продолжалась лет 8. Возглавлял ее Анри (потом Андрей) Ермаков, еврей по Галахе (мать), бывший секретарь райкома комсомола, карьеру которому делала его сестра, неизменный член парткома нашего Министерства. Он был не глуп, хорошо входил в контакт с людьми, никогда не перечил начальству, но НЕ БЫЛ конструктором. Бессменный секретарь партбюро, начальник отдела ТНА, затем турбин и компрессора, он опирался не на таланты, а на верноподданных и на прочитанное в технической литературе. Последнее просто бесило оставшихся у него в отделе КОНСТРУКТОРОВ. Както я ему сказал: «Окажись я на твоём месте, за это время забыли бы о дефекте или обо мне, вы хотите справиться с дефектом подешевле, как на Сухаревке..., а так не бывает». Дефект ликвидировали, когда вмешалось Головное ОКБ и потребовало качественно увеличить жесткость опоры и корпуса.

А со Стариковым сложились нормальные, деловые отношения. К его чести, он из декабрьского скандала сделал правильные выводы. Это подтвердилось позднее, когда мне принесли на реализацию рацпредложение, поданное испытателями — снять датчик обледенения и предусмотреть сезонное (зима — лето) включение обогрева направляющего аппарата компрессора. В числе авторов были Стариков и Степанов. На мое недоумение отделские «спецы» ответили: «Глупость, конечно, но начальство так хочет...». Я ответил не очень деликатно, упомянув «логику баранов».

Дело в том, что включение обогрева снижает КПД и необходимо только в условиях, способствующих появлению наледи, т.е. появлению точки росы где-то в диапазоне $\pm 3^{\circ}\text{C}$, что для основных районов нахождения газотранспорта возможно круглый год. Разговор со Степановым был тяжелым и кончился репликой — «договаривайся со Стариковым сам». Позвонил ему и очень вежливо и подробно объяснил ситуацию. До него быстро дошел смысл заветного и подписанного:

— Так что, выходит, мы все мудаки?

— Я этого не говорил!

Чуть вернусь назад. В начале внедрение вазовских фильтров на входе газовой трубы питания наших двигателей протекало не гладко из-за недовольства Минавтопрома и разворовывания фильтроэлементов на КС. Дондуков в декабре 77г предложил мне ознакомиться

с решением этой проблемы на ленинградском заводе «Русский дизель», где выпускали газовые дизели для газоперекачки.

Завод расположен почти в центре города, недалеко от вечной стоянки крейсера «Аврора». Когда я попал в КБ, начальника не застал. Мне объяснили, что он, как член комиссии, «принимает» новое девятиэтажное здание «инженерного корпуса» напротив. В здании была готова одна секция из 3-х комнат на 1 этаже, в остальных — не было даже штукатурки. Таким его принимают, ведь кончался год.

В то время по стране усиленно распространялись слухи о принципиальном борце с очковтирательством ленинградском партлидере Романове, а тут чистейшая «показуха» в центре города. Кстати, по фильтрации ничего нового у них не оказалось, а вот досада на то, что мы своими дешевыми двигателями делаем их невостребованными, не скрывалась.

«Я планов наших люблю громадьё...» — написал о 1-й пятилетке В. Маяковский. Я упоминал о «беседах на пути с водопою» с деятелем из Госплана. Однажды я затронул вопрос о пагубном для советской экономики планировании «по валу». Он сказал, что в Госплане пытались разобраться в истории появления «валовки» и выявить автора. « Дело в том, что 1-я пятилетка была сверстана очень умными и квалифицированными людьми с учетом всех возможностей и резервов. Когда появился поддержанный Сталиным лозунг «Пятилетку в 4 года!», те, кто пытались слабо возражать, сразу попали во «вредители», осторожные отмолчались. На исходе 4 года на запрос вождя последовал ответ — пятилетка проваливается по всем показателям. Он возмутился, и тогда в недрах Госплана родилась идея отчета и планирования «по валу». От этой заразы не удалось отмежеваться до конца Советской власти, а вот автор остался не известным.

В декабре 76 г. по плану должен был встать в строй филиал завода им Фрунзе в поселке Винтай. Завод «принимали», когда в сборочном цеху была выложена только одна стена. Главный инженер категорически отказался подписывать приемные документы, хотя 3-й секретарь обкома партии прямо обвинил его в «непонимании политической важности сдачи завода». Подписал бумаги вновь назначенный гл. инженер Пиккуль.

Позднее бывший зам у Чезганова, перешедший на работу в областное статистическое управление, рассказал «за бутылкой» захватывающую историю как область выполнила «пятилетку качества». В середине ноября 1 секретарь обкома В. Орлов заслушал доклад начальника облстата, который доложил, что область пятилетку не осиливает, и был изгнан из кабинета. 21-го ноября он

пришел вторично с сообщением, что область завершила пятилетку досрочно. 23 (или 25) ноября город Куйбышев был награжден за трудовые достижения вторым орденом Ленина. Орлов вскоре убыл на министерский пост в столицу, а болтливый наш рассказчик — в тюрьму «за растрату».

Между тем практика использования ГПА с нашими СТ все более расширялась. В Головном ОКБ начали разработку утилизации двигателей, снимаемых с самолетов Ту-154, для привода газового нагнетателя большей мощности. Руководитель этой темы, Владимир Николаевич Орлов предложил НД отдать автоматику этого двигателя нам, а точнее мне, т.к. к тому времени я достаточно много раз консультировал его по «острым вопросам». Честно говоря, я испугался, потому что мы совершенно не знали специфику двигателя НК-16. Впоследствии жалел об этом — надо было попросить хотя бы одного человека из отдела автоматики, и мне бы не отказали. В итоге автоматика попала в отдел Крючкова к Валерию Козлову, с которым мы достаточно быстро стали «понимать» друг друга. Мне удалось убедить его отказаться от некоторых авиационных догм по нашему примеру и тщательно ознакомиться с «историей доводки автоматики нашего двигателя».

Так в начале эксплуатации мы столкнулись с фактами взрывов внутри газоотводящей башни при запуске, которые продолжались пока мы не отошли от авиационной традиции «тренировать свечи зажигания непосредственно перед запуском». Перенос «тренировки» на «после останова» прекратил аварийные разрушения башен. Не «сходу», а после основательной аргументации все наши рекомендации были учтены, что на много упростило доводку. Единственное мое предложение было категорически отвергнуто Орловым — сохранить на двигателе электрогенератор, который бы автоматически включался электромурфтой при обесточивании КС. По-человечески, такой отказ понятен, а по — государственному — нет.

Летом 1981 г. на ВДНХ состоялось межведомственная конференция по анализу опыта эксплуатации ГПА с авиаприводом, организованная ЦИАМ, Мингазпромом и Минхиммашем. На ней выступил и я. Остановился на следующих проблемах:

- фильтрация топливного газа. Я обосновал, что фильтр должен быть составной частью ГПА, а не КС, и что традиционная «пу-танка» должна быть заменена европейским (типа ВАЗ) фильтром;
- электропитание КС. Специализированные институты Мингазпрома должны решить этот вопрос кардинально, т.к. сбои и остановки — бич эксплуатации;

— грамотность и квалификация обслуживающего персонала. Необходимо искоренить убеждение, «что агрегат наш, мы можем делать с двигателем, что хотим».

По предложению руководителя конференции все мои предложения вошли в итоговое решение.

В том же году я стал «лауреатом ВДНХ». В октябре 1981 г. по возвращении из очередной командировки я получил от Степанова задание — перевести турбостартер на газ для опытной проверки с электрогенератором. Такая очень серьезная и проблемная работа должна была по идее санкционироваться Министерством. Оказалось, что приезжал из «Красноярскэнерго» очень бойкий мужик, который всех околдовал блестящей перспективой использования наших двигателей в качестве привода для «пиковых электрогенераторов». Идея не новая и очень актуальная, но, сколько в ней подводных камней! Главная проблема — обеспечение постоянства оборотов генератора, ведь обороты — это частота колебаний переменного тока, а она должна находиться строго в очень узком диапазоне изменений.

Опять стычка со Степой, он подписал протокол о сотрудничестве, и мы с В. Паком направились в Красноярск «отыгрываться». У нас был 0°C, но полетели в зимнем. Прилетели туда ночью, — 30°C с ветром. В квартиру для приезжих попали ночью, там отопление фактически не работало. Холодно!!! Над городом густой туман от реки Енисей, которая даже зимой не замерзает. Город не осмотрели, т.к. отогрелись только в самолете по пути домой. А по делу пришлось провести основательную техучебу, как по основам эксплуатации авиадвигателей на газе, так и по технике безопасности в газовом хозяйстве и по требованиям Гостехнадзора, а так же по проблемам совмещения параметров двигателя и генератора. Наш хозяин обо всем этом услышал в первый раз. Договорились, что мы сделаем плакат для ВДНХ, и я впервые в жизни «пошел налево», предложив им заплатить за плакат 3000 руб. по 1000 мне, Паку и исполнителю. Продешевили... Мы получили дипломы ВДНХ и бесплатные билеты, которыми воспользоваться я так и не успел.

В конце 70-х даже в СССР стала очевидна необходимость создания экономичных авиадвигателей. Высокая стоимость эксплуатации погубила сверхзвуковой ТУ144; многие с сожалением вспоминали о преждевременной «смерти» самых дешевых ТУ-114. О целесообразности возврата к воздушным винтам появилось много зарубежных публикаций. Задумались и мы. Стали просматривать вариант установки редуктора и винтов на вал турбокомпрессора двигателя Е для демонстрационной модели.

Для разговора с винтовиками я поехал в подмосковный Ступино — базу авиавинтов.

Приняли меня очень радушно. Они сохранили большое уважение к «фирме Кузнецова» и высказали удивление, что мы так поздно вернулись к этой теме. От них я узнал, что для наших конкурентов уже более года разрабатываются принципиально новые сверхзвуковые саблевидные винты. Их использование упрощает конструкцию редуктора и существенно уменьшает «звуковое сопровождение». Сильный шум от работающих винтов на двигателях НК-12 значительно превышал установленные нормы.

Вернувшись, я рассказал обо всем Трофимову и предложил доложить генералу. Он согласился и поручил мне действовать самостоятельно, наверно не уловив актуальности вопроса. Я подумал, что докладывать в обход коллеги Анисимова некорректно, зашел к нему, все объяснил и предложил ему договориться, когда НД сможет нас принять. На том и разошлись. Назавтра Анисимов позвонил мне и сказал, что был у генерала, все доложил и повторять сообщение нет смысла. Меня этот дурно пахнувший поступок покоробил, тем более, что реакция НД была стремительной. Он тут же дал задание приступить к созданию нового турбовинтового двигателя на базе турбокомпрессора самого мощного (тогда) в СССР двигателя Е — НК-25. К сожалению, в советское время турбовентиляторный двигатель НК-93 не был завершен, что и определило его тяжелую судьбу. Я как бы дал толчок его рождению.

Наше КБ продолжило проработки действующего макета винтового двигателя. Меня увлекла мысль апробировать вариант замены громоздкой гидромеханической системы управления оборотами воздушных винтов электронной, используя имеющиеся в ракетной технике линейные двигатели и наши цифровые датчики оборотов. Наметились пути реализации, но жизнь абсолютно неожиданно круто изменилась.

12.6. Дела житейские

С сентября 74 г. дочка начала «долбить» медицину. Именно «долбить», т.к. трудно представить, сколько названий и терминов надо было ей запомнить по латыни. Жили мы в 20 км от города; она уходила в 7 утра на автобус № 50, который «брали с боем», и возвращалась в 9 вечера. Учебные корпуса мединститута разбросаны по всему городу, поэтому ей, как и сокурсникам, некогда, да и негде было пообедать; хватали на ходу стакан кофе с какой-нибудь выпечкой. И так 6 лет. Естественно, такое питание не способствовало нормальной деятельности желудка. Зимой и весной во

время экзаменационной сессии, как правило, у нас гостила подруга. Вдвоем готовиться эффективнее.

12.6.1. Поездка в Прибалтику

Летом 1975 г. Алла с подругой уехали на Черное море, а мы троим на автомашине двинули в Прибалтику через Москву. Перед поездкой я застраховал машину и убеждал брата застраховаться. Ответ был категоричен — «Я не собираюсь биться!» В Москву поехали через Горький, дорога длиннее на 200 км, но менее загружена и качество лучше. Проехали Ульяновск, Горький и заночевали в лесу, сын в машине, мы в палатке.

В Москве к нам на автомашине «Москвич» ИЖ412 присоединилась вся семья Краснопольских (Илья, Алла, Люба — ровесница Аркадия, Катенька 6 лет) и наша двоюродная сестричка Мая. Люба с Аркашкой все время сидели в нашей машине и стрекотали как сороки. Поначалу я старался держать Краснопольских в «поле видимости», но ехать со скоростью 90 км/час по отличной тогда минской дороге было невмогуту. Мы уходили вперед и в живописном месте дороги поджидали спутников. Их передвижение сильно тормозила Катюша бесчисленными требованиями «хочу писать!». Когда мы достигли города Борисов по просьбе Маи заехали к родственникам ее мужа. Встретили нас радушно, выделили каждому по комнате. Хозяин запомнился жалобами на притеснения евреев со стороны властей:

— До войны в Борисове более половины жителей были евреи, издавалась газета на идиш, заявления в горсовет можно было писать по-еврейски, а сегодня ничего этого нет.

Я попытался деликатно указать ему, что сейчас, очевидно, евреи составляют меньшинство, а его собственный дом и материальное положение не укладываются в понятия «бедность и притеснения», — безуспешно. Вскоре вся «мишпаха» Шифриных вынырнула в США и там преуспевает.

Вечером мы, потушив свет, легли в чистую просторную кровать, и... открылась дверь, зажегся свет, молча, вошла дочь хозяев и стала искать свои ручные часы. Нашла и, не произнеся ни слова, удалилась. Валю затрясло от возмущения, и она долго не могла успокоиться. Праздник был испорчен. Назавтра мы объездили Минск и заехали в мемориальный комплекс Хатынь на месте деревни, уничтоженной гитлеровцами вместе с жителями. Лишь в Израиле мы узнали, что зверствовали не немцы, а прибалты. Уже на подъезде к Белоруссии мы всем экипажем стали сочинять куплеты-частушки на манер «ярославских ребят». Полный текст, кажется, сохранили Краснопольские, я запомнил несколько.

Валя смотрит на дорогу,
Видит встречная идет
У нее дрожит коленка
И сердечко холодеть...

Не менее 20 лет понадобилось моей жене, чтобы сесть на заднее сидение автомобиля и не смотреть непрерывно на дорогу...

В Минске ездить очень трудно —
Очень строгое ГАИ
Целый день нас штрафовали —
Похудели кошельки...

В Минске за один день меня штрафовали 4 раза по одному руб. Даже в Куйбышеве ходили легенды о белорусском ГАИ. Вечером нас пригласили на ночлег очередные родственники Володи Шифрина — молодая симпатичная пара, но под впечатлением вчерашнего эпизода мы были непреклонны вопреки мнению остальных. Ночевали в палатках в кемпинге под Минском. Назавтра были уже в Вильнюсе.

Самые яркие впечатления: колокольная музыка и главный католический собор, где в боковом коридоре на втором этаже висела картина-икона, смотреть на нее верующие католики позволяли себе один раз в году, кажется на пасху.

На шоссе Вильнюс-Каунас, сделанном как немецкий автобан, впервые увидел дорожный знак, ограничивающий нижний предел допустимой скорости движения. В конце пути мы поджидали Ильюшину машину не менее часа. В Каунасе посетили «музей чертей» — не поразил, а в музей Чюрлениса я не пошел, устал.

Вечером под проливным дождем поехали к «Каунасскому морю» — большому водохранилищу. Еду впереди, съездов вправо нет. Подобрал одинокого мужчину, идущего по шоссе. Он оказался директором пионерского лагеря и отблагодарил разрешением разместиться на берегу недалеко от лагеря, показав на скрытый съезд с шоссе. Условие поставил одно — никаких костров и никакого мусора.

4 дня провели одни на природе. Ежедневно по очереди ездили в Каунас за свежими продуктами. То, что там было в магазинах, нельзя было увидеть даже в Москве. Поражало изобилие молочных и мясных продуктов.

Далее была Паланга. Проболтались в ней почти целый день. Складывалось впечатление, что здесь пол Литвы. В море протис-

нуться было не возможно, а в столовой в очереди простояли часа 1,5. Отъехали примерно на 15 км и остановились на опушке леса. Женщины стали готовить ужин, остальные — собирать землянику, от нее поляна казалась красной. И тут нагрянула лесная охрана. Вначале они вели себя весьма агрессивно, но, увидев, что костров нет, а готовим на походных газовой и бензиновой плитах, что на скатерти не стоят водка и вино, успокоились, взяв обещание увести с собой мусор. Утром, когда мы свернулись и стали укладываться, они появились вновь. Придаться было не к чему. Аналогичный случай произошел на Тройкайских озерах, где в кемпинг было не попасть и мы раскинули палатки в «неположенном месте». Наконец мы добрались до Юрмалы, где, сначала заехали к подруге Аллы Краснопольской — Ольге. Она после московского Горного института попала в Ригу, вышла замуж. В конце концов, стала замминистра, в послесоветское время в Россию не вернулась.

Мы сняли комнату в трехкомнатной квартире на южной окраине Юрмалы, остальные остались у Ольги. Лето 75 г. было очень жарким, Балтийское море — необычайно теплым. Вторую комнату снимала интересная пара — он еврей-скрипач в симфоническом оркестре К.Кондрашина, одном из лучших в мире, она — грузинка, преподаватель русского языка, нафаршированная юмором и анекдотами. Общение с ними было приятным и интересным. Муж — Ёся был очень непрактичен и служил объектом постоянных не злых, но очень метких, юмористических нападок жены. Он объездил с оркестром полмира, и ему тоже было, что рассказать. Они нас пригласили прослушать 9 симфонию Бетховена в исполнении оркестра Кондрашина. Неизбалованные симфонической музыкой, мы были потрясены.

Из Юрмалы поехали в Эстонию, в курортный городок Пярну, где в это время находился со своей спортшколой д. Изя. Как только въехали в Эстонию, сразу удивило отсутствие на дорожных указателях надписей по-русски. При соприкосновении с эстонцами их неприязнь не скрывалась. В Пярну также находилась вторая жена Изи Ирина с дочкой Аней, моей двоюродной сестрой. Валя впервые их увидела и была крайне удивлена неродственным, мягко говоря, отношением с ее стороны ко всем нам.

Время отпуска близилось к концу, и мы решили оторваться от коллектива и возвращаться по шоссе Ленинград-Москва. Таллинн увидели издали, в Ленинград не заехали и около г. Пушкин вышли на основную трассу. Осмотрели достопримечательности Великого Новгорода. Впечатлили памятник «Тысячелетие России» и древнерусские постройки

Назавтра были в столице и далее по «Рязанке» на Куйбышев. Ровно в 200 км от дома при обгоне зацепил встречную и «нарисовал» ему всю левую сторону. Вину я не отрицал, но для оформления выплаты по страховке надо было дожидаться ГАИ. «Жертвой» оказался замдиректора одного из тольяттинских заводов, он ехал на юг и около Воронежа должен был встретиться с друзьями. Мы разговаривали около машины, когда в зад моей машины въехал еще один горемыка. Я дал расписку на 150 руб. в компенсацию причиненного ущерба, и замдиректора уехал. Я знал, что по закону эта расписка меня ни к чему не обязывает, т.к. составлена без участия милиции, но деньги ему завез. Он очень удивился — цену расписки ему пояснили в милиции по возвращении. Через полгода он перешел на ВАЗ и стал одним из Лениных начальников. Представляю, каково было бы Лене, если бы я не отдал долг. Но парадокс состоял и в том, что примерно на том же месте, что и я, на 2 дня раньше Леонид на высокой скорости попал на масляное пятно, потерял управление и вылетел за обочину, оказавшись в перевернутой машине. «Страховки» не было.

Летом 1976 г. Леня с Таней и я с Аркадием полетели на вазовскую базу отдыха в селении Варча южнее Сухуми. Там мы упивались местным золотым «Цоликаури» и столкнулись с необычными для СССР проблемами безработицы и внутригрузинских взаимоотношений. Директор базы — грузин был бог, царь и прокурор, его слово для персонала было непререкаемым. Каждый держался за свое место всеми конечностями. Там мы наглядно узнали, что «настоящий грузин» — это только выходец из центральной Грузии — Картли, а мингрелы, аджарцы и т.п. — «неполноценные». Об абхазах и говорить нечего. Начальство — только из «настоящих».

В Варче жили дружно, разве, что Аркашка постоянно жаловался — «опять Танька все конфеты съела». Домой я с детьми летел через Волгоград, где посетили мемориал «Мамаев Курган».

12.6.2. Уход отца

У мамы стал прогрессировать острый холецистит. Желчный пузырь был забит камнями, но ложиться на операцию она не соглашалась — «Лучше умру так...» Трудно описать, сколько сил пришлось затратить, чтобы переубедить ее. Осенью 77 г. ей успешно удалили желчный пузырь, и она ожила.

В середине сентября 1978 г. после празднования в Тольятти очередного дня рождения Тани я опять попал в больницу — ос-

трый панкреатит, которому опять предшествовал диагноз «второй инфаркт», но я уже был опытным. Из больницы вышел 12 октября и узнал, что в этот же день отец выписался из больницы нефтяников после сильного сердечного приступа.

В среду 18 октября я после семинара в обществе «Знание» заехал к родителям, где застал «Скорую помощь» и участкового врача. Он вывел меня в коридор и стал убеждать, что у отца инфаркт, а кардиобригада это отрицает — их мнение решающее. На просьбу отвезти отца в стационар они категорически отказались... Мать рассказала, что это был 5 или 6 вызов за сутки, но отец категорически не разрешил ставить меня в известность, чтобы не волновать после больницы. Материться было бесполезно, да и нельзя. Я от соседней позвонил Ефиму Френкелю, зав хирургического отдела онкологического диспансера. Во время войны наши родители подружились, а Фима (1940 г. р.) был старым приятелем Лени. Он вскоре предложил мне вызвать «скорую» и назвать им фамилию врача, которая примет нас в Кардиодиспансере. По приезду они без колебаний поставили диагноз — инфаркт и увезли нас. Там определили «обширный инфаркт». Я пишу так подробно, потому что до сих пор не могу простить этих подлых медиков, которые в те времена обрекали на смерть человека, если ему за 75 и он не «блатной».

Утром и до обеда я был у отца. Состояние его было удовлетворительное, но я еле стоял на ногах. Валя вызвала Леню, что бы он заменил меня. Ночью, по словам Лени у отца снова был сердечный приступ. В пятницу утром дежурить стала Валя, а я должен был приехать после работы. Но Е.Френкель убедил Леню перевести отца в реанимацию, т.к. на выходные дни на весь огромный корпус остается только 2 врача. В реанимацию родственников не пускали, когда папу туда повезли, он заплакал. Леня повез Френкеля в Тольятти, предупредив нас, что до понедельника к отцу доступа нет.

Вечером мы с большим трудом дозвонились в Кардиодиспансер и нам сообщили, что в 20.20 отец умер... У него был второй обширный инфаркт.

О похоронах писать не хочу... Похоронили его рядом с дедушкой Шайей, слева, на новом еврейском кладбище Куйбышева. Из Москвы на похороны приехали Аллочка Краснопольская и Володя Шифрин.

2.6.3 Орлята учатся летать

Аркадий заканчивал школу, и встал вопрос, куда пойти учиться дальше. Он стал говорить об МВТУ, на что я твердо возразил, что

при его уровне знаний физики и математики он туда не пройдет. Тогда Валя нашла репетитора по физике, сослуживца, окончившего Физтех, но из-за еврейства, не попавшего в атомную промышленность. По математике уговорили дочь Карпилова Ольгу, окончившую математический ф-т МГУ. Я ее попросил при первом же занятии сбить с сына спесь отличника, что она и сделала блестяще и, главное, в очень не обидной для него форме. За учебный год на репетиторов мы затратили более 600 руб., что для нас было достаточно ощутимым.

В начале 1978 г. по достижении 55 лет отправили на пенсию директрису 161-й школы Дину Иосифовну Покрасс, Заслуженного Учителя РСФСР. Ее место понадобилось для родственника одной из особ райкома партии. Все ученики и их родители были потрясены такой «заменой», Дина пользовалась всеобщим уважением и вывела школу в «образцовую». У нас в туалете появилась фотография какого-то мужчины. «Это — баран» — пояснил сын. Я понял, что речь идет о новом директоре и подумал, что его фамилия Баранов. Оказалось, что это — оценка его умственных способностей, ничего общего с фамилией не имеющая.

Вместо Д. Покрасс историю стала преподавать новая учительница. «... и тогда Гитлер сказал: «Товарищи фашисты...» — дословная цитата ее объяснений. Конечно, наш сын отреагировал уничижительным смешком и ... нажил врага. С большим трудом удалось пояснить ему немалую зависимость оценки в аттестате зрелости от этой дуры и, чтобы как-то загладить конфликт, я объяснялся с ней, «наступив на горло собственной песне».

Первый и самый страшный экзамен — сочинение. Темы приблизительно были известны, требовалось подготовить минимум 3 варианта. Я взял на себя «Народность и патриотизм в сочинениях Л.Н. Толстого». Целый день сидел в библиотеке и штудировал статьи литературных критиков, затем скомпоновал сочинение на 12 листах. Наверное, надо было сделать покороче. Именно его и списал сынок, но небрежно, с ошибками. На школьном выпускном вечере одна из учительниц проникновенно мне сказала: «Знаете, я прочитала сочинение вашего сына про патриотизм Толстого, и оно меня потрясло глубиной раскрытия темы. Это научная работа...» Я скромно удивился.

К экзамену по истории Аркадий готовился, как к решающему бою, как говорится — «наизусть в стихах». Отвечал первым, без подготовки. На третьем вопросе его прервали — «достаточно». Историчка запротестовала, но ее урезонила Покрасс — «Вы, что, шестерку хотите ему поставить?». Комичный случай произошел на эк-

замене по физике. Жанна Евсеева, дочь нашей «благодетельницы» в самом хорошем смысле этого емкого слова, передала ему свою задачу и задание — «собрать схему радиоприемника». Задачу он ей решил и написал, что схема полностью собрана на таком-то столе. Она подошла к столу и оттуда громко зашептала: «Аркаша! Он не включается». В ответ: «Воткни в сеть, дура!». Оценка — пять.

Аттестат у Аркадия был пятерочный, но без медали. Мы вылетели вдвоем в Москву. Мой институтский друг Виктор Карпов поселил нас в пустующей квартире родителей на Щелковском шоссе. Остановились на факультете Автоматизации и Механизации и специальности литейное производство. Там достаточно было набрать 9 баллов по физике и математике. Этот барьер сын взял успешно. Признаюсь, что к задаче по физике, связанной с космическими лучами, ее передала по телефону Валя, я не знал, как и подойти, хотя считал, что задачи по физике решаю лучше. На время экзаменов Валя взяла очередной отпуск и находилась в Москве.

Летом 1978 г. Леня был направлен в Польшу представителем ВАЗа, где находился более года. По возвращении он подключился к решению злободневного для завода вопроса — поиск дополнительных поставщиков листового проката для штамповки кузовных деталей. Ему дали право «отблагодарить» поставщика возможностью приобретения автомобиля на заводе. Он это оформил на мою тещу с условием, что свою машину я передам ему.

12.6.4. Жизнь продолжается

30 декабря в сорокаградусный мороз я на «перекладных» добрался до Тольятти, а 31-го в 3 часа дня выехал из Спецавтоцентра на новенькой ВАЗ-21011 желтолимонного цвета. Заправился бензином и двинулся домой. Дорога чистая, в машине тепло. Через некоторое время почувствовал какое-то беспокойство, и до меня дошло, что на трассе я один. Нет встречных, никого я не обгоняю, и никто не обгоняет меня. Я осознал смертельную опасность в случае, если новая, не обкатанная машина вдруг заглохнет... 40 градусов мороза! Проехав примерно 45 км, обогнал старенький грузовичок, стало на душе спокойнее. Доехал домой и поставил машину в гараж.

На 1 января у меня был авиабилет до Мин. Вод и путевка в санаторий «Дубовая Роща». Я упоминал о контингенте этой здравницы. Как-то сижу около кабинета врача, рядом села немолодая, очень ухоженная дама. Разговорились и, когда она узнала, что я нахожусь в очередном отпуске, разволновалась и возмутилась — «Разве так можно? Это такой тяжелый и изнурительный труд — ле-

читься на пищеварительном курорте... Нам с мужем выписывают больничный на весь срок, а летом мы по путевке едем отдыхать в Сочи». Наглядный пример равноправия в стране трудящихся. Кстати московский дядя Яша говорил, что в довоенные годы после возвращения с таких курортов ВСЕМ давали оплачиваемый двухнедельный дополнительный отпуск. А как трудно было попасть на такой курорт в наши дни!

В это же время обнаружили рак прямой кишки у тети Беллы. От классической операции она отказалась, а стала лечиться по новым методам. В феврале 1981 г. ее не стало. Для всех нас это была большая потеря — она была стержнем и опорой большой семьи и не дожила до 67 лет. Благословенна ее память!

Уезжая в Москву, Дон при мне дал задание Трофимову, чтобы тот исполнил его обещание отдать мне первую же городскую (не на Безымянке) квартиру. Не часто, но регулярно я напоминал об этом. В конце 79 г. он прямо сказал, что сделать ничего не может, но если я найду подходящий вариант, даст мне дополнительную квартиру для обмена.

Решающую помощь мне оказал Валентин Стрелецкий. О нем следует рассказать подробнее. В отдел пришел в конце 60-х. Рост под 190 см, мастер на все руки — «умелец» и хороший конструктор, он сразу выделялся среди окружения. Валентин обладал особым даром «делать дела», где надо войти в доверие и получить нужное. Он был не плохим психологом и нутром чуял, как расположить к себе собеседника. К сожалению, главным инструментом общения, по его же словам, была водка, что трагически сказалось на его судьбе. Года через 3 работы у меня он стал «заместителем нач. ОКБ-1 по административно-хозяйственной части», что еще более развратило его. После отъезда Дондукова Стрелецкого «ушли» из ОКБ-1. Он попросился ко мне, неоднократно поясняя, что ему «надо постоянно ощущать крепкую руку начальника». Не однократно предлагал мне «достать» что-либо дефицитное, но всякий раз я вежливо отклонял его предложения, понимая, что взамен надо будет на многое закрыть глаза. Как-то он спросил — нужна ли нам кабинетная швейная машина (мечта Вали). Я отказался, а в конце дня Степанов предупредил меня, что Стрелецкий будет в течение трех дней выполнять спецзадание Трофимова. Он отсутствовал неделю, а когда я его «прижал», рассказал, что доставал Степанову швейную машину и честно добавил: «Я поставил условие — нужен РАФик. В тот же день мне со склада продали три швейных машинки, я же Вам предлагал. Две продал за 1,5 цены, а в

остальные дни мы с автомашиной работали на склад и нам очень хорошо заплатили».

В начале 79г он рассказал, что через одну автоколонну обменял с доплатой начальству две двухкомнатные квартиры на Безымянке на четырехкомнатную в старом городе рядом с Волгой. Он же свел меня с главным инженером и председателем профсоюзного комитета. Памятуя об обещании Трофимова, я предложил им за трехкомнатную в этом же доме свою двухкомнатную «сталинку» и однокомнатную на Безымянке и, конечно же, деньги. Трофимов обманул, начал что-то невнятно мне объяснять. Я понял, что такой вариант упускать нельзя, и уговорил мать соединиться. В июне 1980 г. мы въехали в трехкомнатную квартиру на последнем, девятом этаже крайней секции огромного кирпичного дома на углу улиц Молодогвардейская и Первомайская. Комнаты были отдельные площадью 9, 11 и 17 м², большой коридор — 11 кв. м, балкон шириной 7,5 м и лоджия. Среднюю комнату с лоджией заняла мама, мы с Валей спали в маленькой. Алла успела сдать в новой квартире последний госэкзамен.

Все попытки как-то повлиять на ее распределение оказались тщетными, ее направили в Марийскую автономную республику. Туда в июле я повез ее на машине. В Йошкар-Оле собралось более 30 выпускников Куйбышевского мединститута, предстояло пройти интернатуру, прежде чем приступить к врачебной практике. Там я еще раз утвердился в мысли, что качество жизни хуже всего в коренной России. В Куйбышеве забыли о таких продуктах и товарах, что лежали на полках магазинов Йошкар-Олы. Дней через 10 Алла вернулась — ей разрешили пройти интернатуру в Куйбышеве. Она начала работать в детской консультации. Однажды пришла вся в слезах — направила в больницу ребенка, который оказался весь во вшах. Больница подняла большой шум, а она объясняла, что никогда в жизни не видела вошь. Теперь познакомились.

2.6.5 Гибель мамы

В конце августа у меня начались сильнейшие желудочные боли, сначала заподозрили панкреатит, затем Е.Френкель в «гастро-скоп» обнаружил язву 12-типерстной кишки. И снова больницы. Накануне выходных дней, связанных с «Днем Конституции» (брежневской) — 7 октября, я отпросился домой. 7-го днем мама поехала к тете Саре, чтобы дать деньги на «кадиш» по отцу. Я уговаривал ее сделать это завтра без меня, но тщетно. Наступили сумерки, а ее не было. Мы послали Аллу к тете Саре, там она узнала, что они не встретились, т.к. т.Сара была в гостях... Алла нашла бабушку в морге.

Мама возвращалась на трамвае и, когда переходила дорогу от остановки, на нее налетели «Жигули. За рулем сидел отставной военпред Лаптев, в машине находились его жена, бухгалтер крупнейшего Универсама, и его гендиректор Уполовникова. Они быстро внесли маму в автомашину, отвезли в ближайшую больницу и вернулись, поставив машину в «нужное» место. Мама скончалась, не приходя в сознание.

Похоронили ее на том же кладбище, где покоятся дед и отец, метрах в 50 от них. После возвращения из больницы я занялся делом о смерти матери. Брат Леня наотрез отказался в этом участвовать. Почему? Не хочу излагать свои версии, т.к. они оскорбительны для него. Скажу одно — зам. директора этого Универсама была любовницей Лениного приятеля Боси Элькинда...

Уже через неделю милиция «закрыла дело из-за отсутствия состава преступления», а когда я обратился к следователю в новенькой милицейской форме, он стал умолять меня выразить ему недоверие — «надоели звонки». Так началось мое глубокое знакомство с милицией и прокуратурой, в ходе которого я познал тесные связи органов власти с торговлей и истинную цену «защитникам закона». 6 раз я добивался возобновления дела об убийстве матери, два последних раза через Прокуратуру РСФСР в Москве. Только в 1983 г. последний, седьмой следователь В. Николаева ознакомила меня с показаниями таксиста-свидетеля происшествия, которого только при 4-м допросе райпрокурор Гетунов «убедил» отказаться от всего, ранее сказанного, словами — «я вижу много ДТП и, наверное, мог перепутать». Его показания незаконно скрывали от меня ее предшественники. Николаева разоблачила подделку «схемы происшествия» и ошибку в выводах экспертизы, которая на этот раз вынуждена была признать вину водителя. И после этого она честно меня предупредила, что «должна» закрыть дело, но, если я не возражаю, выступит посредником между нами.

Еще в январе 81 г. моя двоюродная сестра Люся привела к нам в квартиру Лаптеву и Уполовникову, которая сходу предложила — «давайте будем друзьями, мы будем снабжать вас продуктами по высшей категории». Я ответил, что «убийцы матери не могут быть моими друзьями» и предложил оплатить похороны и памятник — 1400 руб. Лаптева категорически отказалась, а назавтра ее супруг подал жалобу о «вымогательстве 5000 руб».

Я понял, что суда не добьюсь и согласился. Напуганный следователем Лаптев прибежал мириться, торговался по-базарному, остановились на цифре 1200. Он, опасаясь, что дело возобновят

без моей воли, уговорил меня зайти в областную прокуратуру к прокурору Паньшину, автору отказов на мои жалобы. Тот искренне удивился: «Если Затуловский не будет писать, кому ЭТО нужно!». Советская Фемида! Я вспомнил о реплике, которую мягко произнес пожилой рабочий после моего страстного ответа в защиту милиции на вопрос после лекции «О советском образе жизни», — «Просто Вы с ними не сталкивались».

12.7. «Катастрофа»

Вернусь назад. Новая квартира требовала серьезных доделок, следовательно, времени и денег. Мы решили в основном все делать самостоятельно, не спеша и качественно. Основная работа оставляла не квартиру только вечера и выходные дни. Мне очень помог советами по практике слесарных, столярных и малярных работ В.Стрелецкий, который жил в этом же доме. Я быстро воспринял справедливость утверждения — «глаза боятся, а руки делают». Но поначалу очень переживал и уставал. А тут еще Валя легла на операцию в начале апреля 81 г. в больницу на Управленческом. Через несколько дней «Скорая» увезла меня с очередным приступом панкреатита. Выписывали нас в один и тот же день. Алла не знала, как быть? Вечером позвонил приехавший из Тольятти Леня и пообещал ей помочь, но забыл...

Справилась, но на нее смотреть было тяжело.

В начале 1981 г. в Тольятти Аллу «свели» с Геннадием Гольдштейном из Перми, они понравились друг другу. После ее отъезда в Марий Эл, где ее направили в один из рабочих поселков, у них началась интенсивная переписка, которая завершилась свадьбой в Перми 06.02.82 г. Большую часть продуктов, все вино закупили мы в Москве, а также «доставали» через знакомых в Куйбышеве. На свадьбу кроме нас приехали Аркадий из Москвы, Люда Затуловская и Денисюки из Тольятти, Ада Демидова и две подруги Аллы. Оли Блиновой не было. Свадьба прошла отлично.

Мы планировали взять очередной отпуск и уехать по путевкам, но... «человек решает, бог располагает». Я ранее упоминал В. Тишанского. Этот человек сочетал неплохие деловые качества с редким эгоизмом и отсутствием элементарного чувства личной ответственности. Он страдал язвой желудка, и многие свои выходы связывал с этим. Неоднократно он давал поводы, что надо расстаться, да и окружающие мне об этом говорили, но я по-глупости жалел его, напрасно. На следующий день после нашего возвращения на работу после свадьбы он устроил скандал и плюнул на меня. Я, не задумываясь, удалил его кулаком «по морде». Позднее

я узнал, что он за месяц до этого приходил к Степанову с жалобой на меня, но тот, выслушав его, ответил, что в данном случае он не прав и посоветовал дождаться лучшего повода, а пока извиниться.

До этого случая я сделал очередную ошибку, очень активно встал на защиту Ады Демидовой (она была в отпуске) в очереди на получение квартиры, «зацепив» секретаршу Трофимова. Когда Ада вернулась, на предложение продолжить совместную борьбу однозначно отказалась — «не буду, она любовница Трофимова». Я нажил себе врагов.

Спровоцированный эпизод получил достаточно четкое продолжение. Сначала, создание парткомиссии по разбору и выдаче предложений. Комиссия рекомендовала: мне — выговор, Тишанского удалить из отдела. Трофимова это не устроило, и он обнаружил приказ: меня уволить с работы «за избивание подчиненного», а Тишанского на 3 месяца понизить в должности. Мне не повезло и в том, что в это время Дондуков был за границей, а генерал — в Москве, где в больнице находилась его жена в тяжелом состоянии. Я был ошеломлен приказом и попал в больницу. Узнав о краткосрочном приезде генерала, я из больницы поехал на Управленческий. С НД встретился поздним вечером. Он посетовал, что завтра утром вылетает в Москву, не смотря на поздний час, позвонил домой Трофимову и попросил его следовать партийной рекомендации.

Вот тут и проявилась «партийная принципиальность». О выводах комиссии забыли, и по указанию Трофимова Степанов, Ермаков и все прихлебаи стали «готовить» партийное собрание так, чтобы не допустить вариант «выговор и оставить». Для затравки на парт. бюро голосами 2/3 меня исключили из партии, а на собрании первым выступил полковник Плехов с предложением — строгий выговор с занесением в учетную карточку и отстранение от должности. Голосовалось три варианта, и большинством в 1 голос прошел этот.

Если бы мне кто-нибудь напоролил случившееся, я бы просто посмеялся. Ведь 21.11.80 г. мое 50-летие отмечалось так, как ни у одного моего коллеги. Впервые на торжественный сбор в актовом зале приехали человек пять с Управленческого, Они привезли адрес, подписанный Печенкиным, Орловым и многими начальниками отделов и бригад.

Это приветствие, также как и от ККБМ и ОКБ-2, я привез в Израиль. Очень тепло выступил А.И. Крючков (благодарна его память): «Среди массы людей выделяются отдельные личности.

Они, как дрожжи, будоражат и поднимают окружающих на новые дела и свершения. К таким людям относится и Ефим...». Через два десятка лет от него я узнал, что мысль о «человеках — дрожжах» принадлежит Печенкину. Тогда же, узнав о моем предстоящем отъезде в Израиль, он неожиданно для меня одобрил мои планы и посетовал, что таких, как я, к сожалению, сильно давили, и впервые рассказал, что пытался убедить В.Н. Орлова съездить к Трофимову для защиты меня, но Орлов сказал, что это бесполезно. Думаю, что Орлов ранее говорил обо мне с Трофимовым. Он на 50-летию Рыжинского предложил мне перейти в перспективный отдел на Управленческом, добавив: «Я не Трофимов и на национальность не обращаю внимания». Предложение было очень заманчивое, но я не обольщался, т.к. знал, что матерый антисемит Вася Радченко, начальник ОКБ, этого не допустит, что вскоре подтвердил смущенный Орлов.

Тогда после собрания я был в отчаянии, что делать дальше. Заклейменного таким взысканием меня бы никто не взял на приличную работу. Надо было терпеть, тем более, что когда я лежал в больнице, Валя встретила с Дондуковым. Он ей сказал, что действия Трофимова не одобряет, но сейчас вмешиваться не будет, а через год предложит мне работу «гораздо интереснее и лучше». Хотелось бы с благодарностью вспомнить Эдуарда Фрейдина. Не в пример некоторым «друзьям» он не испугался «пагубных последствий» общения со мной и убедил меня в ненужности и бессмысленности дальнейшей борьбы за справедливость. Правильность его доводов подтвердило заседание парткома завода, где секретарь, обращаясь к собравшимся, простодушно напомнил, что «вы уже ознакомлены с материалами этого дела...», хотя это являлось грубым нарушением Устава Партии, который устанавливал, что персональные дела должны рассматриваться только с участием подозреваемого. Для партбонз требования Устава всегда были «мелочами»...

В то время рекламировалась очередная компания по борьбе с «расхитителями соцсобственности». Я вспомнил об одном из подвигов Тишанского и зашел в спецпрокуратуру. Суть произошедшего: у Трофимова дочь училась в ленинградском университете, а у Тишанских сын — в Военно-морском институте. При командировках в Ленинград Тишанский возил посылки Трофимовой. В мое отсутствие оформлял поездку прямо у Трофимова безо всяких виз, но летела его жена, отмечала там командировку, а он в эти 2—3 дня находился по отдельному табелю якобы на Управленческом. По ее возвращению он исправлял окончание фамилии на

авиабилетах и сдавал отчет в бухгалтерию. Делалось так неоднократно, но вскрылось. Наша главная бухгалтерша набросилась на меня, как «на укрывателя преступника». Я спокойно ей указал, что на документах есть только две подписи — Тишанского и Трофимова, а меня в это время не было, и предложил объясняться с Главным.... В спецпрокураторе с готовностью вцепились в мое заявление, но быстро «остыли» от «объяснения», что исправленная фамилия на билете — следствие утери Тишанским своего авиабилета, проверить по списку пассажиров рейса «не догадались».

Я попросил Ю. Видманова взять меня к себе, но он испугался, что это «закроет перспективы роста» его работникам. Я решил покинуть здание ККБМ и попросил перевести меня на филиал, расположенный на заводе «Металлист» в бригаду реверса. Чтобы отвлечь себя от тягостных мыслей и самоедства, решил всю энергию направить на совершенствование квартиры. Думаю, что это было единственным и правильным решением, спасшим меня от инфаркта. Сохранилась фотография стены нашей кухни, обшитой отполированными деревянными рейками. Третью из них буксуют. Каждую рейку я полировал 3 наждачными шкурками до блеска, а затем покрывал лаком и полировал фланелью. Адская работа. Керамическую плитку для ванной и кухни искали два года. Закончили доводку квартиры только в 1983 г.

Оценивая произошедшее с позиции сегодняшнего дня, понимаю глубокую мудрость приталики моих тетей Сары и Ривы — «что ни делается, все к лучшему!». Произошло поганое потрясение, сильнейший удар, но не катастрофа, и я многое получил, а не потерял.

13. МЕТАЛИСТ

Реверс — это устройство, предназначенное для быстрого уменьшения скорости движения самолета в воздухе или на посадочной полосе за счет изменения вектора (направления) тяги двигателя. На двигателях НК-8 для аэробуса ИЛ-86 реверс тяги осуществляется двумя створками, которые перекрывают сопло и направляют газовую струю в противоположную сторону. Собственно двигатель делался в Казани, реверс — на Металлисте в Куйбышеве.

Этот завод был создан на базе эвакуированного оружейного завода №525 и вместе с прилегающим поселком расположился в начале Безымянки ближе к старому городу. Совнархоз обязал за-

вод освоить изготовление камер сгорания для ракеты Н1, что и «привязало» его к авиации и ракетостроению.

Мое внедрение в бригаду было не очень трудным, хотя бывший ранее на виду начальник отдела в качестве ведущего инженера — событие не заурядное. Думаю, что помогло и то, что я никогда не отрывался в мыслях и действиях от чертежей, от тщательной их проверки, как по техническому содержанию, так и на соответствие нормам и правилам их выполнения. ЕСКД знал на достаточно высоком уровне в отличие от большинства не только коллег, но и начбригад. Поэтому, когда встал за кульман, дискомфорта не ощутил. С благодарностью вспоминаю своего нового начальника, Олега Федоровича Орлова, который подчас «давил себя», но был в меру тактичен и не очень «наставлял» меня, предоставив достаточно большой участок работы: агрегаты автоматики, пневмо- и электропровода, а потом и створки. Под мое «начало» попала Людмила Архангородская, крупная девица, с радостью бравшаяся за любую работу кроме основной. «Вхождению в реверс» мне очень помог Дима Каменский, прекрасный инженер, потомственный русский интеллигент. Глядя на него, часто ловил себя на мысли, что попади он в мои руки «тогда», вырос бы он на много больше.

Я начал активную деятельность. Первый осмотр реверса заставил вздрогнуть — одна из труб воздуховода была в опасном кольце соседних труб. Быстро отмакетировал другую конфигурацию, выпустил программу, изготовили опытный образец и отослали в Казань. Длительные испытания начались в сентябре, и это спасло очередные комиссионные серийные испытания, во время которых именно эта труба перетерлась. За пять лет работы с реверсом я сделал очень многое в части повышения надежности и технологичности «своих» узлов и довольно быстро заслужил доверие и уважение своих визави и руководителей Казанского КБ, которые согласовывали каждый документ. Противно только было подписывать эти же документы у Главного конструктора на Управленческом Анатолия Овчарова. Он в каждом изменении видел попытку пойти «на поводу у производства».

Основной цех, с которым больше всего приходилось работать, был № 4, автоматики. Там ведущим технологом был Михаил Драгункин, трагичная судьба которого типична для многих талантливых русских интеллигентов. Великолепный инженер, технолог от бога, он страдал от алкоголизма. Однажды мартовским вечером он, в сильном подпитии, вернулся домой, и жена не открыла ему дверь. Он побрел к другу и упал в глубокую канаву, из которой его, обмороженного, вытащили только утром. Он стал инвалидом и его

продвижению по службе зажгли «стоп-сигнал». Характерно, что перед очередным запоем (болезнью) он приводил в порядок все текущие дела и обращался примерно так: «Ефим, я понимаю, что для тебя это далеко не просто, но реши этот вопрос до послезавтра, а, то дальше меня не будет».

Взаимопонимание мы нашли быстро. По его словам, я, не в пример многим, спокойно отношусь к критике чертежа и стараюсь глубже вникнуть в техпроцесс, а если вижу его недоработки, то «от тебя не отделаешься». Мы с ним основательно почистили и чертежи и технологию.

В процессе работы приходилось регулярно ездить в Казань, в Москву в КБ Ильюшина, на подшипниковый завод и в НИИГрафит, который вырос неимоверно по сравнению с 1960 г. Попытка привлечь к командировкам Л. Архангородскую закончилась провалом. Меня от наказания спасло то, что я предусмотрительно дал ей копию документа, который она должна была привезти из Саратова. Ей «всучили» казанские бумаги, на которые она даже не взглянула. Эта «капля переполнила чашу» моего терпения, и мы «разошлись». Со мной стала работать Люба Солостова, вторая жена военпреда, а с его первой женой раньше на Управе работала Валя.

Любу отличало редкое трудолюбие и желание стать конструктором. Техник по образованию, она, как и многие женщины, работала «на подхвате»: напиши, сходи, принеси, узнай и т.п. У меня она впервые встала за чертежную доску и последовательно начала понимать, что и зачем это делает. Уже через год я спокойно отправлял ее в Казань для согласования не очень сложных документов. Такой же курс обучения прошел Валерий (фамилию забыл), который попал в мои руки. Убежден, что он не сожалеет об этом. Подробно описывать работу по реверсу не хочется. Остановлюсь только на последнем своем деле.

По чертежам для реверса должны были использоваться нержавеющие трубы категории А, но требуемые диаметры выпускались только категории Б, несколько худшего качества. Многие годы это оформлялось временным документом. В 1987 г. старший военпред отказался подписывать очередной временный документ, потребовав окончательного решения этого вопроса. Главный конструктор А.Овчаров категорически отказался изменить требования в чертежах. Завод встал, и его руководство обратилось к Генеральному Конструктору, который назначил совещание. Костромин и Орлов, понимая остроту ситуации, направили на этот разговор меня под предлогом, что «ты больше всех занимался этим вопросом».

В кабинете НД (это была первая моя встреча с ним после 11.03.80 г.) против меня выступили Овчаров и начальник бригады трубопроводов Ефимов (он «науськал» Овчарова). Мои доводы:

— трубы категории А таких размеров промышленность не выпускает, т.к. нет оборудования;

— начиная с опытного образца и по сей день, все испытания и эксплуатация двигателей ведется на трубах категории Б без дефектов. Один случай «перетиранья» связан с неудачной компоновкой;

— по ЕСКД протокол применимости покупного изделия или полуфабриката обязан оформлять разработчик, а не завод, как этого требует Овчаров;

— требование военпреда обоснованное. Мы спокойно жили раньше, т.к. его предшественник накануне ухода на пенсию «готовил себе местечко в ОКБ», где и сидит сейчас.

Овчаров и Ефимов пытались все свести к безделью и плохой работе конструкторов на «Металлисте» и нежеланию завода работать в этом направлении. Когда НД достаточно остро заметил, что «так с серией работать нельзя», Анатолий Алексеевич взвизгнул — «или я, или этот Затуловский». НД предложил ему лично завтра же выехать на завод и решить вопрос. Овчаров уговорил старшего военпреда, а через полгода тихо изменили чертежи. Уже без меня.

13.1. Первый внук

В октябре 82 г. из Перми приехала беременная дочка, они не стали «тормозить». Как-то под вечер она поехала к подруге в дальний микрорайон, и тут же началась метель с сильным снегопадом. Прошло часа 3, снег, гололед. Валя начала фантазировать и, как всегда, на негативные темы. Мои доводы о медленном движении транспорта не действовали, пришлось обзванивать родильные дома. По прибытии дочь крайне удивилась маминому беспокойству. Отвыкла... Дня через два ей надо было улетать, а погода не улучшалась. Решили сдать авиабилеты и ехать поездом с пересадкой в Свердловске, в Пермь послали телеграмму, чтобы не встречали самолет. Нагрузили ее вареньем и компотами в расчете, что в Свердловске и в Перми встретят. В Свердловске все произошло по плану, а в Пермь телеграмма пришла часов через 5 после ее приезда, — мир не без добрых людей, добралась с неподъемным грузом самостоятельно.

Во второй половине декабря мы с Валею поехали отдыхать в Сочи в дом отдыха им. Цюрюпы при санатории «Сочи» 4 ГУ Минздрава. Из-за отсутствия свободных мест нас поселили в министерской да-

че. Огромная гостиная с большим холодильником и цветным ТВ, туалетная с позолоченной сантехникой и биде — на 2 семьи. Спальня метров 25 с кроватью 2,5 на 2,5 м, мебель из карельской березы. Телефон соединяли с любой точкой страны за 3 минуты. Суперлюкс! Одному из нас ударила «моча в голову», и мы настояли на переходе в основной корпус. Там мы хватились... поздно.

23 декабря 1982 г. появился наш первый внук, Павлик. Думаю, что дочь должна была назвать Борисом в честь прадеда, который родился 22 декабря... Павел — тоже имя прадеда.

Условия, в которых оказалась большая семья Гольдштейнов в Перми, были далеки от нормальных. 3 семьи в трехкомнатной квартире, Гена с Аллой и малышом ютились в девятиметровой комнатухе. На предложение переехать к нам не согласились, а вскоре у Славы Гольдштейна родился второй ребенок — дочь Женя, что еще более усугубило обстановку. Каждое лето Павлика привозили к нам. Он рос болезненным и очень крикливым. Когда я убедил его, что к нему в рот попадает «крикливая муха», он принял условия игры и даже сам подходил со словами — «опять муха попала». Я картинно имитировал ее изъятие, и он умолкал. По приезду дочка не узнала сыночка.

В начале лета 1985 г. старшие Гольдштейны отдыхали на теплоходе от Перми до Астрахани и обратно. В Куйбышеве во время стоянки я с ними встретился. Слова Михаила Исааковича о том, что крики Павлика не дают ему спать, ударили по сердцу. Я с пристани поехал к своей тете Риве, которая оформляла обмен своей комнаты, и предложил оформить фиктивный обмен с Аллой на Пермь, а ей поселиться у нас в средней, «маминой комнате» с лоджией, Я также предложил доплатить ей 2 тыс. руб., которые она должна была получить при обмене. У нее была комната в 22 м² в центре города на 4 этаже с высоким потолком и телефоном. Для ее больных ног подъем и спуск по крутым лестницам были очень трудны. Не сразу, но она согласилась. Комнату с такими данными запросто можно было бы обменять на двухкомнатную квартиру в микрорайонах.

В первый момент предложение о таком обмене ребята встретили несогласием, но после посещения расположенной рядом музыкальной школы и спокойным обсуждением перспектив (вернее их отсутствия) решения жилищного вопроса в Перми, они согласились. Тетя Рива отказала своим визави, и начался непростой процесс оформления обмена. Как мы поняли, эта затея встретила резкое сопротивление старших Гольдштейнов. Они убедили Гену поехать на Украину в Полтаву для

поиска подходящего места, до него, кажется, там побывал с той же целью Слава. В марте 1986 г. «наши» оказались в райцентре Великая Богачка Полтавской области в двухкомнатной квартире, а в апреле произошла катастрофа в Чернобыле. И чтобы не «пела» моя дочка о прелестях жизни в Великой Богачке, до конца своих дней не смогу понять и оправдать этот переезд, по следующим причинам:

— мы незаслуженно обидели Риву, которая приближалась к 80-летнему возрасту;

— сменить крупнейшие культурно-музыкально-медицинские центры Пермь или Куйбышев на райцентр в Полтавской области значило полностью лишиться себя перспективы творческого и профессионального роста, особенно для, несомненно, талантливых музыкантов, братьев Гольдштейн. Тем более что у нас была реальная возможность устроить их как исполнителей в Филармонию;

— аналогичный обмен на Куйбышев можно было бы устроить через год для Славы, в квартале от Ривино дома «пропала» отдельная квартира;

— наивно было предположить, что в сельской школе уровень знаний достаточен для поступления Павлика в ВУЗ;

— и главное, гнусная, антисемитская атмосфера на Украине. Ведь в Куйбышеве училось немало умных еврейских студентов оттуда.

13.2. Ирина, второй внук

Весной 1983 г. узнали о «серьезных намерениях» Аркадия к девушке Ире, подруге моей двоюродной племянницы Сони. Вначале лета сын уведомил нас, что они подали заявление в ЗАГС и свадьба назначена на 9 сентября. Вскоре я в Москве был приглашен познакомиться с Ириной и ее родителями у них в Давыдково — за Триумфальной Аркой рядом с Минским шоссе. Встретили меня очень радушно, но в разговоре «один на один» я почувствовал определенный холодок к намеченному союзу со стороны будущего свата, Юрия Александровича (пусть будет ему земля пухом), Договорились, что место свадьбы подыщут они, и согласовали финансовые вопросы.

Вернулись в общежитие на Измайловской, и сын задал мне вопрос: «Ну, как? Тебе Ира понравилась?» Ответ был резок — «Пошел ты на... Свадьба назначена, если я скажу «нет», это что-нибудь изменит? Нет! Поэтому не задавай глупых вопросов...». Конечно, мнение о человеке сложить по одной встрече за столом затруднительно, но очень скоро прояснилось, что сын не ошибся в выборе.

На 3 сентября была назначена свадьба Сони и Миши Палта. Мы готовились к отъезду, как вдруг умерла Эди Захаровна, мать Люды, жены брата. Мы разделились: Валя отбыла в Москву, я — на похороны. Люде после похорон было не до свадьбы, Леня обещал приехать с Юлей, но накануне позвонил, что заболел...

Свадьба состоялась в кафе рядом с Бородинской Панорамой, сейчас это трехэтажное здание заполнили всевозможные торговые точки, нет только кафе. Собрались все наши московские родственники, даже дядя Изя, прилетели Алла и Ада Демидова, родные невесты, даже бабушка из Средней Азии, друзья молодоженов. Все было отлично. Вот только жених не смог закружить невесту в торжественном вальсе — слишком древний танец.

Молодым отдали среднюю проходную комнату, отдельную занимал очень больной Ирин дедушка, Николай Дмитриевич, кадровый военный, фронтовик. Хочу сказать, что мы ежемесячно высылали сыну 60 руб., полагая, что эта добавка к стипендии будет достаточной, т.к. наши доходы были одинаковы, а необходимо было также помогать неработающей Алле с маленьким Павликом. Лишь через 12 лет узнали, что вся тяжесть содержания двух студентов легла на Любовь Николаевну, маму Иры, отец денег не давал. Безусловно, зная это, мы бы зажались в своих расходах и увеличили дотацию, но об этом не знал и Аркадий.

Умница Ирина была отличницей, и Аркадию не хотелось бледно выглядеть на ее фоне, и он качественно улучшил свои показатели. По ее требованию он бросил курить, к сожалению, не навсегда.

6 марта 1985 г. Ира подарила нам второго внука, Вадима. Аркадий еще учился, и мы увеличили дотацию. Летом москвичи приехали к нам, оказалось, что у малыша пупочная грыжа и врачи предложили ждать до трехлетнего возраста, чтобы сделать операцию. Валя «нашла» бабку — очень старенькую белоруску (или полячку), которая за очень умеренную плату «выгрызла» грыжу нашептываниями. Положительный эффект вскрылся только в Москве, что отбросило наш скепсис, да и врач-педиатор Алла взяла этот метод на вооружение.

Кстати, еще в первый приезд Аллы с грудным Павлушкой Леня организовал ей встречу с настоящей экстрасенсом. Дочь, воспитанная в «лучших» традициях советской медицины, вышла обескураженная пронизательностью хозяйки, но со временем забыла одну ее рекомендацию — не носить золотые украшения.

Ирину распределили в радиоинститут, а сын не без моей помощи — в авиационный НИИД (двигателестроения) в литейную

лабораторию. Он с самого начала настоял на том, что будет заниматься вопросами разработки и внедрения в литейном производстве систем автоматического управления. Естественно, что такая тематика не отъемлема от программирования и использования ЭВМ (так называли компьютеры), хотя эти вопросы были достаточно отдалены от его специальности.

14 . ПЕРЕСТРОЙКА

14.1. Страна, семья

С апреля 1985 г. во главе страны встал М. Горбачев и начал процесс перестройки — качественного улучшения «реального (развитого) социализма», — ибо состояние экономики и, особенно, сельского хозяйства ухудшалось с каждым днем. Особо остро ощущала нехватку мяса, молочных продуктов, качественной одежды, обуви и мебели Россия, кроме Москвы, Ленинграда и автономных образований. Складывалось впечатление, что правители страны и на местах были убеждены в долготерпении русского народа. В это же время в союзных и автономных республиках, где подобных проблем было несоизмеримо меньше, широко распространялось убеждение, что они «кормят Россию и, особенно, ее столицы». В Киеве на Крещатике у горкома партии немолодой рабочий убежденно заявил — «надоило робить на Ивана...», а мой вопрос — «Что разве Иван работает меньше, а живет лучше?» — вызвал резко отрицательные эмоции. Страна закипела.

Летом 1986 г. из-за «чернобыльского страха» Павлика переправили в Куйбышев. Мы обратились к директорше детского сада невдалеке от нас с просьбой взять его на лето, пояснив, что внук с Украины, Она сразу согласилась, и Валя смогла спокойно работать. В середине июля приехали в отпуск Гена и Алла.

12 августа 86-го — 50-летний юбилей Валентины. Его отмечали трижды: родственники, ее сослуживцы по работе и в сентябре — «старая бригада» с Управы, Самым многолюдным был сбор сослуживцев, за столом не хватило места дочке и зятю. Гена игрой на баяне покориł гостей. В этом коллективе Валя была самой старшей по возрасту, а вот среди коллег с Управы — самой молодой.

В начале октября 1987 г. нам удалось получить путевки на последний рейс теплохода «Лев Толстой», плавучий дом отдыха Совета Министров. 26 дней плыли по Волге от Москвы до Волгограда, далее по каналу Волга-Дон до Ростова и обратно, Двигались в основном

ночью. Днем — экскурсии по волжским достопримечательностям и городам. Описывать все увиденное не буду. Упомяну только Ипатьевский монастырь под Костромой и Плес, где творил Исаак Левитан, певец русского пейзажа. Директор музея Левитана в Плесе нас очаровала своей искренней любовью к творчеству художника.

Удобства, питание, обслуживание на нашем теплоходе были абсолютно несопоставимы с тем, что бытовало на других туристских теплоходах. На все тот же манер «ярославских робят» родились строчки:

Теплоход у нас особый —	Отличается удобством
Называют «Лев Толстой».	И обилием услуг,
Их по Волге ходит много,	Сделан он по спецзаказу
Ну, а этот — непростой,	Только для народных слуг

В Москве нас встретил Виктор Щипачев. Мы 3 дня прожили у них, его вторая жена Нила быстро подружилась с Валей. Из Москвы двинулись на Украину («в Украину» как-то не пишется) к дочке и внуку. Когда вернулись, первым делом зашел к двоюродной сестре Люсе, т.к. ее состояние внушало беспокойство. Ей 12 лет назад удалили раковую опухоль, в последние годы ее вызывали в Москву на обследование, но она не ехала. Люся, извиняясь, обратилась ко мне с вопросом, почему у нее кал черный. У меня внутри все оборвалось — «Это давно? — Да, уже месяц. — Ты врачу об этом говорила?... Завтра с утра иди к врачу...». Худшие опасения подтвердились...

14. Макароны

Одним из решительных шагов, сделанных М. Горбачевым и новым правительством, которое возглавил мой бывший уралмашевский знакомый Коля Рыжков, была ликвидация Минпродмаша и распределение его функций между оборонными отраслями. Эффективность такой меры апробировал в начале 70-х А. Косыгин, когда под угрозой острейшей нехватки муки из-за износа и развала большинства мельзаводов, построенных еще в царское время или в 20-е годы, была закуплена документация и лицензия транснациональной корпорации «Бюллер» на изготовление современного мельничного оборудования и под угрозой потери партбилета налажено производство комплектующих на заводах 19 министерств. Страна без хлеба не осталась, а заводы Продмаша в основном работали на армию. Минавиапром получил задание наладить производство оборудования для изготовления длинных

макаронных изделий тоже по документации «Бюллер». Главными исполнителями были назначены Рыбинские моторное КБ и моторостроительный завод, а соисполнителями: КБ Туполева и Воронежский авиазавод, наше КБ и завод «Металлист», Ржевский завод приборостроения и НИИПриборов в Москве. Может показаться странным, что для переработки чертежей и изготовления по ним оборудования для каких-то макарон привлекаются такие силы и мощности. Дело в том, что такая линия с очень высокими параметрами по экономичности и производительности — это достаточно сложная и громоздкая комбинация разнообразных агрегатов и установок, обеспечивающих в автоматическом режиме непрерывную работу по: подготовке исходного сырья, замесу, прессованию (выдавливанию), навесу, сушке по очень жестким условиям, съему, обрезке, дозированию и упаковке.

Учитывая сложность процесса и неизбежность появления брака (лома), была предусмотрена его переработка для дальнейшего использования. Линия по переработке лома была отдана в Куйбышев. Возглавить работу предложили мне. Я согласился, при условии создания отдельной бригады на филиале при «Металлисте».

14.2.1. Опять сначала

Я снова стал бригадиром. Из ОКБ-2 не мой призыв откликнулись только Валентин Мысин, А. Демидова и Н. Сидоренко испугались. Костромин перевел ко мне Л. Солостову, Шуру Бедулеву из расчетчиков, одного кандидата на пенсию и двух женщин, позднее из ОКБ-2 перешла Галина Самойлова.

Мысин стал моей правой рукой. О Любе Солостовой я уже говорил, а о Шуре и Гале надо сказать отдельно. Женское равноправие широко рекламировалось в стране, но реально не существовало. Чтобы женщина могла пробиться выше среднего уровня, она должна была обладать двумя качествами: 1) умом и способностями на много выше, чем у конкурентов мужиков; 2) «реальным подходом» к сексуальным контактам. Такой была Екатерина Фурцева, добравшаяся до самых советских «верхов», но трагически завершившая свой жизненный путь. Конечно, это «правило» подчеркивалось и редкими исключениями, зависящими от степени порядочности мужа-начальника. Думаю, что Аде Демидовой повезло, т.к. ее подъем в начбригады стал возможен только благодаря мне, после нашего расставания она продержалась в этой должности не очень долго. Если бы Шура попала ко мне с самого начала своей инженерной работы, она бы сделала блестящую карьеру, только благодаря способностям — ум, энергия, трудолю-

бие, хорошая реакция, коммуникабельность и...красота. У нее было много начальников, каждый из них на 30% использовал ее деловые качества и на максимум чисто женские. Пока мы работали вместе она, как губка, впитывала все, что нужно было для дела.

Галя тоже могла бы горы свернуть, но работа как-то не очень ее захватывала, в духе «работа не волк, в лес не убежит!». За ней нужен был постоянный надзор. Сначала она обратила свои чары на неженатого Мысина, а затем на меня. До сих пор удивляюсь, как я устоял...

С благодарностью вспоминаю Валентина. Часто у нас были абсолютно противоположные взгляды на конкретные вопросы, но всегда находили понимание.

Работая над «макаронами», я делал все, что считал нужным для оптимального хода работы, начиная с нетрадиционной нумерации (обозначения) чертежей, которую одобрили все, соприкоснувшиеся с нашими чертежами. Фактически я отчитывался перед Трофимовым, т.к. Костромин принципиально не вникал в эти дела, хотя я регулярно рассказывал ему обо всем, что он, на мой взгляд, должен был знать. Ему, наверное, было достаточно «информации» от Шуры. Трофимов прекрасно понимал, что провал сулил бы ему большие неприятности, и поддерживал меня во многих вопросах. Именно на этой самостоятельной работе я, к сожалению, поздно оценил свои способности, осознал, что мог бы делать в жизни гораздо большее...

Бюллеровские чертежи, сделанные в Швейцарии на немецком языке, мы привезли в начале декабря 87 г. Пришел и утвержденный Министром директивный план работ, который предлагал нам через 3 месяца получить перевод документации из ЦИАМА и через 2 месяца после этого выдать в производство переработанные чертежи. Опытный комплект линии должен был быть изготовлен к III кварталу 1989 г.

Просмотрев чертежи, я обнаружил несколько общих с Рыбинском узлов, и твердо решил не ждать перевода из Москвы, а немедленно приступить к выпуску чертежей. Вооружились несколькими немецко-русскими словарями, и ... процесс пошел. По договоренности с Трофимовым (и между собой) начали работать сверхурочно за деньги и не очень маленькие. Мои неоднократные попытки включить в список на дополнительную оплату Костромина отвергались Трофимовым, что не способствовало нашему взаимопониманию и не было правильным. Для перевода первоочередных текстовых документов подрядили дочь покойного В. Черкасова, окончившую инфак Университета. Материалы

подбирали по аналогии химсостава. Труднее было с термообработкой, покрытием и окраской, пока не разобрались, что у них такие вещи определяет техпроцесс, а не конструктор, как у нас. Вопросов было море, очень многие приходилось решать интуитивно, исходя из функциональной роли данной детали. Мы привыкли не менее 80% размеров указывать с допусками (точность изготовления), у них до 95% были «свободные» с табличкой в чертеже. Мы впервые столкнулись с компьютерной графикой, где нередко были «замкнутые цепочки размеров» — «страшный грех» по нашим понятиям. Сборочный чертеж системы отсутствовал, как же, как и чертежи ряда промежуточных (соединительных) деталей. Думаю, что одержимый самостоятельностью, я сделал очередную ошибку.

Мы регулярно собирались в Москве или Рыбинске на координационные совещания. Мы — это: зам главного конструктора из Рыбинска, зам главного конструктора от Туполева, ведущие конструктора из Ржева и НИИП и я — начальник бригады из Куйбышева. Мы, куйбышевцы, сильно опережали всех, и я честно обо всем докладывал, стесняясь говорить о «мелких неясностях». Простак!!! В первую (оказалось и последнюю) поездку в Швейцарию на фирму «Бюллер» из-за этого не попал.

14.2.2. Рабочие будни

С Рыбинским коллегами я договорился о разделении производства одинаковых узлов, что помогло упростить объем работы. Кроме того оказалось, что некоторые агрегаты, предназначенные для использования нами, входят в мельничный комплект оборудования и изготавливаются в стране, среди них очень сложный и большой по габаритам размольный станок, шлюзовые устройства и один из трех вентиляторов. Подшипники, электродвигатели, вспомогательное электрооборудование и многие другие «мелочи» подбирали по советским каталогам. Потрудиться пришлось на совесть.

У швейцарцев не было технических условий, без них завод просто не принял бы комплект чертежей. Я писал черновики, а оформляла их Шура, она же под моим и Валентина постоянным контролем делала сборочные чертежи. Чертежи заводу передали точно в срок! Единственные из всех соисполнителей. Очень сложным и, не побоюсь сказать, противным было согласование чертежей с технологическими службами завода. Здесь я понял, почему у нас (в Союзе) очень многие изделия, «содранные с границы» или «по лицензии», на много хуже оригинала. Просто у конструкторов не хватало опыта, понимания, воли и мужества, чтобы ус-

тоять под напором технологов, требующих «упростить, приспособить, облегчить техпроцесс и т.д. и т.п.». Один наглядный пример.

В автоматической линии широко использовались «самотеки» — трубы из дешевой углеродистой стали, покрашенной методом электрофореза («металлическая краска») для качественного повышения износостойкости. На «Металлисте» этот метод не осваивался. Получив подробную консультацию в ВИАМе (институт авиаматериалов), я понял преимущества электрофореза, и перспективность его применения в деталях регулируемых авиационных сопел, которые завод изготавливал для двигателей Кузнецова, и ввел его в требования чертежей, порекомендовав трубы первого опытного образца покрыть на соседнем заводе. Главный металлург «Металлиста» потребовал изменить материал на нержавеющую сталь и убрать покрытие. Мои доводы, что нержавейка в 10 раз дороже стали и что мы не имеем морального права удорожать оборудование для народного пользования, его не тронули, и он лично подписал у Костромина соответствующую карточку разрешения без моей визы. Я понял — «лиха беда — начало», дальше будет хуже, позвонил Трофимову, все ему объяснил и попросил вмешаться. Что сказал Трофимов Костромину, не знаю, но свою подпись он снял и больше так не поступал, а на меня «нарисовал еще один зуб». Позднее, когда в Новочебоксарске смонтировали наши самотеки, а рыбницы по соседству устанавливали свои, они с удивлением воскликнули — «У вас по-швейцарски, а нас завод заставил делать из нержавейки...»

Детали, узлы агрегаты мы буквально вытаскивали из цехов, всячески воздействуя на их руководителей, уговорами, убеждениями, просьбами и даже аккуратными угрозами, Мне очень пригодился уралмашевский опыт «вытаскивания «Байкала». Завод наш заказ делал, но зрел провал с поставками комплектующих. В основном мотался по поставщикам я, воздействуя партийным кнутом и денежным пряником в виде создания ВТК (временных творческих коллективов), из доходов которых часть перепадала и нам. Все оформлялось через Трофимова, но Костромина он неизменно вычеркивал. При распределении денег через ВТК меня удивляла очевидная необъективность моих подчиненных. Они признавали, что мне — автору и основному исполнителю — положено больше, но на чуть-чуть... «Уравниловка» глубоко укоренилась в наши души. Я стал включать в списки подставных лиц для компенсации своего труда. Это был не самый лучший, но самый спокойный вариант, тем более что вся жизнь бригады докладывалась Костромину Шурой Бедулевой.

Ее я никогда не обижал, награждая только за дело. Она совершенно самостоятельно «выбила» из затерянной в горьковских лесах Выксы шлюзовые механизмы. Нашему заводу категорически отказали в оформлении договора, пришлось вмешаться нам. В Выксе на заводе с ней о поставке просто говорить не хотели, а когда она пошла к директору, узнала, что у него в этот день юбилей. С помощью коробки конфет Шура прошла в кабинет, поздравила и пояснила суть визита.

«А что я могу получить от Вас?» — последовал естественный для того времени вопрос. «Понимаете, я — конструктор, кроме карандашей и бумаги у нас ничего нет. Единственное, что могу предложить — это себя!» Директор опешил, рассмеялся и подписал нужный документ. Так «делать» дело способен далеко не каждый, мне такие моменты запоминаются на всю жизнь, также и то, что она внесла максимальный вклад в организацию празднования моего 60-летия, но на домашний банкет к нам не пришла... из-за Костромина.

Комплектующие из Киева, Ленинграда и даже Могилев-Подольска на Западной Украине «выдавливал» я. Там, кстати, в рабочей столовой услышал гневное осуждение «этой жидовской демократии».

В начале июня 1989 г. «терпеть больше не было мочи», и я прямо из КБ пошел в санчасть «Металлиста», где мне вырезали желчный пузырь, забитый камнями.

Окончательная сборка нашей «системы измельчения» тормозилась отсутствием импортных комплектующих. Через Министерство узнал, что они застряли на таможне, обещали протолкнуть; через месяц выяснил, что все направлено в Рыбинск. Только после моих почти трех недельных надоеданий конструкторы нашли импортные ящики на заводском дворе. Тем не менее, завод «Металлист» отправил полтора десятка деревянных ящиков в Новочебоксарск с оборудованием «системы измельчения лома» в декабре 89 г. Первые элементы из других мест начали поступать лишь летом 1990 г.

14.2.3. Новочебоксарск

Новочебоксарская макаронная фабрика было выбрана для апробирования новой линии не случайно. Мне пришлось побывать на нескольких фабриках страны, в Куйбышеве, Киеве, Владимире и Москве. Самое удручающее впечатление оставила родная, Самарская. Новочебоксарская отличалась идеальным порядком, оптимальным размещением оборудования и складских помещений. Она считалась образцовой, а ее директора Бударину ставили в пример... В 1991 г. Будариной исполнилось 55 лет, и ей предло-

жили уйти на пенсию, т.к. место понадобилось одному из бывших партработников. Знакомая ситуация! Когда я зашел к ней попрощаться, мы очень тепло поговорили, и меня поразила одна ее искренняя и горькая фраза: «Одного себе не могу простить: директорствовала здесь 25 лет, большая часть работников — чувашаи, а я не удосужилась выучить их язык... Знаю только одно слово — «болбес» — «не понимаю».

Новочебоксарск — город при огромном химкомбинате — расположен вдоль Волги ниже Чебоксар. снабжение там было, как в Москве, так что возвращались мы оттуда сверх загруженными.

В июне 1990 г. в Рыбинск приехала группа швейцарских специалистов от фирмы для консультации и разведки состояния дел. Собрались все соисполнители с вопросами. Умоляю не счесть это бахвальством, клянусь, что говорю правду, но многие вопросы к ним были настолько поверхностными и малоквалифицированными, что иногда даже мне было неловко за спрашивающего. Особенно «отличались» представители от Туполева. Швейцарцы как-то резко и прямо сказали им: «Вы не умеете читать чертежи! Пойдите к нему...» — и указали на меня. Все мои вопросы они приняли, на 80% ответить не смогли и дали обещание ответить по почте. Ответили на 2/3 вопросов, прислав недостающие чертежи, а остальное мы сделали сами. Нам с Валентином трудно было с электросхемами, т.к. силовым электрооборудованием никогда не занимались. Справились.

На сборе в Рыбинске мне пришлось побыть только один день. Обидно было, что не попал на заключительный банкет. Через секретаря получил приказ Трофимова — «назавтра быть в Министерстве, пропуск заказан».

Оказалось, что ККБМ и заводу им Фрунзе поручили сделать чертежи и изготавливать «автоматическую линию по выработке овсяных хлопьев» (Геркулес), скопировав оборудование фирмы Бюллер, работающее в г. Клин и на Украине. Мне передали все директивные документы, Я сразу же отправился к знакомым в «Союззернопроект», где мне сделали копию принципиальной схемы такого производства и дали исчерпывающую техническую информацию. Вернувшись, я доложил о сути вопроса Трофимову и его первому заму Овчинникову. Они повели меня к Главному инженеру завода, где пришлось все повторить. До меня Главный Технолог уведомил его, что речь идет о «каком-то станке», а требовалось оснастить оборудованием трехэтажный корпус.

Трофимов предложил мне возглавить эту работу, не отрываясь от макарон. Я согласился только при условии, что не буду

подчиняться Степанову. Он ответил, что понимает меня. Больше к этой теме он не возвращался, но «рассев» для овса поручили делать нам. Он оказался единственным агрегатом, который не копировали, а спроектировали мы сами, унифицировав механический привод с макаронным рассевом. Кстати, в Рыбинске швейцарцы высказали искреннее недоумение по поводу того, что мы не закупили у них рассевы и будем делать их сами — в Самаре механику, а в Рыбинске просеивающие части. Они прямо сказали, что нам это — не по силам, на что я ответил, что по сравнению с авиадвигателем рассев — не проблема. Хотя проблема была в том, что просеивающие элементы конструкции должны были изготавливаться из дерева с точностью, на которую не было рассчитано имеющееся на заводах оборудование. «Вместо того бумажного мусора, который оплатили золотом наши «специалисты», лучше бы закупили пару современных деревообрабатывающих станков» — говорили мы. Наши заводы с рассевами справились.

О «специалистах» по закупке из-за рубежа. Почему-то этим делом, как правило, занимались случайные и малограмотные люди, принося стране огромные убытки. В Рыбинске довелось встретиться с деятелем, участвовавшим в оформлении нашего контракта. Как он был далек от понимания сути работы! По его настоянию закупили все техпроцессы, много сотен папок, а в каждой был перечень программ для станков с программным обеспечением, абсолютно не нужный для нас. Какой-то умник «для экономии» воспротивился закупке установки для очистки воды. А как она была нужна и в Новочебоксарске и позднее в Самаре. Обидно было, что ПОГАНЫЙ ОПЫТ взыскания репараций с побежденной Германии никого не научил. Тогда только в Куйбышеве валялись около заводов сотни старых, никому не нужных станков, демонтированных и вывезенных из Германии. Фактически Западная Германия полностью обновила свой станочный парк и быстро восстановила экономику благодаря советским идиотам, осуществлявшим отбор оборудования в счет репарации в 50 миллиардов долларов. Правда, тогда тихонечко все сваливали на МГБ.

14.2.4 Монтаж и текущая работа

В сентябре 1990 г. в Новочебоксарске приступили к монтажу макаронной линии. Возглавил работы зам главного инженера Рыбинского завода Орлов. В нашем Министерстве я узнал, что ему выделили премиальный фонд для стимулирования непосред-

ственных участников монтажа и наладки. Совместным приказом по ККБМ и «Металлисту» была создана монтажная бригада под моим руководством, включающая слесарей, сварщика и Мысина. Предполагалось, что рабочие будут находиться в Новочебоксарске по 25—28 дней, а мы с Мысиным сменять друг друга через 2 недели. «Уломать» Орлова оказалось не просто. Он согласился дополнительно оплачивать труд нашей «творческой бригады» только при условии, что его включают в ее состав с выплатой 10% общей суммы. Другого выхода не было.

На 60-м году жизни я впервые стал непосредственно руководить рабочей бригадой и с первого дня столкнулся с проблемой пьянства, когда пьют все с утра до вечера, пока есть деньги. Пьют все: и молодые и постарше. Когда зам начальника цеха привозил деньги, все начиналось сначала с его участием. Я настаивал, чтобы они периодически возвращались домой, там все-таки часть денег оставлялась. В целом же наше сотрудничество было нормальным и плодотворным. Монтаж «линии измельчения» значительно опережал соседей, и приходилось останавливать работу, пока к нам не подтянутся. Наше лидерство не могло не быть замеченным и руководители фабрики при любой возможности ставило нас в пример.

Как я говорил, на всех переговорах и совещаниях, включая министерские, КБ и завод представлял я, хотя по рангу остальные участники были выше на 2—3 ступени. В начале 1989 г. на 1 канале ТВ был впервые показан прямой репортаж с заседания Совета Министров, на котором Министр авиапрома, отвечая на вопрос Н. Рыжкова, заверил, что автоматическая линия по производству длинных макаронных изделий будет запущена в эксплуатацию в конце 1990 г. И только в ноябре у первого зам министра собрали исполнителей и всю министерскую рать с вопросом, как обеспечить выполнение «слова министра». Докладывали руководители Главных Управлений. Вскрылась удручающая картина: срок провален, но вслух об этом никто не обмолвился. Зато разгорелась острая дискуссия о том, что в Италии дороже — рыба или мясо, между одним зам министра и одним из нач управления, который заткнул рот оппоненту фразой, что зама, как важную особу, кормили бесплатно дорогой рыбой, а он этого не понял...

Возвращался я с этого сборища в ужасном настроении, все-таки хотелось верить в руководство, а тут такое... У входа в универмаг «Марьино Роща» нарвался на тележурналистов канала «Москва» и высказал все, что думаю о работе министерств, не

назвав, конечно, родное. Мой «крик души» вскоре был показан и «герои» себя узнали...

На следующий день для выработки решения по прошедшему разговору собрались в кабинете начальника 14 ГУ, созданного для руководства и координации изготовления продовольственного оборудования и товаров народного потребления. Начальником этого Управления был «поставлен» Демченко, бывший в 60-е гг. старшим мастером в цехе турбин завода им Фрунзе. У него была мощная «лапа» (поддержка) в ЦК КПСС и именно он вытащил В. Бехчанова (должен был о нем написать) в Казань. Содержание создаваемого документа Демченко сформулировал четко: «Мужики! Мы все понимаем, что сделать линию в срок не возможно, но писать об этом нельзя...» Когда он работал на заводе, то много раз приходил ко мне с просьбами о допуске игл дроссельных кранов с отклонениями от размеров. Наверное, эти воспоминания были не приятны такой «шишке», поэтому меня он не узнавал, что было забавно. Интересы ДЕЛА таких блатных выдвиженцев абсолютно не интересовали, главным для них было — «чистые бумаги».

14.3. Распад страны. Конец работы в СКБМ

Настал 1991 г., и Трофимов мне предложил «попытаться в Министерстве выбить деньги на макароны и овес», т.к. плановому отделу это сделать не удалось. В родном ЗГУ только развели руками — «все деньги в 14ГУ». Там встретился с молодым парнем, который спокойно заявил, что сможет достать для нас деньги только при условии, что мы его оформим на полставки по совместительству. Со столь откровенным требованием взятки в стенах Минавиапрома я столкнулся впервые, но по его тону понял, что такое «совместительство» уже становится нормальной практикой. Он был настолько самоуверен, что в процессе дружеской беседы (я в принципе согласился, предупредив, что буду убеждать в этом Трофимова) выложил мне весь алгоритм оформления требуемой бумаги. И я пошел по кабинетам, а на завтра зашел к нему, передал копию оформленного документа на 350 тыс. руб. и вежливо поблагодарил за помощь. Самым досадным в этой истории было, что когда эта бумага пришла из Министерства, наша начальник планового отдела Лысова начала утверждать, что «на макароны денег не дали». Пришлось ткнуть ей бумагой в нос.

Между тем в Новочебоксарске монтаж мы завершили, но начать наладку не могли, т.к. ушли далеко вперед, Конструкторская бригада приступила к созданию эксплуатационной документации: описание и инструкция по эксплуатации. Попросил ответственных

за каждый узел составить свой раздел. То, что мне предъявили, повергло в уныние... Литература и русский язык закладывались в головы выпускников школ все хуже и хуже. Пришлось взяться за эту работу самому по уже обкатанной схеме — я пишу черновики, а оформляет Шура Бедулева. Раздел «техника безопасности» написала она самостоятельно. Отосланные в Рыбинск и на «макаронку» в Новочебоксарск копии этих документов вызвали восторг, а коллеги признались, что возьмут их за образец.

Между тем, из-за постоянно обостряющейся в стране продовольственной ситуации Н.Д. Кузнецов и директор «Металлиста» Плотников решили разработать и изготовить мини линию по переработке гречневого зерна в крупу. На большом совещании у генерала я не присутствовал — находился в командировке, а после ознакомления с протоколом, схватился за голову — чушь дилетантская. Зашел к вновь назначенному заму по этим делам (фамилию забыл) и изложил свое мнение о намеченной работе. Он на удивление спокойно и дружелюбно воспринял мою критику и предложение начать с Московского Союззернопроекта. Опять создали ВТК (деньги) и они представили оптимальный вариант. Я взялся за разработку рассева и нескольких мелких узлов.

Рассев решили сделать в виде ящика, висящего на тросах с эксцентриком посередине. Расчет эксцентрика за деньги сделали нам прочнисты ККБМ и предложили уменьшить намеченный нами радиус вращения эксцентрика. Мы с радостью согласились и уменьшили габариты, а напрасно.

В первых числах ноября я возвращался из Новочебоксарска, перегруженный продуктами и промтоварами (в Самаре магазины уже были пустые), и простудил спину. Правая нога просто отнялась. 21 день меня терзали физиотерапевты — безрезультатно. Только в медкооперативе вылечили уколами «Кинолога» и растяжкой на вибростоле.

Во время болезни узнал, что Костромин уменьшил Мысину премию, тот обиделся и договорился о возврате в ОКБ-2. Хромая, я добрался до Трофимова и убедил его «заморозить вопрос до моего возвращения». Иллюзий у меня не было — как бы внешне он меня не ценил, с Костроминим он, по-серьезному, разбираться не будет — надо уходить. Я позвонил главному инженеру самарской макаронной фабрики, оказалось, что он новичок, но когда я представился и предложил свои услуги, он согласился и предложил встретиться с директором. Договорились быстро, я попросил согласиться с моим приходом в середине января.

Тыл был обеспечен, я как-то успокоился и вышел на работу. Там застал «разбуженный рой». Ш. Бедулева вернулась к расчетчикам. На меня обрушился шквал жалоб о причиненных обидах во время моего отсутствия. Костромин прямо заявил, что мы и так два года получали больше всех (это была правда, если не видеть объем сделанной нами работы) и что больше этого не будет. Мысин упрекал меня за «торможение» его перехода. А вот женщин было жалко.

Я прозондировал возможность перехода всей бригады в штаты «Металлиста» и понял, что надо идти к Плотникову. Он ежедневно лично контролировал работы по гречке и очень доверительно относился к моей информации о состоянии дел, думаю, что мое предложение он бы принял, но предварительно надо было получить согласие основных работников на такой переход. К моему удивлению предложение не встретило положительного отклика, зато развязало мне руки и как-то успокоило совесть.

Я обратился к Трофимову с просьбой об обещанной встрече. В середине декабря 1991 г. он пригласил к себе Костромина, Аркадия Василевского (вечного и надежного зама нач филиала), меня и Мысина, присутствовал также первый зам главного Овчинников. Оказалось, что на Костромина пришла письменная жалоба от старшего военпреда на «Металлисте». Выглядел он очень бледно. Меня рассмешило его утверждение, что всеми успехами макаронны обязаны Шурочке Бедулевой, которая «создала все основные документы, что подтверждается ее подписью на них». И если Василевский старался критиковать Костромина очень мягко, то все остальные, особенно Овчинников, в выражениях не стеснялись. Я напомнил ему слова о том, что он жалеет, что я возглавил работу по макаронам, «тогда бы дела пошли туго, и филиалу перепало бы гораздо больше денег».

Казалось, что песенка М. Костромина спета, и ему пришел конец, но Трофимов есть Трофимов — ничего не изменилось. Решил перед уходом получить льготную путевку в санаторий. Ее оформление затянулось до конца первой декады 1992 г. В день, когда мне надо было получить путевку, Костромин, сославшись на прекращение финансирования пищевой тематики, предупредил, что предложит Трофимову расформировать бригаду (тот был в командировке), а мне предложил должность инженера-конструктора 1 категории. Я спокойно послал его на 3 буквы и поехал в ККБМ. Там получил путевку и зашел к Овчинникову с заявлением об увольнении «в связи с уходом на пенсию». В разговоре напомнил ему о недавней встрече у Трофимова и объяснил, что

не собираюсь ставить вопрос «я или Костромин?», а вместе мы работать не сможем. Заявление было подписано с понедельника (была пятница). Когда в последний день я зашел за завершающей подписью к Трофимову, он очень удивился (или изобразил) и сказал, что просто так меня бы не отпустил. Я не считал нужным скрывать, что иду на макаронную фабрику. Так завершился мой 29-летний труд в ККБМ. Вскоре и Валя, которая устала от работы со Степановым, ушла на пенсию.

14.4. Семья, быт

Я упоминал об удалении желчного пузыря. С 87 г. все чаще и настойчивее отравляли мою жизнь камни в печени. Приступы панкреатита и боли в печени прихватывали неожиданно и при малейшем нарушении диеты. Самые тяжкие приступы случились на теплоходе, когда на пути к Москве подплывали к Ярославлю, и в поезде при подъезде к Полтаве. На теплоходе еле убедили судового врача не снимать меня с рейса, она сжалась, сделала мне укол сильного наркотика, и я уснул.

Понимая необходимость и неизбежность хирургической операции, долго «созревал». Очень тревожно и больно было за Люсю. Прошло около 8 лет, как от рака умерла ее старшая дочь Аня, а теперь и ее приговорили — метастазы. Младший сын, Миша торопился со свадьбой — его девушка ждала ребенка. Свадьбу сыграли. Меня поражала ее сила воли. Понимая, что обречена, Люся жила только одним стремлением — обменять свою двухкомнатную квартиру и однокомнатную тети Ривы на общую, большей площади. 30.12.87 г. обмен был оформлен, назавтра она ушла...

Через месяц мы переселяли Риву и Мишу в обмененную квартиру в том же доме. В ней надо было делать ремонт, поэтому мы предложили Риве и жившей вместе с ней Любе побыть у нас. В этот же день нам пришлось вмешаться, когда узнали, что Миша договорился с малярами произвести побелку потолков назавтра. С трудом убедили его, что предварительно следует ободрать и полностью удалить старые, грязные обои, помыть стены. Я предложил родному дяде Изе вместе наклеить обои (у нас уже был достаточно богатый опыт), на что последовал ответ: «Зачем клеить самим, когда можно нанять!» Меня ударило — ведь его и Мишино материальное положение в то время было более чем скромным.

Изя нашел «специалиста». Сколько бутылок водки он у них вытянул, знают только они и всевышний. По крайней мере, в последующем Миша такую операцию производил сам. Мы с Валей це-

лый день находились на работе, но Рива очень нервничала. Очевидно, ее угнетала мысль, что она не у себя в доме, а доставалось Любе. Люба, дочь Авы, училась в авиаинституте, училась отлично... Все наши попытки «подкормить ее вкусеньким», как-то облегчить ее самообслуживание сталкивалось с суровым нежеланием и сопротивлением. Ела только свое. Понять причину такой мелочности было просто невозможно, пока Рива не успокоила — «это — такой характер». Через 1,5 года, когда она окончила институт, и для устройства на работу потребовалась прописка, она пришла к нам. Родной дядя и двоюродный брат «не могли», мы согласились, хотя в 1,5 раза увеличилась плата за газ, воду и уборку.

8 октября 1988 г. дочка «подарила» нам третьего внука. Назвали Максимом. Тогда и не подозревали, что на иврите это означает «прекрасный». Валя тут же взяла очередной отпуск и улетела помогать дочери. К сожалению, Аркадий с Ирой не рискнули «удвоиться», Макс оказался последним нашим внуком. Внуки у нас так и нет.

Пока Алла находилась в послеродовом отпуске, на ее место — зав педиатрического отделения — посадили родственника какого-то партвождя районного масштаба, совершенно незаконно и нагло. Знакомая история! Судиться было бесполезно, она ушла в «участковые».

В начале 1989г мы решили купить путевки в турпоездку по Венгрии. Почти все оформили, как вышло постановление — обменивать только 30 рублей. И хотя «знатоки» уверяли, что ничего в этом страшного нет, т.к. «можно продать там то и это...», мы от этой затеи отказались. А мои «камни» стали уже нетерпимыми, я прямо с работы в начале июня пошел в медсанчасть «Металлиста» к хирургу Мазохе, признанному специалисту по таким операциям. По просьбе Вали Е. Френкель позвонил ему и предупредил, «что они люди — обязательные и благодарные».

Валю в реанимацию не пустили. Ночью, когда нестерпимо надо было помочиться, я не нащупал на полу утку, ее уборщица затолкнула глубоко под кровать, до медсестры дозвониться тоже не смог, с огромным трудом сполз с кровати и добрал до туалета. На обратном пути увидел полные ужаса глаза проснувшейся медсестры...

Мазоха — молодец. Мне кажется, что операцию он сделал безукоризненно и протоки промыл хорошо. Когда я пришел прощаться с конвертом на 250 руб., он смущался не долго, признавшись, что попал в автоаварию и машина требует дорогого ремонта. Он посоветовал не ложиться спать на пустой желудок и

исключить из рациона желчегонные — редьку, хрен, горчицу, — а также не нагружаться физически хотя бы полгода.

Послеоперационный отдых я сократил до минимума, т.к. вопросов по макаронам накопилось достаточно. В июле приехали в отпуск москвичи. Волга, пляж рядом с домом, а в свободное от работы время ездили «на природу» в окрестности города. Когда мы жили на Управленческом, основным направлением таких поездок был север и северо-запад, а потом «открыли» Татьянку. Это — «старица» в устье Самарки в 10 км от нашего дома с чистой и теплой водой. Волга прогревалась медленно и до середины июля, как правило, температура воды не превышала 19°C. Татьяна была излюбленным местом отдыха жилых массивов за рекой Самаркой. Но в 90 г. всю левобережную зеленую зону захватили «под дачи» родственники и друзья работников городских и районных властей. На одной из популярных тогда встреч с избирателями мэр города дал торжественное обещание вернуть Татьянку людям, но... Аналогичный «процесс пошел» (крылатая фраза Горбачева) во всех зонах отдыха.

Свободное от работы время я старался отдать внукам. Мы ставили машину на стоянку и возвращались домой, задерживаясь у каждой детской площадки, где им было чем заняться. Иногда ехали две остановки на трамвае, даже Вадюшке это было ново — в их районе трамваев нет, но в отличие от Павлика убедить его, что садиться не следует, что мужчины не садятся, было трудно. Привык в Москве. Очень сложным оказался процесс вхождения в воду при купании. Чтобы отучить Вадьку от водобоязни приходилось гулять с ним вдоль берега и по сантиметрам «углублять» его погружение. Максиму было около 7 лет, когда я попытался войти с ним в мелкую речушку Псел, он чуть не впал в истерику. Вадька в 9 в Андреевке научился плавать и сам переплывал озеро Чистенькое. Об этом впереди.

В том же 89 г. мы подъехали к речному вокзалу, чтобы полюбоваться огромными 3—4-палубными теплоходами. На отходящем от причала корабле заиграли песню «Как провожают теплоходы...», и наш Вадюша зарыдал — «теплоход жалко!», еле успокоили. Это он назвал наш «жигуль» желтенькой, что приклеилось до самого конца.

10 августа ребята уехали в Москву, а 11-го ночью умерла тетя Рива, угасла в течение одного дня. Она больше всего боялась, что откажут больные ноги, и она станет «обузой для окружающих». Этого не случилось. Похоронили ее рядом с дедушкой Шайей.

В 2005 г. мой племянник Миша вместо трех надгробных памятников поставил общий, на котором фотографии не соответствуют

месту захоронения, а надписи на иврите не воспроизвели, т.е. как бы превратил это место в братскую могилу. Также он «убрал» и «маген Давиды» — шестиконечные звезды на памятниках глубоковерующих деда и тети. Задумал благое дело, а получилось кощунство. Меня он не спросил. Если вы посетите кладбище, то знайте: посредине лежит дедушка Шая, по его левую руку Вениамин, справа — Рива, бабушка Хава похоронена в Киеве, здесь только ее фотография и имя для памяти.

В день смерти Ривы мы с Изей оформили все документы и договорились с кладбищенской службой. На этот раз все прошло быстро и без препятствий. А вечером к нам зашли Кондрашовы и сказали, что купили дом в том селе Андреевка, о котором я им рассказывал, и договорились, что там и нам могут продать дом, если приедем завтра. Похороны были назначены на послезавтра, мы туда поехали и купили за 1000 руб. большой деревянный дом с обширным подворьем и прилегающим участком необытного размера. Так 12 августа 89 г. в день рождения Вали мы стали землевладельцами.

После похорон тети Ривы племянники в тот же день разделили ее нехитрое наследство, мотивируя это необходимостью отъезда в другие города. Я, зная еврейскую традицию ничего не трогать в комнате покойного до истечения 30 дней, от участия в этой процедуре отказался. Покоробило, что вопреки этой же традиции обувь не разрезали и не выбросили, а стали использовать. Безусловно, все делалось не из-за неуважения к покойной, отнюдь не из-за этого, а подчеркнутым пренебрежением к иудаизму и его традициям. Особенно выделялась Ава, которую долгие годы опекала Рива.

15. ЛИХИЕ 90-Е ГОДЫ

15.1. Самарская макаронная фабрика

К работе на самарской «макаронке» я приступил на следующий день после ухода из СКБМ (С – «самарское» заменило К). Незадолго до моего прихода на фабрике произошла кадровая революция. Бывший ответственный руководитель из Нархозконтроля, сделавшись зам управляющего трестом пищевых продуктов, «убедил» директора макаронной фабрики поменяться местами. Через 3 месяца бывший директор, как говорится, волосы

рвал во всех местах, осознав сделанную глупость, но поезд ушел... Новый директор, Евгений Александрович Стрельников, умный инженер с жестким и властным характером с первых шагов поставил себя единственным хозяином, в ведении которого должны находиться ВСЕ вопросы, включая и технические. Не знаю, как он себя вел с «большим начальством», но на фабрике не писаное правило советских времен «я начальник, ты — дурак; ты начальник — я дурак» восторжествовало. Он незамедлительно «выжил» старого главного инженера, поставив взамен молодого Игоря Макарова, отец которого руководил охраной первых секретарей Обкома КПСС.

Во дворе фабрики заканчивались работы по строительству большого корпуса для размещения макаронной линии «Бюллер», полного аналога нашим чертежам. Оборудование, закупленное в Швейцарии, находилось в деревянных ящиках, заполнивших открытый для дождя и снега фабричный двор и частично улицу. Проект здания сделал местный филиал «Союзсельхозпроекта» впопыхах с большим числом огрехов и принципиальных ошибок. Некоторые я обнаружил при первом же знакомстве с чертежами, естественно, на «линии измельчения лома». Очевидные промахи удалось исправить силами строителей, но главный — место хранения и первичной переработки лома — пришлось исправлять «на ходу» при активном и непродуманном вмешательстве директора.

Самарские монтажники явно не годились на роль головных исполнителей, на это место активно претендовали швейцарцы, я не менее активно указывал на Рыбинск, в пользу которого «сработал» дефицит валюты.

Появились старые знакомые во главе с Орловым. До их приезда силами самарцев под моим непосредственным руководством все тяжелогабаритные агрегаты системы измельчения уже стояли на своих местах на 3 этажах, что позволило сразу приступить к монтажу непосредственно макаронной линии. Игорь Макаров продержался в кресле Главного инженера не долго, его снизили до начальника строящегося цеха, затем он ушел назад в милицию.

Главным инженером стал человек, «послушный воле шефа», а цех возглавил напыщенный и неумный бездельник — индюк, чем-то очень покоровивший директора. Конечно, тот его «раскусил», но далеко не сразу, и выгнал. Подробно писать о своей работе не буду. Остановлюсь на некоторых интересных моментах.

Фабрика в три смены изготавливала короткорезы (лапша, рожки, вермишель) и длинные макароны и спагетти на итальян-

ской линии, снабжая не только область, но и другие регионы вплоть до Крайнего Севера. Ее приватизировали без бюллетерского корпуса и оборудования за 3 миллиона руб. КО-ПЕЙ-КИ!!! Объявили «закрытым акционерным обществом». Суть закрытости проявилась вскоре после утверждения Устава, когда началось массовое увольнение за малейшее нарушение трудовой дисциплины кадровых рабочих, владевших значительной долей акций. Согласно «закрытому Уставу» при увольнении владелец обязан был продать свои акции ЗАО. На собрании, обсуждавшем Устав, я буквально «наступил себе на язык», услышав, какими диктаторскими полномочиями наделили директора и какую ему «положили» зарплату. Он окружил себя группкой «лизоблюдов», среди которых особо изощрялась начальник планового отдела, муж которой был незадачливым бригадиром на филиале при «Металлисте». До меня она «выжила» с фабрики конструктора, который несколько раз подходил ко мне, с ненавистью вспоминая ее выходки. Мне она тоже старалась портить жизнь в меру сил и влияния на директора. Когда дошла очередь до приватизации корпуса «Бюллер», с государством расплатились ваучерами, которые тысячами скупали в фабричном магазине у пенсионеров и пьяниц по 3—4 тысячи руб. за штуку при номинале 10 тысяч. Ни одна акция не попала в руки рядовых работников!

Чертежей мне приходилось выпускать много, но никто из тех лиц, которые их подписывали, их не проверяли. Для меня это было просто дико, ибо за долгие годы конструкторской работы знал, что чертежей без ошибок не бывает и что «свои ошибки» обнаружить труднее всего. Как только станочник обнаруживал неполадку в чертеже, «добрые люди» тут же ставили в известность директора... Однажды он зашел в комнату, где я чертил, и ехидно заметил — «Что очередные ошибки делаете?» Вопрос директора меня задел, но я спокойно и вежливо ему ответил, что принял бы его упрек, если бы на фабрике нашелся бы, хотя бы один человек, который не делает ошибок. Реакция была ожидаемой:

— «Есть такой человек — директор.

— Вы уверены в этом?

— Безусловно.

— А я нет! Вы мне не поверили и из-за сопляка-юриста задержали договор с Тамбовом. Фабрика вместо 3,5 миллионов, как я договорился, заплатила 11...

— Это не Ваш вопрос...» и выскочил из комнаты.

Все было, как я сказал. Единственное, что, может быть, я не учел, что из этих добавленных к цене денег «по договоренности» добрая часть легла в его карман. Я уже настроился уходить, т.к. меня перевели под начало нового начальника цеха, а поскольку по всем техническим вопросам обращались прямо ко мне, минуя его, его это задевало, хотя ни в документации и в проблемах он был «ни в зуб ногой», и на ежедневных оперативках у нас с ним происходили столкновения. После одного из них он прямо предупредил, что доведет меня до инфаркта. Это как-то не входило в мои планы. 30 апреля я уволился и меня тут же приняли в НПО «Агропроект», которое на фабрике многое делало по моим чертежам.

Кстати, после моего ухода налоговая инспекция наложила на фабрику штраф более 10 миллионов руб. Бухгалтер не скрывала своей вины и не возражала против судебного разбирательства. Ее уволили, конечно, без суда и без какого-либо возмещения ущерба. Знала, наверно, много... Честно говоря, и я знаю не мало, только писать противно и неплохих людей пачкать ни к чему.

15.2. Андреевка, начало...

Купленный в Андреевке дом с земельным участком до глубокой осени 2000 г. стал неотъемлемой и одной из главных страниц тогдашней нашей жизни. Чтобы не растягивать рассказ по календарю, остановлюсь на основных моментах.

Дом — бревенчатый сруб довоенной постройки с большой русской печью и холодным предвходом, где зимой держали коз и хранили часть урожая. К отапливаемой части после войны пристроили г-образно большую комнату 4 x 7 метров с 6 окнами на 2 стенах, около двери — голландская (круглая) печь. В старой части дома полы были в ужасном состоянии, «стулья» — опоры по углам подгнили, что перекосило дом. В таком виде, по словам хозяина, он мог простоять еще 4 года. В дом вела крытая терраса 2 x 3 метра, слепленная из кусков досок и шифера. Крыша — комбинированная: шифер и жестяные пластины в «нахлестку», — текла по угловому стыку. К дому была подведена водопроводная труба от животноводческой фермы, расположенной напротив дома метрах в 100. За ней находилось большое озеро Чистенькое, широкое и глубокое.

Подворье включало объемный амбар (5 x 12 м) и 5 сараев в достаточно неприглядном состоянии. Они обеспечили нас дровами на все время, да и осталось еще столько же.

Первым делом переложили голландку, а после весенней посадки с помощью гидродомкратов приподнимали просевшие углы и заменяли сгнившие сосновые стулья на дубовые. Неоценимую помощь в этом деле оказал сосед Николай Кретов. Потом по приезду Аркадия с Вадькой мы сделали полы в старой части дома. Не сразу, поэтапно устранили течь на потолке. Переклеили обои, в кухне обложили кафельной плиткой рабочие места. Позднее отгородили часть старой комнаты между стеной с окном и торцом русской печи, предварительно вдоль этого торца сложили маленькую печурку с вмазанным баком из нержавейки, а вдоль стенки установили чугунную ванну, которую я привез из Самары на верхнем багажнике «Жигулей». Обшили комнатенку досками, сделали полку, — получилась домовая баня на одного человека с парилкой. Она нам хорошо послужила. Переделали входную террасу. Дом перестал быть развалюхой.

К сожалению, окна я «обрешетил» только после двух ограблений. Со временем переделали и «облагородили» подворье: новые ворота, новый забор высотой до двух метров «закрыл» от внешнего обзора двор, основательно укрепили амбар, построили новый сарай для трактора (о нем впереди), сделали навес для автомобиля и, наконец,

«дворец спорта» — сарай со стенами из старого шифера. На «Металлисте» мне сварили бак 2х1х1 м из листа толщиной 4 мм. Земельный участок оградили сеткой-рабицей кроме задней стороны, которая осталась открытой. Здесь потрудились сын с зятем Геней, ему пришлось сменить баян на кайло — справился. Все названные постройки и переделки обошлись «малой кровью», очень дешево.

На макаронной фабрике я выписал в достаточно большом количестве доски и брусья, сбитые в щиты — упаковка от швейцарского оборудования. Дубовые «стулья» и сосновые бревна привезли из ближайшего леса по «разрешению» лесника за литр водки. Сосенки диаметром 18 — 25 см, длиной 3,5 — 5 м срезали для разряжения посадок, а кряжистые дубы — на совесть Н.Кретова. Он был главным «пильщиком» (имел мотопилу «Дружба») и «потребителем» дубовых дров. Из леса срезанные, неочищенные от ветвей деревья волоком тащили трактором, подаренным братом Леней.

Это был четырехколесный трактор классической компоновки, изготовленный в Китае по американской лицензии, с одноцилиндровым дизелем в 15 л.с., с пятискоростной коробкой передач и

гидроприводом на лапы подъемного устройства. К нему были приложены двухлемеховый плуг и роторный культиватор-фреза с 18 Г-образными ножами, вращающимися от тракторной коробки передач через цепную передачу. После культивирования земля была, как пух. Партию этих изделий «по бартеру» получил станко-завод, а Лене продали за оказанные услуги. Я впервые в жизни держал в кармане 400 тысяч, когда ехал платить. Деньги были не мои. Вначале он отдал в пользование «до востребования», а потом насовсем. Как мы не старались «расплатиться» натурой, это не удалось... Когда же я сел за трактор и сходу начал достаточно хорошо культивировать вспаханное осенью поле, соседи изумились — «гляди-ка, еврей и так хорошо ведет трактор...». Он нам послужил до конца. Главной проблемой было его зимнее хранение. Сначала оставляли в сарае одной из соседок, а затем в обширном гараже у Ивана Павловича. О нем ниже.

Лето и осень 1990 г. были первыми в нашей сельхозпрактике. Осваивали агротехнику достаточно быстро и легко. И если в первый раз Валя расспрашивала соседку, каким концом надо сажать дольку чеснока в землю, то уже через несколько лет коренные селяне стали очень уважительно относиться к «Валиным советам». В первые годы для полива использовали воду из водопровода, но по мере развала колхоза воды не стало. Мы загодя вырыли котлован 2х2х2 м и пробрили дюймовую трубу на глубину 14,5 м, через нее ручным насосом стали качать воду и приспособили электронасос для заполнения бака, в нем вода прогревалась для полива огорода.

При намотке проволоки на нижний заборный конец трубы — «пику», руки устали «до нет никакой возможности», просто отваливались. Но «выпрямился» и перестал болеть указательный палец на правой руке, так я постиг, что боль лучше всего лечится физической нагрузкой, что неоднократно подтверждалось в последующие годы и до сегодняшних дней.

Рядом с нашим домом стоял соседский, в нем жили хозяйка Анна и ее сожитель Анатолий Тимофеев. Анна — бездетная вдова, бескорыстная труженица, бесхитростная и очень добрая алкоголичка. Толя — бывший вор, который, по его словам «завязал, т.к. не охота было, чтобы похоронили с биркой на ноге». Его допенсионный стаж составлял 10 лет, остальные годы — тюрьмы и лагеря. Себя называл «вором в Законе», но этому не верили. Он был типичной «шестеркой», что проявлялось в его поведении со временем. Может быть, все больше сказывался хронический алкоголизм. С каждым годом, с каждым месяцем они опускались

все ниже и ниже, портились характеры и «упрощалось» отношение к жизни. До последнего прощального дня мы старались сохранять добрососедские отношения, но счет мелким подлостям накапливался все время. Недаром и сейчас, в Израиле Валя говорит, что лучшее средство от ностальгии — это память о соседе Толе. Хватит о нем!

Наш околоток называли Выселки, и он оправдывал это название. Не алкоголиков можно было посчитать по пальцам. Напротив нас в маленьком домике жила славная старушка, тетя Маруся (пусть земля ей будет пухом) с сыном-алкоголиком, который в пьяном виде поджег окурком свою постель и стал импотентом. Как-то остановила она меня и поведала: «Я вот гляжу на вас с Валею и думаю, если бы у меня был такой муж, я бы каждый вечер мыла ему ноги и выпивала воду...». Муж бил ее нещадно, смертным боем. После ее похорон дочку устроили поминки, на них была Валя, я работал. Стол был изобильным, стояли даже апельсины, но в самогон добавили что-то вроде демидрола «для крепости». После 30 грамм этого пошла Валя приходила в себя дня три.

Водка была главным эквивалентом труда вместо денег, «бутылкой» расплачивались за все. Сосед Толя убедил нас привозить и продавать ему водку следующим «логическим посылом»: «Все равно мы пойдем за ней, хоть на край села, но зато у вас она нормальная и дешевая, а у других, как ацетон...» Самой «отравистой» была водка, которую им продавала родная сестра Ани. «Нормальную и дешевую» мы покупали оптом на «Вшивом рынке» у оврага Подпольщиков по 10 руб. за бутылку. Половина шла на оплату услуг, вторую — продавали только соседям за 25 руб. Покупали на дому у «проверенной» девицы не самую дешевую водку «из Москвы», а подороже из осетинского спирта, который рекой тек в Россию (сейчас, наверное, тоже). В Самаре я услышал очень злое, но не беспочвенное высказывание о трагедии в Бесланской школе — «это божье наказание за пьяную трагедию России, за слезы, боль и горе сотен тысяч матерей и жен спившихся «паленой водкой» русских мужиков». Беслан — один из основных поставщиков этой продукции. Девушка продавец поведала, что у нее уже есть «5 лет условно» и что помимо ежедневного оброка, она еженедельно платит штраф в 5 тысяч участковому-лейтенанту для отчета о его плодотворной деятельности.

В наших Выселках выделялись братья Кретовы. Старший Николай, младший — Александр явили наглядный пример того, каким было большинство крестьян России до коллективизации: тру-

доголики, энергичные, предприимчивые, смекалистые и в меру пьющие. Если им дать возможность, то они бы быстро накормили страну.

15.3. «Ташкентцы»

В начале центральной улицы Андреевки в полукилометре от задов нашего участка при нас быстро выросли 4 больших кирпичных дома «ташкентцев», как их определили в деревне. Они были построены и заселены родственниками, приехавшими из Средней Азии: мать, дочь с мужем, сын с семьей и жители Самары Валентина (дочь) с мужем Иваном. Мать Нина, очевидно, была далеко не рядовым работником торговли и привезла немало «зелени». Ее дочь Людмила повторно вышла замуж за бывшего милиционера, который на тещины деньги построил автокемпинг со столовой на стыке автотрасс Самара — Оренбург и Нефтегорск — Похвистнево. У него постоянно бесплатно столовались районное начальство и милиция, так что налоги он платил мизерные, а посетителей ему обеспечивала ДПС (дорожно-постовая служба) милиции, которая принуждала водителей-дальбойщиков питаться в кемпинге. Окрепнув, хозяин бросил жену с ребенком и взял молодую.

Нина с Людмилой, юридически владевшие большей частью недвижимости, затеяли дорогостоящую и изнурительную судебную тяжбу, в результате которой сначала была неудачная попытка задушить Нину, затем застрелили «самого», а потом в автомашине застрелили Людмилу. Зато районный прокурор освоил подаренную «волгу», а большая часть состояния Нины ушла к адвокатам. Имущество «хозяина» осталось у его сына от первого брака — работника ГАИ.

Валентина с Иваном построили дом и большой амбар- гараж, в нем стоял грузовик ГАЗ66 и умещался наш трактор. Она работала на складе металлопроката и успела «приватизировать» его в достаточно большом количестве и ассортименте. Этот металл «кормил» их многие годы. Иван Павлович — прекрасный человек, добрый и бескорыстный, всегда готовый помочь даже малознакомому человеку. К сожалению, мы, не зная их фамилии, не смогли найти измененный номер их домашнего телефона. У Ивана очень болели ноги. Как он сейчас?

Старший сын Нины занялся фермерством и, не смотря на большое сердце (со стимулятором) сумел наладить прибыльное производство. Он предложил председателю умирающего колхоза сдать ему в аренду благоустроенную базу — ферму для крупного

скота. Тот запросил немыслимую цену, и через месяц от нее не осталось и кирпичика. Еще один типичный эпизод из фермерской жизни в России. В райцентре Богатое находится один из крупнейших элеваторов (хранилище зерна), им завладел сын тогдашнего губернатора Титова, и начался откровенный грабеж: привозят на хранение зерно, после анализа в его приеме отказывают, т.к. оно «сырое», тут же подходят к крестьянину перекупщики с предложением продать за супернизкую цену. Деваться некуда — продают, а зерно, не мешкая, завозят на элеватор. И так повсеместно. Наш знакомый пшеницу и гречку не продал, а сумел сохранить у себя. Так могли поступать очень не многие.

15.4. Андреевка нас кормит

С 1990 по май 2001 г. мы овощи не покупали, вишню, клубнику, малину и арбузы тоже, яблоки — только с Нового года. Мы приобрели большую морозильную камеру «Минск», в которую закладывали на зиму до 20 кг говядины, деревенский творог — 16 кг, до 20 коробочек по 200 г малины, до двух ведер вишни, 10 разделанных вилок цветной капусты и др. Гаражный погреб на Управленческом был переполнен картофелем, свежей капустой, кольраби, морковью, свеклой, стеклянными банками с солеными огурцами и помидорами, маринованным перцем и другими огородными плодами. С каждым годом уменьшались наши заготовки компотов и варенья. Лук, им славилась Богатовская земля, хранили дома в ящиках из-под винограда, а тыквы — под кроватями. Естественно, что не малая часть этого добра шла на продажу.

Когда осенью 90 г. мы собрали около 57 ведер изумительного лука, после «раздачи» родным и близким знакомым, встал вопрос, куда девать остальное? Ведер 10 заложили в ящики, и я предложил продать на ближайшем минирынке. Валентина «встала на дыбы» — «тебе надо — продавай сам...» Так началась наша торговля «на панели» (термин жены). В последующие годы зимой Валюша надевала «спецнаряд»: меховые унты 45 размера с портянками на ноги, меховая жилетка на лыжный костюм цигейковая шуба, шапка из чернобурки с шерстяным платком, на руки — самодельные меховые рукавицы. Прямо от лучших Кутюрье! А после «трудового дежурства» зуб на зуб не попадал. Капусту, как правило, солили постепенно, примерно раз в 2 недели по мере потребления и продажи. Валины заготовки неизменно пользовались повышенным спросом, особенно соленые огурцы. Ей даже всерьез предлагали открыть одноименную фирму. При реализации наших заготовок Валюше приходилось «шевелить мозгами». В один год семе-

на красной свеклы оказались смешанными с сахарной, что обнаружилось слишком поздно. В досаде мы удалили сахарную «подчистую, с корнем». В результате такой разрядки значительная часть урожая состояла из плодов диаметром до 20—25 см — «непродаваемых». Я даже предложил «сдать в столовую по дешевке». Валя вынесла на продажу несколько штук, запеченных в газовой духовке, и после убедительной наглядной и вкусовой агитации «печеная свекла» получила большой спрос, особенно у женщин, спешивших после работы приготовить дома ужин. Соседки по прилавку стали расспрашивать, как ее готовить. На что Валя отвечала — «в микроволновой печи». Она была только у нас, а плодить конкуренцию было ни к чему. С «технологией» ознакомила соседку по подъезду, Валентину Ивановну. Только они двое продавали «свою продукцию», остальные — бывшие учителя, библиотекари, фармацевты и другие интеллигенты, получавшие очень маленькие пенсии и вынужденные покупать «товар» на настоящем рынке и продавать на малом, разместившемся вблизи от транспортных остановок.

Садом занимался я один от случая к случаю. В этом вопросе мы остались дилетантами, хотя клубнику, малину вишню и летние яблоки ели вдоволь, немало было и смородины, крыжовника и даже боярышника. Облепиховые деревья хорошо «пошли в рост», начали плодоносить, пока не попали под гусеницы пьяного тракториста. А вот наш огород, Валин огород, был образцово-показательным по качеству овощей и ухода за ними, по разнообразию ассортимента. Наши огуречные грядки плодоносили и тогда, когда у односельчан оставались только желтые плети. О помидорах сосед Николай Кретов спросил: «Валя! Ты их сахаром поливаешь что ли?»

Поздновато освоили технологию выращивания арбузов. Если в первые годы они шли на засолку величиной в вдвоенный кулак, то затем стали сажать «под пленку» и выращивать зелено-полосатые изумительного вкуса. Я их продавал на рынке по 3,5 руб./кг, когда рядом лежали привозные по 2 руб. Скажу прямо: ни я, ни Валя не стеснялись продавать плоды своего труда. И когда подходили знакомые, не испытывали никаких неудобств и смущения, — комплексов не было. Единственное, что было противно, и с чем сталкивалась Валя, это обвинения в спекуляции. Как правило, они исходили от неумех и лодырей. Как-то Валя не выдержала и спросила бедно одетую покупательницу: «Зачем Вы здесь покупаете? Съездите на Троицкий рынок. Ведь там дешевле...» — «Неохота», — ответила та.

Я писал, что дом в Андреевке для нас нашел Ю. Кондрашов. Мы были убеждены, что это только закрепит наши дружеские отношения. К сожалению, случилось не так. Мы разошлись окончательно. Не вдаваясь в подробности и детали, скажу, что решающую роль в этом сыграла Людмила Кондрашова. Свое жизненное кредо она как-то поведала Вале — «Зачем ты уродуешь себя на этом огороде? Пускай лучше дураки пашут...». На что Валя с гневом ответила: «Конечно, дурак — Юра, который за двоих вкалывает, дура — Валентина (соседка напротив), которая тебе подешевке продает ворованное мясо, дура — Мария (тоже соседка), которая полет на твоём огороде, и, наконец, я и Фима, потому что вкалываем изо всех сил, иначе, зачем было покупать участок». Кроме того, даже соседа Толю удивили ее антисемитские намеки.

Весной 1997 г. Валя купила 5 кг необычайной по виду и цвету очень дорогой картошки. Серопепельный гладкий клубень, вместо глазков желтые пятнышки. Продавец сказал, что она из Штатов и называется «Снежный барс». Мы стали ее множить, но полностью заменить ею старые сорта не успели. Поверьте, что по вкусу ей нет равных. «Ее есть с маслом — преступление» — сказал один из «постоянных покупателей». Поэтому Валя продавала ее в 2—2,5 раза дороже, чем самая дорогая на рынке, и не просто брали, а просили еще и еще. После такого картофеля здесь, в Израиле местные сорта «в рот не идут», употребляем очень редко, не чаще 1 раза в 8—10 дней «безо всякого на то удовольствия».

Только в 2000 г. мы после многих проб и ошибок освоили оптимальную, может быть, «голландскую», технологию выращивания картофеля. Сколько сил и здоровья она сберегла бы, но было уже поздно. Твердо решили ехать к дочке, к внукам в Израиль.

Продать свои владения было не просто. От города далеко, а вокруг все безденежные. На объявление в газете «Из рук в руки» откликнулся покупатель — офицер торгового флота, с которым сошлись на цене 27 тысяч руб., что соответствовало 1000 долларам. Это ведь за бревенчатый дом с комнатой-баней, с сараями, водоколонкой с электромотором, огородным инструментом и участком общей площадью 54 сотки.

Трактор со всеми причиндалами привез в Самару на своем грузовике Иван Павлович. Там его продали «по-дешевке» за 17 тысяч руб. Глубокой осенью 2000г мы очистили поле от ботвы и плетей и простились с Андреевкой. СПАСИБО ей!

15.5. Дети, внуки, Москва, Великая Богачка

После рождения Максима мы острее почувствовали оторванность от детей и внуков, свое одиночество. После смерти Люси и Ривы практически прекратились контакты с двоюродным братом Изей и племянником Мишей. У Люси, его матери 9 января — день рождения, а 31 декабря — день смерти. Мы предложили отметить день ее памяти в день рождения, он согласился и назначил время сбора. Я подобрал имеющиеся у нас фотографии, Валя сделала торт, и мы пошли в гости, но хозяйева забыли о приглашении и ушли из дому. Больше мы к ним не приходили... Нечто похожее происходило и с Изей, которого я устроил к нам в КБ, а он вместо работы занимался обменом квартир и преуспел в этом, но страшно на меня обиделся, что я не посодействовал повышению его зарплаты. От такой обиды он ушел работать на 4ГПЗ на меньшую должность и меньшую зарплату, зато рядом с домом, хотя жена «вкалывала» до отъезда в Штаты на далеком «Металлурге». Были и другие достаточно неприятные для воспоминаний моменты. Одно только ясно — это ненормально, так же, как и нынешние отношения с родным братом.

В конце апреля 94 г. нам предложили сдать квартиру на год на съем за 300\$ в месяц немцу, работавшему на стройке жилого поселка для семей военных около города. Там должны были разместиться офицеры танковых армий, выводимых из Восточной Германии. Наши советские сбережения мы успели вовремя потратить, купив новый цветной телевизор и черно-белый для Андреевки, постельное белье и шкурки коричневого каракуля на шикарную шубу Вале, новый второй холодильник для дома и поддержанный в деревню, две двуспальные кровати с великолепными матрацами. До этого почти 34 года спали на раскладном диване. Даже успели купить мне синий египетский костюм, его ношу до сих пор. Дочка умоляла найти 1,5 тыс. \$, чтобы выкупить вторую половину большого кирпичного дома, первую они обменяли на свою двухкомнатную квартиру. Поэтому предложение «сдать на съем» было очень актуальным и заманчивым. Куда деваться нам? С апреля по конец октября — в Андреевке, а еще полгода где? После неудачных попыток найти приемлемый вариант «уговорили» Любу, прописанную у нас. Она арендовала двухкомнатную квартиру на 5 этаже панельного дома. Нашу попытку оплачивать квартиру полностью она категорически отвергла, а попытки «подкормить» ее были весьма не просты, приходилось даже придумывать поводы для совместной трапезы. Не думаю, что она была в восторге от нас, незваных гостей, но сосуществовали мы нормально

без каких-либо эксцессов, хотя ощущали, что ее «подогревают» Изя и, особенно, его жена.

В Андреевке задержались до «полной зимы». Там Валя начала ходить босиком по снегу. Мне, глядя на нее, стало стыдно за мужскую трусость, и я пошел тоже. Как это здорово! В городе Вале «стало стыдно», а я «ходил» до ноября 97 г., когда снова пошел работать. В следующее лето я начал по утрам обливаться холодной водой, что делаю и до сих пор. И прекратились мучившие меня почти каждые 2—3 месяца на протяжении всей жизни ОРЗ, ОРВИ и другие простудные заболевания носоглотки. Еще до войны врачи начали настаивать на удалении у меня аденоидов и гланд, но дальше разговоров дело не доходило. Ну, и, слава богу!

В декабре-январе 94/95 г. совершили полуторамесячный вояж в Москву и на Украину. Пребывание у дочки породило не лучшие эмоции, тк ощутили трудности жизни на Украине. Мы привезли с собой ящик длинных макарон, деликатесы из Москвы, разнообразную одежду и т.д. Дней 20 делали ремонт в половине дома, клеили обои на стены и потолки, сделал я вешалку-шкаф у входа. Гена и Алла работали, не считаясь со временем, но питались скудно. У меня от преобладания углеводов и малого количества белков «пошел вверх» сахар в крови, что вызвало сильный зуд по всему телу, как при «чесотке», продолжавшийся более месяца после отъезда из Богачки. Мы пытались убедить детей уехать в Израиль, но встретили резкий отпор, особенно, со стороны сватов. «Если вам надо, езжайте сами!» воскликнул Михаил Исакович. Через 3,5 года он стал «идейным сионистом».

Когда мы вернулись, Леня попросил «погостить» у него, т.к. Людя находилась в Израиле, а него в очередной раз разболелись ноги. От столь длительного пребывания «в гостях» устали страшно. А ведь надо было еще «лечить» «желтенькую». Основные дефекты, как правило, устранял я самостоятельно зимой. Работал в неотапливаемом гараже часов по 5—6, после чего «грузился» овощами из погреба и на автобусах добирался до дому...

Немец прожил у нас до августа 95 г., что существенно увеличило наши долларовые сбережения. Мы подсчитали, что их хватит на поездку в Израиль. А тут подвернулась возможность съездить в Москву. Леня перешел работать в фирму, занимавшуюся благоустройством Автозаводского р-на Тольятти. При ней они создали кооператив, специализирующийся на ремонте дорог, и решили по московскому опыту использовать экономичный и эффективный «жидкий асфальт». Разработчик — московский институт затребовал за технологию приготовления 35 млн руб. Я предложил

Лене «купить эту технологию» на асфальтовом заводе» гораздо дешевле. Самым трудным оказалось, найти на огромной территории московского нефтеперерабатывающего завода маленький асфальтовый завод. Там я встретился «тет а тет» со знающим человеком, нашел «нужные слова» и уговорил его продать документацию и дать консультацию по ней за 5 млн. руб. Дальнейшее сделал Леня. Приготовление и розлив «жидкого асфальта» они освоили и при этом «наварили» немалую прибыль. Расплачивались с ними и деньгами и «натурой». Получив в оплату два грузовичка, переделанных из вазовской «пятерки», Леня подарил один из них мне.

Владел я им недолго и с Лениного разрешения продал его за 2 тыс. \$.

Тогда же в Москве я приобрел две турпутевки в Израиль по маршруту «Четыре моря» и договорился с турфирмой, что задержусь в стране на неделю, т.к. Юля прислала нам вызов.

Перед отлетом в Израиль я вместе с Аллочкой Краснопольской навестили дядю Мишу, которому уже было за 90 лет. Он очень сожалел, что не уехал в Израиль со старшей дочерью Нелей и жаловался на опекавших его членов семьи сына Рафика. Думаю, что особых оснований для этих жалоб не было, просто он был очень одинок. Мы ему в чем-то помогли, Алла потом говорила, что Миша с восторгом вспоминал наш визит. Больше я его не увидел.

15.5.1 Визит в Израиль

В двадцатых числах марта 1996 г. мы впервые вылетели за рубеж, впервые разместились на борту огромного «Боинга 757» и ощутили настоящий сервис. Ранним утром прямо из аэропорта Бен Гурион нас повезли в Библейский парк. Почему-то за все годы жизни в Эрец-Исраэль я о нем больше не слышу ни звука!?! Оттуда в Иерусалим, в гостиницу Центральная, религиозную, без ТВ. Начали, как положено, со «Стены Плача» (это название используется повсеместно кроме Израиля). Не имея головного убора, я к стене не подошел, чем вызвал искреннее недоумение экскурсовода, и Всевышний меня наказал — вышел из строя фотоаппарат Аркадия. Осмотрели основные Христианские места и побывали даже в Бейт — Лехеме (Вифлееме), куда сейчас евреям путь заказан. Там нас завезли в торговый центр, где хозяин, араб-христианин, искренне негодовал по поводу бесчинств палестинских полицейских-грабителей и воскликнул — «Зачем Вы разрешили эту автономию?». В Иерусалиме только с помощью прохожей — израильтjанки

смогли дозвониться до Юли и наладить с ней связь.

Далее наш путь лежал в Нетанию. Там поместились в отеле с видом на Средиземное море, в котором искупались, хотя температура воды была 16°C. В Нетании нас застал шабат — суббота. Утром поразила тишина и пустота улиц — город как-бы обезлюдел. И вдруг — русский мат, трое подвыпивших парней громко вели «нормальную» беседу. Мы как домой попали! Днем за нами заехал на своей автомашине московский однокурсник Алочки, которому она передала через нас добрый кусок свиного сала. Он привез нас к себе домой в близлежащем мошав. Кроме него с женой за столом были профессор-геолог и его любовница, оказавшаяся знакомой Маечки. Вот уж — мир тесен! За столом, как водится, разгорелась дискуссия о событиях в России. Самая злободневная тема для евреев, бывших советских граждан!!!

Как положено, мнения разделились. Когда на утверждение — «Гайдар — молодец, не полез в эту Думу», я заметил, что он — депутат, прозвучала фраза, которая меня смешит и сегодня: «Сейчас позвоню Изе. Изя знает ВСЁ! Он скажет». Не могу представить себе свои слова, если бы Изя не подтвердил мои, но «Изя знает все».

Геолог оказался весьма интересным собеседником. Он побывал на обоих Полюсах планеты, объездил всю страну Советов и очень эмоционально рассказал, как в Израиле давят попытки спецов-репатриантов найти нефтяные месторождения, которые по всем признакам имеются. Я очень сожалею, что не оставил его координаты. За столом опорожнили полторы бутылки «Кеглевича», а вот принесенную нами «Самарскую» хозяин зажал.

Нашу тургруппу составляли обеспеченные люди кроме нас и одной пары из Москвы. Он, бывший военный врач-уролог, русский, она — еврейка. Мы держались вместе. Как-то Николай Иванович рассказал, что провел проверку состояния крайней плоти у солдат в двух полках и был крайне расстроен результатами. У 70% солдат там было просто гнездилище вредных микроорганизмов. Его статью о ненормальности этого явления, посланную в журнал «Здоровье», перенаправили в Политуправление Советской Армии, откуда пришла «с последствиями» гневная отповедь — «Вы что, хотите обрезание у нас ввести?». От него узнали, что в США обрезание делают большинству новорожденных. В Израиле также узнали, что день обрезания Иисуса Христа — христианский праздник. 1 января — у католиков, а 15 — у православных.

Из Нетании проехали через Афулу (знали бы!) в Нацерет (Назарет), а потом на озеро Кинерет (2-е море), в котором, а потом в реке Иордан, я рискнул искупаться, хотя было далеко не жарко. Вдоль Иордана достигли Мертвого моря, и в Эйлат на Красном море. Сохранился «исторический снимок» — мы под дождем купаемся в Мертвом море. Нам «повезло» — дождь там бывает в считанные дни за год.

Как и положено, у меня без «накладки» не обошлось. По дороге в Эйлат в автобус сообщили, что наш вылет совпадает с началом Песах (Пасхи) и рейса не будет. Я по неграмотности перенес вылет на 2 дня, опять невпопад, т.к. 2-й день тоже нерабочий. Пришлось Юле с мужем Димой везти нас в аэропорт из Бейт-Шемеша, где они тогда проживали. У них мы пробыли в гостях с перерывом 2,5 дня. В салоне квартиры по убедительной просьбе Юли я прикрепил к потолку вешалку для гардин.

Юля почти целый день показывала нам Иерусалим и завела в Итальянское кафе на ул. Яффо, где угостила настоящими равиоли. Это кафе впоследствии дважды или трижды взрывали террористы.

От Юли мы самостоятельно добрались до Тель-Авива и затем на электричке до Кирьят Моцкина, где и поныне проживает Иллочка Баркан. Встретила она нас очень радушно. Она призналась, что здесь сбылась ее давняя мечта — жить рядом с морем. Мы с Валею самостоятельно попали в Бахайские Сады в Хайфе и в подземелья рыцарского замка в Акко. Рукотворную красоту Садов и мавзолеев Бахаев описать словами очень трудно. Надо смотреть! «Это — чудо Света!» — справедливо воскликнула тогда Валя.

Две недели в Израиле произвели на нас неизгладимые и очень приятные впечатления. Особенно поразило радушие и благожелательность людей, их постоянное желание помочь, что резко контрастировало с враждебно-напряженной атмосферой в России. Мы спокойно передвигались по стране, не зная ни слова на иврите. Анекдотичный случай произошел на рынке Бейт-Шемеша, когда на мой «безукоризненно английский» — «Хау мач из ит?» продавец ответил — «Три шекеля». Несколько неприятный осадок оставил отказ нам в ночлеге со стороны Нели, дочери дяди Миши. Бог с ней!

Когда мы прошли все предполетные процедуры, объявили задержку вылета в Москву. Разговорились с соседкой. Женщина старше нас с очень симпатичным чисторусским лицом поведала поучительную историю своей дочери.

15.5.1.1 Рассказ поморки

Моя семья — потомственные поморы. Поморы — жители Северо-Запада России: рыбаки, охотники и мореходы. В этой части России не было завоевателей, поэтому только здесь сохранились в первозданном облике и повадках «русые русичи». Сама я учительствовала до пенсии, рано овдовела, детей поднимала одна. Сын и дочь учились в Москве. Сын — математик и сейчас там, а дочь вышла замуж за сокурсника-еврея и после окончания консерватории настояла на отъезде в Израиль, т.к. он — талантливый, но не пробивной человек. В Израиле они поселились в Ашдоде (или Ашкелоне), муж попал в симфонический оркестр, а она сидела с 5-и летним сыном. Однажды он гулял около дома, араб на автомашине дал задний ход, насмерть прижал мальчика к ограде и уехал. Его поймали, но адвокат-еврей доказал «непреднамеренность и случайность» произошедшего, и его осудили всего на 3 года.

Дочь была в трансе, ее угнетала мысль о виновности в смерти сына, которого привезла в Израиль... Раздался телефонный звонок, и на ломанном русском языке к ней обратилась женщина, представившаяся дирижером женского симфонического оркестра. Она сказала, что узнала о трагедии в их семье, и предложила играть в их оркестре, добавив, чтобы дочь подумала, потому что такая возможность представляется раз в жизни.

Посоветовавшись с мужем, дочь согласилась. Сейчас у нее двое детей, она объездила с оркестром 2/3 мира, а детей нянчила я. Теперь я каждый год с осени приезжаю в эту страну на полгода, очень полюбила ее и ее народ, также ненавижу арабов...

Перед моим отъездом дочь попросила у меня разрешение принять гиюр, потому что хочет присоединиться к народу, который «дал ей вторую жизнь». Я согласилась...

15.6. Павлик в Самаре

60-летний юбилей Вали отмечали в Андреевке. Приехали Зина из Волгограда, Леня и Люда из Тольятти, Алла с детьми, Аркадий. Назавтра после торжественного обеда состоялся семейный совет, где я предложил, чтобы Павел, который перешел в 8 класс, продолжил учебу у нас в Самаре. Главный мой довод заключался в том, что высшее образование ему придется все равно получать в России, т.к. на Украине им это не под силу и, главное, деревенская школа не даст требуемых знаний. Опыт Аллы и Аркадия подтверждает, что требования к абитуриентам, как правило, выше того, что дает школа. Эта тема поднималась не в первый раз, и всегда

категорически возражала наша дочь. Меня поддержали Валя и Арик. Исход дискуссии решил внук, он достаточно твердо заявил, что хочет учиться в России. Алла вынуждена была согласиться, и пообещала убедить Гену.

Я начал поиски школы, куда лучше устроить Павлика. Самым привлекательным казался элитарный компьютерный колледж, расположенный невдалеке от нас. С помощью бывшего моего бригадира Володи Харченко (мир праху его) после приезда внука в начале сентября 96г удалось организовать «нужный звонок» директору колледжа. На подготовку к разговору с ним у нас был только один день, и мы целиком отдали его математике, напрасно. Выяснив, что Павел учился в украинской школе, директор усомнился в его русском и предложил преподавательнице русского языка проверить его подготовку. Ситуация усложнялась тем, что Павел простудился и на этот своего рода экзамен пришел со всеми атрибутами ОРВИ: сильный насморк, чихание и т.п. Итог оказался плачевным — 22 ошибки. Как потом он сказал: «Бабушка! Меня всю жизнь учили, что слово «касса» пишется — «каса» и...».

Его взяли не в колледж, а в школу при нем. Чтобы подтянуть русский язык мы наняли репетитора — ту же преподавательницу. Надо отдать ей должное — за два месяца он вышел на удовлетворительный уровень, а к концу ноября стал лучшим в классе. Мы, не знавшие ранее особых проблем в учебе наших детей, были удивлены и обрадованы его отношением к учебе. Он буквально «вгрызался» в уроки. Думаю, что определенную роль в этом и до сих пор не упущенном стремлении быть лучшим сыграл и я. К сожалению, такого честолюбия явно не хватает Вадиму и Максиму. Классная руководительница посетовала, что он намного отстал от учеников колледжа — «ему надо было поступать в 7 классе», и посоветовала перевести его в другую школу.

С третьей четверти он начал учиться в школе № 81 в самом центре Самары и вскоре опять стал лучшим учеником. Когда утром Павлик входил в класс, его уже ждали, чтобы списать домашние задания. Мы просто пришли в ужас, когда узнали, что одноклассник — «новый русский» ему за это платит. Рынок пришел и в школу.

Конечно, в учебном процессе внука активно участвовать пришлось и мне, особенно в начальные периоды, когда ему приходилось «догонять» ранее прошедшие разделы. Ну, а черчение полностью взял на себя, понимая, что на этом этапе ему нет смысла начинать с начала, ведь в Великой Богачке такого предмета не

было. Однако чертежи читать он научился. Если с местами учебы мы определились, то далеко не просто, оказалось «узаконить» постоянное пребывание в Самаре. Пришлось оформить мое опекунство, получив письменное согласие родителей. Слова, которыми пришлось обосновывать этот шаг, повторять не хочется. Мы даже стали получать ежемесячное детское пособие в размере «аж» 58 руб. Рост внука был где-то 158 см. На турнике в нашей прихожей он с трудом подтягивался до трех раз. Бабушка начала его «откармливать», стараясь приготовить «вкусненькое и полезное». Чуть ли не ежедневно Павел ходил на набережную Волги, где на спортплощадке играл в футбол или в волейбол, а к турнику стал подходить до трех раз за день.

Смена обстановки и рациона питания, непривычно — жесткий контроль за качеством учебы (я не признавал довод, что «четверка» — тоже хорошая оценка») вызвали неприятные ощущения и даже боли у него в желудке. Мы очень испугались и убедили его начать уринотерапию. Умница-внучок согласился и благодаря этому «задавил зверя в зародыше» безо всяких лекарств.

Зимой несколько раз сходили на лыжах через Волгу и далее. Ему с непривычки такие походы были тяжеловаты, а вот вдоль набережной вечером пробежаться было в удовольствие.

Рост внука измеряли ежемесячно и ранней весной обнаружили, что «процесс пошел». Хорошее питание, активная физкультура и правильный режим пробудили организм, парень «пошел в рост» и к лету прибавил 8 см. Вернулся из Богачки с летних каникул похудевший и озабоченный. На наши недоуменные расспросы недовольно ответил: « Думаете, что там едят, как здесь... мясо не каждый день». Нам регулярно помогал Аркадий, да и Леня периодически подбрасывал что-либо существенное, то новые ботинки, то фотокамеру. У нас не было ничего играющего, что как-то угнетало внука. Решили купить ему магнитофон, но Аркадий убедил приобрести музыкальный центр, пообещав доплатить. Так у него появился переносной комбайн «Сони», и нас оглушили песни группы «Браво» и ее тогдашнего солиста Сюткина. Когда эта группа дала гастрольный концерт во Дворце Спорта, отказать ему в посещении было невозможно. Учительница литературы просто принудила класс прослушать в Академическом театре оперы и балета «Евгения Онегина» и «Князя Игоря». Не в пример большинству Павел получил удовольствие, папины гены срабатывали. Добавлю, что иногда он брал привезенную свирель («сопелку») и выводил на ней украинские мелодии.

Понимая, что школьных знаний по физике и математике явно не хватит для поступления в хороший ВУЗ, я с трудом убедил Павлика поступить в заочную физико-математическую школу при МИФИ (московский инженерно-физический институт). Обучение там платное, но я получил существенную скидку. Задания присылали по русскому, физике и математике в сроки, соответствующие школьной программе. После отправки почтой решения приходили рецензии — оценки по каждой задаче и общая отметка задания. С задачами такой сложности, особенно по математике я столкнулся впервые. Павлик втягивался постепенно — сначала решал я и «наводил» его на решение, я без помощи извне осиливал 50—70 % задач. Во втором полугодии он уже мог самостоятельно решать до половины задания. Ответы-рецензии значительно расширяли наш математический и физический кругозор и логику. Хотя текущие оценки были не на высшем уровне, в конце учебного года пришло приглашение «отличнику П.Гольдштейну» продолжить учебу на льготных условиях.

Осенью 97 г. стала ощущаться нехватка денег из-за угрожающего роста цен. Наши знакомые, работающие в технических институтах, предупредили, что ко времени поступления Павлика в институт «бесплатное» обучение станет фикцией и потребуются платить и платить немало. Я решил опять пойти на работу, но об этом отдельно.

В первых числах апреля позвонила Алла и ошеломила нас известием, что они решили вместе со старшими Гольдштейнами ехать в Израиль. «Прозрели» они из-за того, что за год до этого Генин брат Слава с семьей уехал в «землю обетованную» вслед за старшим сыном Ромой. «Братский зов» оказался решающим. То, что 9 класс надо заканчивать в Самаре, вопросов не вызывало. Как быть дальше? Рома уехал по израильской программе для выпускников средней школы. Мы знали о существовании программы для девятиклассников «Наале 16». Я обратился в отделение Сохнута (Еврейское агентство) в Самаре. Там узнал, что приемно-отборочные экзамены по этой программе прошли недавно, в конце марта. А до них желающие учились по вечерам в помещении Сохнута. Это в 15 мин. ходьбы от нашего дома. Обидно стало за опоздание. Но на всякий случай нас взяли на учет.

В Сохнута «главным» был израильтянин, но в основном работали «наши». С благодарностью вспоминаю Валентину. Русская женщина — жена еврея-полковника, она душу вкладывала в каждого кандидата на репатриацию. Ее двое детей учились в Хайфе, туда попали тоже по «Наале 16», а их удерживала квартира на Управленческом, которую никак не могли продать.

25 апреля Валентина позвонила нам домой и спросила: согласен ли я поехать с внуком в Москву, чтобы он там прошел отбор-экзамены 28 апреля без подготовки. Я, не задумываясь, согласился, а Павлуше разъяснил, что «попытка — не пытка» и «не боги горшки обжигают», а при его уровне знаний риск минимален, главное — не волноваться.

Утром 28-го мы прибыли в столицу и сразу направились в школу на проспекте Мира. Там узнали, что действие назначено на завтра. Остаток дня посвятили решению психологических и логических задач и головоломок, благо у Вадика нашли соответствующую книгу.

На дополнительный экзамен собрались подростки почти со всей европейской России. В большинстве «полукровки» — неевреи по Галахе. Приехало немало русских мам, разведенных с мужем-евреем. Они знали, что лично им дорога в Израиль закрыта, но были уверены, что их ребенку там будет лучше. Глядя на некоторых из таких ребят, я ощущал, что табак, водка и наркотики мимо них не прошли. К сожалению, это подтвердилось в Израиле. Экзамены были не очень сложными, самым трудным вначале оказалось собеседование с консулом (проверка еврейских корней) и в конце беседа с психологом. На нем «сгорели» некоторые из претендентов. Павлик держался правильно и в успехе мы не сомневались. Окончательное решение должны были сообщить из Иерусалима через месяц-полтора.

Впереди были экзамены за девятилетку. Самый страшный — изложение на русском языке. Приехала мама Алла и активно вмешалась в учебный процесс. По некоторым методическим вопросам наши с ней подходы оказались противоположны, что сказало на наших взаимоотношениях. Тем не менее, экзамен он сдал на 5, а дальше все пошло «по маслу».

На выпускном вечере лучшими назвали его и одну девушку, кандидатку в медалисты. Нас пригласили за праздничный стол, и мы с удивлением не обнаружили там внука и его друга. Пришлось в недоумении удалиться. «Плакали наши денежки». Дома беглецов тоже не оказалось. Около 9 вечера позвонили из рай-отдела милиции, говорил я и в итоге договорился, что после их повторного звонка я поеду за ребятами. Но вскоре пришел внук. Оказалось, они узнали, что за столом будут наливать водку и поэтому ушли на набережную, где стали играть в волейбол с взрослыми парнями, которые знали, что они игру не испортят. В перерыве их угостили пивом, и вот тут их всех прихватила милиция. Так Павлуша «отметил» окончание учебы в России.

Для поездки на учебу в Израиль нужен был заграничный паспорт. Много времени и нервов затратили на его оформление, но на последней стадии получили категорический отказ. Украинское правительство запретило поездки своих граждан за рубеж по российским документам, а он — гражданин Украины, хотя военкомат без раздумий уже поставил его на учет как допризывника. Нам надо было заблаговременно переоформить ему гражданство, ведь родился он в России, в Перми. Отправили внука домой.

В июле нас «обрадовал» Сохнут — Павлику отказали в участии в программе безо всяких объяснений. Стало обидно и непонятно. А тут еще Алла сообщила, что его у них не хотят прописывать по надуманным предложениям...

В первых числах августа нас с немалым трудом (жили в Андреевке) нашла Валя из Сохнута и объяснила, что произошла досадная телефонная ошибка, а в компьютере Павлик значится с самого начала и должен вылететь в Израиль в первой декаде сентября. Не вдаваясь в подробности, скажу одно: если бы не человеческий подход со стороны самарского отделения Сохнута и, особенно, Израильского консула в России (кажется Морозовой), внук в Израиль в названный срок не попал бы, потому что и Харьковское отделение Сохнута и консульство в Киеве проявили чисто «украинское» отношение к нашему внуку — «проверяли в России, пусть оттуда и едет». Достаточно сказать, что я 4 раза говорил по международному телефону из Великой Богачки в Полтавской области с консулом в Москве, и она по моей просьбе 3 раза звонила своему коллеге в Киев, а с киевским консулом г-ном Козном меня не соединили ни одного раза — «приезжайте на прием в пятницу...».

Остается добавить, что все эти события происходили на фоне печально знаменитого Дефолта в России, когда наш долларовый запас (более 3 тысяч) в Инкомбанке и рублевый (11000) оказались заблокированными. Чтобы дать дочке в дорогу хотя бы 200\$, пришлось обратиться к Лене. Аркадий был пуст — заканчивал постройку дачного дома в 100 км от Москвы, недалеко от Рузы. Если в мае Гене с Аллой за их дом предлагали 14 тысяч долларов, то перед отъездом они его продали за 4. Уехали они позднее Павлика «налегке», но это уже другая история.

Чтобы закончить и тему Дефолта, скажу. В Инкомбанке нам предложили вместо долларов рубли из расчета 9 рублей за 1 доллар, тогда доллар уже стоил более 16 руб. Я настоял на отказе, получив от жены обещание «не упрекать» Это было в сентябре 1998 г. Только к началу 2001 г. вопрос с долгами Инкомбанка ре-

шился для нас в наилучшем виде: сумма вклада выросла на договорные проценты, и ее выплатили по курсу 27,1 руб. за 1 доллар. Победа! Но сколько нервов это стоило? Сам себя ел, да и женушка напоминала при «удобном случае». А родные рубли из Агробанка вернули через 2 года по номиналу вклада, без никаких %. Тогда реальная покупательная возможность рубля снизилась в 1,5 раза по сравнению даже с концом 1998 г. Однако СМИ публиковали «благодарные отклики» на это деяние грабителей.

15.7. Опять завод им. Фрунзе

С 1 января 1997г я «по настоящему» ушел на пенсию, но ненадолго. В октябре после юбилейного собрания в СКБМ у заводской проходной случайно встретил М. Данишевского, который начал уговаривать меня пойти к нему в цех № 10 старшим мастером.

Юбилейный сбор сильно расстроил меня подчеркнутой неприязнью к памяти Н.А. Дондукова, которому все тогдашние руководители были обязаны своей карьерой, а весь коллектив — огромной производственной площадью и «небоскребом» здания КБ. Только гость — бывший зам министра Чуйко отдал ему должное. «Осанну» пели А. Овчарову, первому Главному, который фактически сбежал домой на Управленческий, НИЧЕГО не сделав во благо коллектива. До сих пор не могу себе простить, что не прорвался на сцену и не предложил присвоить КБ имя Дондукова.

Я стал старшим мастером одного из мехучастков, на котором трудились только три не пенсионера: женщина — мастер, два алкоголика и первоклассный токарь, появлявшийся на работе, в лучшем случае раз 10 в месяц. Держались за него «двумя руками». Даже у него заработки были низкие, не по труду и не по квалификации. Впрочем, и остальные рабочие были далеко не средней квалификации.

Трудно поверить, что детали высочайшей точности (ракетная автоматика!) изготавливались на изношенных станках, установленных в 1957 г. Станки ЧПУ (с программным управлением) ремонтировались 2 — 4 дня, после чего работали «аж» до 2,5 смен. В Израиле я активно сотрудничал с одной «хиврой» (предприятием), где имелось два вертикально-фрезерных станка и один токарный. Каждый из них помимо ручного управления имел программное устройство, обеспечивающее достаточно высокую точность. Я вспоминал муки своего Василия Зозулина, фрезеровщика. Только он умел делать точность на своей «старушке-вертикалке». Он на 2,5 месяца моложе меня. Жив ли?

Зарботки тогда у высококвалифицированных рабочих (да и у нас, мастеров) были мизерные. Леня справедливо «подкалывал» меня, что у них уборщица получает больше. Их работу оценивали по нормам, установленным еще в советское время. Тогда обязательное ежегодное «липовое» повышение производительности труда на 3% осуществлялось соответствующим сокращением нормативов на обработку в 90% случаев безо всяких оргтех мероприятий. «Закрывали нас, старших мастеров, в отдельной комнате и не выпускали пока не «повысим» производительность на заданный уровень...» рассказывал мне опытный коллега. Старались изменять в первую очередь нормативы на детали, которые в данный момент не изготавливались, ну, а «работяг ублажать» из фонда мастера или спиртом. С такими нормативами я и столкнулся, когда общий норматив был менее времени на установку детали — абсурд. Кое-что удалось уточнить, преодолевая активное сопротивление соответствующих служб завода и цеха. Фонда мастера у нас не было, спирт — в очень малом количестве. Он расходовался только для спецопераций, хотя списывался на обработку. Мой мастер Женечка, Евгения Александровна, в ужас приходила, когда я без колебаний записывал своим рабочим «липовые» работы, чтобы хоть как-то поддержать их зарплату. Я успокаивал ее тем, что «беру всю ответственность на себя». Один раз меня прихватили проверяющие, но я сумел реабилитироваться. Думаю, они прекрасно понимали дикость ситуации.

А в это же время кучка руководителей во главе с Генеральным директором «гребли миллионы». Одним из эффективных путей обогащения были кооперативы на заводе, которые за большие деньги выполняли заказы «со стороны», материалы и все затраты относили на счет основного производства. Крохи с «барского стола» доходили и до нас, старших мастеров. В то время ни копейки не было вложено в переоснащение производства. Зато миллионы тратились на благоустройство бытовых условий для руководства. Один из членов этого «круга» как-то с горечью сказал: «мы уподобляемся той группе недобросовестных врачей, которые у постели тяжелобольного человека пытаются снять с него еще что-то, то ли кольцо, то ли золотой протез, совершенно забыв о необходимости лечить...» Описывать заводскую жизнь не хочется, противно.

Курьез. Цех изготавливал для НК12СТ стопорные клапана нашей разработки 1978 г. Я о них писал. Из-за не обеспечения требований чертежа по величине давления открытия клапана цех испытывал большие трудности. Узнав об этом, я подробно высказал

основные возможные версии появления дефекта, которого раньше не было, ответственным лицам. Активно вмешиваться было не этично — сборка не моя епархия. В КБ «вел» клапан Вася Запорожский (вечная ему память), бывший работник в бригаде Кондрашова. Примерно через год моей работы, начальник бюро технического контроля цеха в сердцах сказал мне, что «ты сделал говенный клапан». Меня это задело, и я предложил старшему мастеру сборки, что «ликвидирую дефект за литр спирта». Он согласился. Как я и предполагал, причина заключалась в грубом нарушении требования чертежа и техпроцесса опытным сборщиком — алкоголиком. Год мучились, но, ни конструктор, ни технолог, ни мастера, ни контролеры в чертеж и в технологию не удосужились посмотреть. Спирт я получил. Приближался мой 70-летний юбилей...

15 марта 2001 г я прекратил трудовую деятельность в России и вышел на пенсию, как мне казалось окончательно. Мы начали активно готовиться к отъезду в Израиль.

